ДЖОН БОЙНТОН ПРИСТЛИ

51 неделя

31 июня

Джон Бойнтон Пристли

Аннотация
Джон Бойнтон Пристли. 31 июня
Глава первая. Принцесса Мелисента и волшебное зеркало
Глава вторая. Сэм и карлик
Глава третья. Два волшебника
Глава четвертая. В «Вороном коне»
Глава пятая. Как завершилось утро мистера Диммока
Глава шестая. Сэм в беде
Глава седьмая. Мелисента в эфире
Глава восьмая. Сэм в темнице
Глава девятая. Снова в «Вороном коне»
Глава десятая. Король Мелиот после обеда
Глава одиннадцатая. Встреча в темнице
Глава двенадцатая. Сэм и Красный рыцарь
Глава тринадцатая. Драконография
Глава четырнадцатая. Операция «Дракон»
Глава пятнадцатая. Слишком много неожиданностей
Глава шестнадцатая. Сделка с волшебниками
Глава семнадцатая. Свадебный пир

Аннотация

Повесть о верной любви, предприимчивости и прогрессе в век короля Артура и в век атома.

Джон Бойнтон Пристли
31 июня

Повесть о верной любви, предприимчивости и прогрессе в век короля Артура и в век атома

Глава первая. Принцесса Мелисента и волшебное зеркало

В Лунный день, 31 июня, в Перадоре выдалось ясное летнее утро — как раз такое, какие всем нам помнятся по далеким прежним годам, но с тех пор как будто не повторялись ни разу. Крошечное королевство, одно из вассальных владений великого короля Артура, чья резиденция была в Камелоте, зевая, просыпалось в дымном золоте утра. По той прискорбной причине, что Артуровой Англии прогресс был неведом, все вокруг жили очень мирно и тихо: нигде не сносили старинных зданий, чтобы расчистить участки для контор и административных корпусов, никто не старался съесть живьем конкурента, ни один из подданных короля Мелиота не наживал себе язвы или нервного расстройства из-за трудностей с транспортом и служащие не втискивались в мчащиеся под землей поезда. Поскольку об экономике тогда еще понятия не имели, Перадор не строил безнадежных планов превышения вывоза над ввозом. Собственно говоря, там вообще не занимались планированием, если только не

считать планом обеденное меню.

Западную башню замка короля Мелиота занимала его единственная дочь и наследница принцесса Мелисента со своими двумя молоденькими фрейлинами и прислугой. В главном покое — Ковровой зале — сидел музыкант принцессы, молодой человек по имени Лэмисон, и лениво перебирал струны лютни. Это был один из тех чахлых, угрюмых и вечно надутых молодых людей, которые весьма собою довольны без всяких на то оснований — он даже не умел мало-мальски прилично играть на лютне. Его треньканье было прервано появлением двух фрейлин — леди Нинет и благородной Элисон.

У Нинет были темно-рыжие волосы, зеленые глаза, прелестная фигура и мерзкий характер. Элисон была меньше и мягче — хорошенькая, тихая, словно мышка, девушка, какие никогда не переводились в Англии со времен короля Артура до наших дней. Несмотря на ранний час, обе девушки уже скучали, и потому у Нинет был вид вызывающий и раздраженный, а у Элисон — задумчивый и понурый.

Нинет незамедлительно набросилась на Лэмисона:

— Ах, да перестаньте вы! Опять это старье! На-

доело! Неужели вы не знаете ничего другого?

Элисон ограничилась мягким упреком:

— Ведь вы обещали выучить песню «Черный рыцарь взял мое сердце в полон», — сказала она.

Лэмисон пробурчал что-то невнятное и перестал играть, но не двинулся с места, ожидая появления принцессы Мелисенты. Девушки больше не обращали на него ни малейшего внимания, они стояли рядышком и перешептывались.

— Если Мелисента принесет волшебное зеркало, — сказала Нинет, — я попрошу разрешения заглянуть в него.

— Ах… Нинет… неужели ты отважишься?

— Конечно! Ведь зеркало не ее, и она вот-вот должна вернуть его тому волшебнику, может, даже сегодня утром. А если она кого-то в нем увидела, то, может, и я увижу.

— Опять, наверно, нас усадят за вышивание, — вздохнула Элисон. — И у меня разболится голова. Почему это у нас в Перадоре не бывает никаких событий? Моя двоюродная сестра Элайн дивно проводит время в Камелоте. Искусные чародеи, тут же под боком два великана и дракон, целых четыре заколдованных замка, на каждом шагу рыцари Круглого Стола: только и ищут, кого бы спасти, что ни вечер — гости, приемы… — Она

снова вздохнула.

Нинет фыркнула.

— Что толку попусту вздыхать! Надо самим позаботиться, чтобы случались всякие события!

— Только не с моим добродетельным нравом, — грустно промолвила Элисон.

— Ну, а я, слава богу, безнравственна, — сказала Нинет, и ее зеленые глаза заблестели. — Пусть только случай представится или хоть полслучая — уж я позабочусь о том, чтобы события у нас были! Вот увидишь!

Поспешно вошла принцесса Мелисента, на ходу протирая шелковой тряпицей волшебное зеркало — около восемнадцати дюймов в длину и столько же в ширину, — сделанное из блестящего металла и оправленное в темную деревянную раму. У принцессы были золотистые волосы и большие серые глаза, и вообще она была очаровательна, но в то утро она рассталась со своей обычной дремотной и улыбчивой безмятежностью, и вид у нее был совсем хмурый.

— Я просто вне себя! — объявила она. — Все утро смотрю, смотрю, а его нет и нет. Но я уверена, что он по-прежнему обо мне думает. Я чувствую, что думает! Видно, чары не действуют.

— Может быть, если я попытаюсь… — начала

Нинет.

— Ни в коем случае! Магистр Мальгрим, волшебник, дал мне зеркало только на время. — Тут она заметила музыканта. — Идите, Лэмисон. Нынче утром музыки не будет. Мы не в духе. — Она умолкла, выжидая, пока он выйдет. — Нет, это меня с ума сводит! Неужели я больше его не увижу? Какой сегодня день?

— Лунный день, тридцать первое июня, — сказала Элисон. — И погода чудесная. Мы не выйдем погулять?

— Нет, отец желает говорить со мною. Придется сесть за вышивание.

Обернувшись к Элисон, Нинет скорчила недовольную гримаску.

— Ах нет, Мелисента, пожалуйста, подождите. Вы ведь нам еще не рассказали, как был одет этот рыцарь.

— Да, право, не знаю, — начала принцесса задушевно и доверительно, — кажется, на нем была белая рубашка, а поверх — желтый камзол или что-то в этом роде. И потом, мне кажется, что он не рыцарь. И даже не оруженосец. Наверное, какой-нибудь художник. — Она помедлила, потом, решившись, сказала еще более доверительно: — А вот это уже тайна: его зовут Сэм.

— Сэм? — в один голос воскликнули Нинет и Элисон.

— Сэм, — повторила принцесса с нескрываемым удовольствием. — Правда, миленькое имя? И еще про одну вещь я вам не рассказала — он умеет выдувать дым изо рта.

— Как дракон? — спросила пораженная Элисон.

— Вовсе не как дракон. У него это получается не свирепо, а очень мило!

— Может, он волшебник? — предположила Нинет.

Это задело принцессу.

— Вот еще! Оттого что вашу тетку подозревали в колдовстве, у вас, Нинет, только и на уме всякие там чародеи, колдуны, волшебники…

Раздался оглушительный стук в двери, после чего они распахнулись настежь, пропустив герольда короля Мелиота — грузного пьяницу с громовым голосом.

— Благородная принцесса Мелисента… сударыни! — загремел он. — С вашего позволения честь имею объявить: его королевское величество Мелиот — король Перадора, высокий повелитель Бергамора, Марралора и Парлота, властелин Лансингтона, Нижних Мхов и Трех Мостов!

— Ну, это уж слишком! — сердито сказала Мелисента. — Кому какое дело до этих Нижних Мхов и Трех Мостов?

Прежде чем герольд успел ответить, у самых дверей заиграли трубы. Девушки зажали уши и состроили недовольные гримаски. Вслед за тем совершился выход короля Мелиота — ничуть, однако, не величественный по причине крайней поспешности. На короле была самая легкая его корона и мантия, некогда великолепная, но теперь изрядно обносившаяся и с довольно четкими следами яичных и винных пятен. Король был одним из тех обремененных властью людей пожилого возраста, которым кажется, будто они вершат великие дела, меж тем как на самом деле они просто по уши увязли во всяческих мелочах. Слова из уст короля сыпались быстро и отрывисто, и ему всегда до того не терпелось высказать свое суждение, что нередко он сам себя перебивал.

— Доброе утро, Мелисента! Доброе утро, девочки! — проговорил он в ответ на их реверансы. — За работу еще не принимались? Производство ковров сократилось на семьдесят пять процентов, с тех пор как мы потеряли нашу дорогую королеву. Так дело не пойдет. Извольте задуматься над этим. Кстати, мы только что получили

приглашение на конференцию в Камелот.

Лица девушек разом прояснились.

— Когда мы едем? — спросила Мелисента.

— Ты не едешь. Только мужчины… Даже королев и то не звали: кое-какие проблемы обороны. Да и вообще Камелот сейчас не место для юных девиц. Королева Джиневра, конечно, женщина обаятельная, но… так сказать…

— Ах, отец, ну что вы, ей-богу! — воскликнула Мелисента. — Мы отлично знаем про нее и про сэра Ланселота…

— Ничего ты не знаешь! — закричал король, внезапно рассвирепев. — И никто ничего не знает! Все это дурацкий вздор!

— Ну что ж, если это вздор, — сказала Мелисента, — почему мне нельзя…

Но король не желал больше слушать никаких возражений.

— Не вздумай спорить с нами, девочка. У тебя нет ни логики, ни здравого смысла. А теперь — тихо. Нам надо подумать. Зачем мы здесь? Ах да, мы хотим взять с собой в Камелот нашего карлика Грумета. Куда ты его девала?

— Нет, отец, дорогой, пожалуйста, не увозите опять Грумета в Камелот, — запротестовала Мелисента. — Он не умеет говорить… и у него только

два трюка, да и те уже старые-престарые…

— Вполне довольно. Между прочим, трюк с паштетом из оленины имел в прошлый раз потрясающий успех. Сэр Пелеас предлагал нам в обмен на Грумета своего главного оружейника. Нет, он нам необходим. Где он? Говори толком, дитя мое, где он?

Мелисента была в чрезвычайном затруднении.

— Видите ли, отец… дело в том, что… я послала его поискать одного человека…

— Одного человека? — вскричал король. — Кого? Куда? Зачем?

— Ну… ты помнишь магистра Мальгрима, волшебника?

— Как же. Недавно заявился. Прибыл с письмом от короля Марка, ищет нашего покровительства. Не очень-то он нам понравился. Слишком нос задирает. Так что с ним такое?

— Он одолжил мне волшебное зеркало, — сказала Мелисента все так же нерешительно. — Если кто-нибудь о тебе думает, ты увидишь его в этом зеркале…

— Вздор! Вы, девчонки, готовы поверить во что угодно. Где оно? — Мелисента протянула ему зеркало, и мгновение-другое король не отрываясь

глядел в него. — Ну, ясно, так мы и думали. Наше собственное лицо — и ничего больше!

— Смотрите внимательно, государь, — сказала Нинет, сочтя, что ей пора вступить в разговор.

— А мы и смотрим внимательно, — отозвался король, все еще не отводя глаз от зеркала. — Ох, это еще кто такой? Вроде бы сэр Кэй, управитель дворца в Камелоте. Да, верно… он сейчас думает о нас.

— Обо всех нас? — осведомилась Мелисента.

— Да нет, о нас лично, о нашем королевском величестве. Ей-богу, он опять собирается поместить нас в те же холодные покои на северной стороне, а там сквозняк так и гуляет. Ну уж нет, на этот раз мы там жить не станем. Вот… держи свое зеркало. Но при чем тут наш карлик? Ты ведь говоришь, что послала его искать кого-то, так, что ли?

Он взглянул на дочь с некоторым подозрением.

— Вчера, — мечтательно промолвила Мелисента, — я посмотрела в это зеркало и увидела человека по имени Сэм, который думал обо мне. Он был так мил.

— Мил? Вздор! И кто он такой, этот Сэм? Мы никогда о нем не слыхали. Стало быть, ты отправила нашего карлика с поручением к этому

проходимцу?

— Я попросила магистра Мальгрима, волшебника, чтобы он своими чарами помог карлику Грумету найти Сэма. Потому что Сэм не в нашем королевстве и вообще ни в одном из тех, какие мы знаем…

— Ну, а где же он тогда?

— Видите ли… Сэм вообще не имеет отношения к тому, что называют всамделишной жизнью.

— А-а-а, вон оно что, так бы сразу и говорила. — Король Мелиот был восхищен собственной проницательностью. — Забила себе голову мифами, легендами, сказками, а? Дело неплохое, если только этим не злоупотреблять. Так-так… Ну, а теперь подавай-ка сюда карлика.

— Но я не могу, отец. Он отправился искать Сэма, я ведь вам уже сказала.

— Какой смысл, — вопросил король раздраженно, — посылать всамделишного карлика на розыски человека, которого на самом деле нет?

— Да я не говорила, что Сэма нет на самом деле, наоборот!

— Если он не из всамделишной жизни, стало быть, его на самом деле нет! — Король орал во всю глотку и сверкал на принцессу глазами. — Он воображаемый! Вот и посылай на розыски

воображаемых карликов — ради бога, сколько душе угодно. Но зачем посылать всамделишного карлика? Сто чертей! Ни логики, ни разума, ни здравого смысла! Нет, дочка, это у тебя, видно, летний приступ бледной немочи! — Он кинулся к дверям и еще на ходу закричал: — Магистр Джарви! Магистр Джарви!

Спустя несколько мгновений в дверях показалась длинная и важная физиономия королевского медика. Он поклонился и вопросительно взглянул на короля.

— Нет, не мы — принцесса Мелисента, — проговорил король нетерпеливо. — Страдает видениями… вздорные выдумки. Говорит, будто отправила карлика Грумета искать какого-то типа, которого на самом деле не существует. Наверно, приступ чего-нибудь этакого…

— Отец, я совершенно здорова…

— Вздор!

— Ваше высочество, — сказал Джарви, приближаясь, — осмелюсь заметить: хоть сколько-нибудь уверенно обратиться к опытному медику с таким заявлением, как ваше, могут весьма немногие. Готов согласиться, что вы *чувствуете себя* совершенно здоровой. Но быть совершенно здоровой и *чувствовать себя* здоровой — далеко

не одно и то же. Позвольте, ваше высочество.

— Стой смирно, дитя мое! — предупредил король. — Ради твоего же блага!

Медик сосчитал у принцессы пульс, пощупал ей лоб, оттянул книзу веко, посмотрел язык и заставил свою пациентку сказать «а-а-а». Сам он то и дело приговаривал «хм-хм».

— Ну, твое мнение, Джарви? — спросил король нетерпеливо. — Говори. Не можем же мы торчать здесь весь день.

— Естественная гармония четырех первичных влаг несколько нарушена, — сказал Джарви с неописуемой важностью. — Плотная, черная и кислая влаги, очищенные от соков селезенки, недостаточно надежно оберегают в крови горячую влагу, или же, как учит нас Гален, природная пневма, возникающая в сердце, не сдерживает в должной мере пневму жизненную, возникающую в печени. Отсюда слишком быстрое освобождение возникающей в мозгу душевной пневмы, что, в свою очередь, разжигает пустую игру воображения.

— Верно! — вскричал король. — Пустая игра воображения! Вот что неладно с нашей девочкой! Ах, что бы мы стали делать без науки — подумать страшно. Какое снадобье назначишь, Джарви?

— Распустить в уксусе жемчужину, добавить толченого зуба дракона, принимать на ночь и утром; толченую мумию и корень мандрагоры в теплом вине — в полдень и вечером. Не есть пудингов с олениной и свининой. Не надевать алых платьев. До новолуния носить под сорочкой крылышко летучей мыши и высушенную жабу. И еще, пожалуй, палец повешенного…

— Ни за что на свете! — Мелисента отчаянно замотала головой и топнула ножкой.

Медик снисходительно улыбнулся.

— Хорошо, можно обойтись без пальца. Но снадобья принимайте…

— За этим присмотрим мы, — сказал король. — Ступай, магистр Джарви. Прими нашу благодарность. — Он помахал рукой, потом повернулся к дочери: — Мелисента, отсюда ни на шаг!

— Ах, отец, я буду сидеть взаперти?

— Вот именно, взаперти. Леди Нинет, благородная Элисон, извольте позаботиться об этом — или вам несдобровать. Чтобы отсюда ни на шаг! И чтобы никаких глупостей! А карлик Грумет — не сойти мне с этого места! — валяется пьяный где-нибудь в замке. Если он вернется сюда, отправьте его ко мне немедленно.

Мелисента была в отчаянии.

— Но магистр Мальгрим поклялся, что может послать Грумета из всамделишной жизни туда, где Сэм…

Король Мелиот двинулся было к двери, но тут повернулся и погрозил дочери пальцем.

— Мальгрим — шарлатан. Грумет — жалкий пьянчужка, бессловесная тварь. Ты — вздорная больная девчонка, у тебя воспаление мозгов. Твой Сэм — легенда, персонаж из сказки, романтические бредни. Наши повеления вам известны — всем вам, извольте подчиняться. Доставайте-ка свои иглы и нитки. Мы заняты делом. И вы должны заниматься делом — делом, делом, делом, делом! — Он отворил дверь и крикнул: — Отставить трубы, отставить! Нагремелись нынче утром, хватит.

И он исчез.

Три девушки поглядели друг на друга в унынии и растерянности.

— Теперь — за вышивание, — грустно промолвила Элисон.

— Мы должны что-нибудь придумать, — сказала Нинет. Но на этот раз в словах ее не было ни уверенности, ни запала, ни коварства.

Повернувшись к ним спиной, Мелисента молчала. Она глядела в синее и золотое утро, которое

обещало так много и не принесло ничего, кроме толченой мумии, мандрагорового корня и прочей мерзости.

— Что с вами, Мелисента, дорогая? — сказала Элисон.

Голос Мелисенты звучал слабо, едва слышно:

— Я полюбила Сэма. И не знаю, где он… кто он… когда он… и теперь больше не верю, что Грумет сможет его найти.

Она расплакалась и выбежала из залы.

Нинет и Элисон взглянули друг на дружку. Губы их шептали: «Бедняжка Мелисента!», а глаза блестели от удовольствия. Внизу, у винтовой лестницы, с шумом захлопнулась тяжелая дверь.

Глава вторая. Сэм и карлик

У Дэна Диммока («Зовите меня просто Д.Д, старик!») из рекламного агентства «Уоллеби, Диммок, Пейли и Тукс» был великолепный кабинет, лучший в конторе, с двумя рядами высоких окон. К сожалению, прогресс в тех краях шагал семимильными шагами и сквозь оба ряда окон врывался грохот пневматических дрелей. Диммок сидел за большим столом, рассматривая какой-то эскиз. Это был грузный, озабоченный и неопрятный человек — дорогой костюм всегда сидел на нем так, словно его хозяин спал не раздеваясь, а говорил мистер Диммок на поразительной смеси ланкаширского с американским, словно частица Мэдисон-авеню каким-то образом перенеслась в Бэрнли.

Перед столом, глядя на шефа, стояли его помощники — Энн Датон-Свифт и Филип Спенсер-Смит. Обоим было по тридцать с небольшим, и они были так похожи, что могли бы сойти за близнецов, хотя на самом деле не состояли в родстве. Но оба были высокие, стройные, энергичные, полные прыти.

— Меня это не устраивает, — сказал Диммок, бросая эскиз на стол. — И фирму «Жуй-да-плюй» не устроит. А главное, покупатель не клюнет. Нет, не пойдет.

В разговор вступили пневматические дрели и в течение следующих сорока пяти секунд не давали никому сказать ни слова.

— Совершенно с вами согласен, Д.Д., — объявил Филип Спенсер-Смит, когда дрели наконец смолкли.

— Да, покупатель не клюнет, но наш клиент… Я не уверена, Д.Д., — возразила Энн Датон-Свифт.

— Зато я уверен, — сказал Диммок. — Говорю вам — не пойдет. Для «Жуй-да-плюй» ни к черту. Что у нас дальше?

— «Чулок прекрасной дамы», — сказала Энн. — Потрясающая тема. Можно сделать шикарный бизнес. Нужна броская реклама на обложку! Романтическая атмосфера. Работает Сэм Пенти.

Диммок проговорил в микрофон селектора:

— Пегги, попросите мистера Пенти принести то, что он сделал для «Прекрасной дамы». Только живо!

— Если хотите знать мое мнение, Д.Д. … — сказала Энн, но тут снова завели речь пневматические дрели. Диммок проглотил две таблетки. Види-

мо, Энн не переставала говорить, потому что, когда дрели замолкли, она спросила: — Разве я не права?

— Ничего не могу сказать, — проворчал Диммок. — Не слышал ни слова из-за этих вонючих тарахтелок. — Он бросил взгляд на микрофон. — Пегги, отправьте еще один протест по поводу этих дрелей. — Он снова положил в рот таблетку и запил водой.

Вошел Сэм Пенти с папкой в руке и изогнутой вишневой трубкой в зубах. Это был широколицый коренастый мужчина за тридцать в желтом джемпере и забрызганных краской вельветовых брюках.

— Привет, Д.Д.! Энн, Фил, привет. Хороший денек.

— Не заметил, Сэм, — ответил Диммок. — Забот полон рот.

— А вот у меня одна забота, — сказал Сэм, — одно из головы не идет — что сегодня тридцать первое июня.

Диммок уставился на него.

— Тридцать первое июня?

Мисс Датон-Свифт издала мелодичный смешок.

— Не болтай глупостей, Сэмми. Тридцать пер-

вого июня не бывает.

Сэм был невозмутим.

— Да, все так говорят. Но я проснулся с ощущением, что сегодня тридцать первое июня, и никак не могу от этого отделаться.

— Сэм, я вам скажу одну вещь, — проговорил Диммок, все еще не спуская с него глаз. — Вы мне нравитесь, хотя по идее и не должны бы.

— Присоединяюсь, Д.Д., — подхватил Филип Спенсер-Смит.

— Зачем вы служите у нас? — продолжал Диммок. — Сколько раз ни спрашивал себя, не могу понять.

Сэм задумался.

— Потому что я плохой художник. Не по вашей мерке, а по моей. Вот я и служу у Уоллеби, Диммока, Пейли и Тукса… и зарабатываю себе на хлеб. Кстати, что это за Тукс, черт бы его побрал? Может, вы, Уоллеби и Пейли, выдумали его?

— Тукс — это наш финансовый бог, — ответил Диммок.

— Парень первый сорт, — сказал Филип.

— Писаный красавец, — сказала Энн.

— Верно, — подтвердил Диммок. — И — только строго между нами! — смрадный человечек. Эх, не надо бы мне этого говорить!

— Нет, почему же, — возразил Сэм, открывая папку. — Ведь сегодня тридцать первое июня. Ну, так вот. — Он вынул сверкающий яркими красками рисунок и поставил на стул. Это был портрет принцессы Мелисенты Перадорской, и, надо сказать прямо, портрет отличный. — Вот что я сделал для «Прекрасной дамы» — до двух ночи провозился. Прежде чем обсуждать, попытайтесь уловить самую суть. — Но, пока Диммок и Энн улавливали суть, Сэм отвел Фила в сторону, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз. — Послушай, Фил, что это за карлик шныряет здесь с самого утра, в красно-желтом камзоле и штанах в обтяжку?

— Карлик? Я не видел никакого карлика.

— Он все время тут крутился. Так и лезет в глаза.

— Должно быть, позирует кому-нибудь в художественном отделе, Сэм.

— Он молчит как пень. Заглянет в дверь, ухмыльнется, кивнет — и след простыл.

— Сэм, старина, у тебя богатое воображение!

— Надо надеяться. Воображение в моем ремесле — все. Но почему вдруг карлик и красно-желтые штаны в обтяжку?

Диммок объявил свой приговор:

— В этом что-то есть.

— Вы похитили мою мысль, Д.Д., — сказала Энн.

— Но, с другой стороны, — прибавил Диммок с сомнением, — не знаю…

— Именно! Ведь с этой «Дамой» не так-то просто договориться.

— Ваше мнение, Фил?

— Вполне совпадает с вашим, Д.Д., и да — и нет…

— Давайте отвернемся на минутку, — предложил Диммок, — а потом посмотрим снова, будто в первый раз.

— Кто тебе позировал, Сэм? — спросила Энн.

— Никто. Во всяком случае, никто в нашем мире. Это целая история, рассказывать не стоит.

— А почему бы и нет? — возразил Диммок. — Давайте выпьем. Всем, как обычно? Пегги, дайте нам четыре двойных джина. — Не успел он распорядиться, как из-за стены донеслось громкое пение, возвестившее начало рекламной передачи, но тотчас было заглушено пневматическими дрелями, грохотавшими так неистово, что дребезжали стекла. Когда восстановилось какое-то подобие тишины, Диммок хмуро продолжал: — Никто не может упрекнуть меня в том, что я

недостаточно предприимчив или нерасторопен. Корпишь над делами, выколачиваешь деньги по шестнадцать часов в сутки… по меньшей мере. И всякий раз диву даешься: как это мы все еще с ума не посходили! Спасибо, Пегги, поухаживайте за нами, пожалуйста.

Пегги, секретарша мистера Диммока, была хорошенькая, тихая, как мышка, девушка, до того похожая на благородную Элисон из Перадора, что никто, кроме ученого, не решился бы назвать это случайным совпадением.

— Спасибо, Пегги, — сказал Сэм, принимая от нее бокал. — Девушки, никто из вас не видел сегодня красно-желтого карлика?

— Нет, — отвечала Пегги с полной серьезностью. — А что, мистер Пенти? Вы потеряли карлика?

— Наоборот, никак от него не отвяжусь.

— От чего вы никак не отвяжетесь, Сэм? — спросил Диммок, когда Пегги вышла. Он засмеялся. — Мне почудилось, вы что-то сказали про красно-желтого карлика, но это я ослышался, правда?

— Нет, именно так я и сказал. Ну ладно, за процветание Уоллеби, Диммока, Пейли… и, если угодно, Тукса. Так вот, вчера, когда вы дали

мне это задание, сел я за стол и задумался. Прекрасная дама… рыцари в латах… замки… король Артур и Круглый Стол… драконы… поиски приключений… принцессы в башнях… сами знаете — замшелая чушь. И вдруг, словно в какой-то освещенной раме, я увидел девушку: на ней был средневековый наряд, и она улыбалась мне. Она исчезла не сразу, так что я успел сделать первый набросок. А потом, когда я уже работал красками и сомневался в оттенках, она показалась еще два раза, почти осязаемая и такая прелестная, как раз в те мгновения, когда больше всего была мне нужна.

— Я вижу, ты увлечен этой девушкой, Сэм, — сказала Энн.

— Конечно. Никогда еще так не увлекался. Эта девушка специально для меня создана.

— А ведь все одно воображение! — задумчиво проговорил Диммок.

— Пожалуй, — отозвался Сэм, — но что такое воображение? Ни один человек нам этого не скажет, во всяком случае, ни один из тех, кто сам наделен хоть капелькой воображения. Ну и вот, просидев полночи в надежде увидеть ее еще раз, я проснулся утром с ощущением, что сегодня тридцать первое июня…

Диммок резко прервал его:

— Сэм, вы знаете, я вам не только хозяин, но и друг. Согласны вы сделать мне маленькое одолжение?

— Конечно, Д.Д.

— Прекрасно. — Диммок наклонился к микрофону. — Пегги, доктор Джарвис еще у мистера Пейли? Да? Тогда попросите его зайти ко мне. — Он поглядел на Энн и Фила. — Вам обоим лучше уйти. Дело касается только Сэма, меня и его. Ах да, Энн... пока вы здесь... у меня тут где-то были образцы «Дамы»... — Он принялся шарить в столе и вытащил несколько пар отличных нейлоновых чулок. — Вот, задрапируйте-ка Сэмов эскиз, чтобы нам точно знать, как это все компонуется, не забивает ли рисунок изделие, ну и так далее.

— «Дама» это купит, — заявила Энн, делая вокруг рисунка чулочную рамку. — Но поговорить с ними придется крупно. Главное дело — это Мэгги Роджерс... Она помешана на парижском «Вог»... Ну, пошли, Фил.

— Энн, лапочка, — начал Фил, когда они двинулись к выходу. — Я не в восторге от нашего эскиза для «Маминого пусика». Минни и Джеф его не вытянули...

Оставшись наедине, Сэм и Диммок взглянули

друг другу в глаза.

— А доктор-то к чему? — спросил Сэм.

— Да вы не беспокойтесь, он вас быстренько осмотрит — и все. А вообще он малый первый сорт. Между прочим, консультирует в компании «Ваше здоровье». Вот, верно, и он. Войдите!

Доктор Джарвис был как две капли воды похож на магистра Джарви из Перадора. Единственное отличие состояло в том, что вместо долгополой черной мантии он носил кургузый черный пиджак и брюки в полоску.

— Приветствую вас, доктор Джарвис, — сказал Диммок. — Знакомьтесь: Сэм Пенти, один из наших лучших художников. У него что-то неладно со сном. Какие-то видения — девушки, карлики. И потом он думает, будто сегодня тридцать первое июня.

— Ну и что из того? — проворчал Сэм. — Я совершенно здоров.

— Мистер Пенти, — сказал доктор, приближаясь, — мой опыт свидетельствует, что совершенно здоровы лишь очень немногие, хотя многие склонны *воображать*, будто совершенно здоровы. А вы, надо полагать, относитесь к типу людей с повышенной деятельностью воображения…

— Относится, доктор, относится, — подтвердил

Диммок.

— Ну-с, мистер Пенти, позвольте. И не глядите так хмуро. — Он сосчитал у Сэма пульс, пощупал ему лоб, оттянул книзу веко, посмотрел язык и заставил своего пациента сказать «а-а-а». Сам он то и дело приговаривал «хм-хм».

— Эйдетизм, — сказал доктор Джарвис, — связанный, вероятно, с гиперфункцией щитовидной железы и неустойчивым общим обменом, влекущим за собою дефицит йода и кальция. Быть может, в недавнем прошлом имело место воздействие коры надпочечников на кальциевый обмен, нарушившее нормальную функцию паращитовидных желез. Не исключены почечные расстройства… бессонница… чрезмерная возбудимость функции эйдетической образной памяти, вызванная главным образом гиперфункцией паращитовидных желез и гиперфункцией щитовидной железы, иначе говоря — известным нарушением щитовидно-паращитовидного равновесия, что ведет к устойчивой объективации образов эйдетического воображения, галлюцинациям…

— Верно, доктор! — торжествующе вскричал Диммок. — Галлюцинации! Именно это его и мучает. Ну, а можете вы ему что-нибудь такое

дать, как-то наладить все это?

— Я попрошу моего аптекаря прислать глюконат кальция и витамин «Д» в таблетках — пусть принимает три раза в день. Приготовим микстуру с уротропином, хинной кислотой и теоброминоном… принимать два раза в день. Хорошо еще микстуру с бромом — на ночь и утром. Не злоупотреблять алкоголем и поменьше углеводов.

— Ясно, Сэм? Ну, доктор, блеск! Попали в самую точку! Огромное вам спасибо!

— Рад быть полезным, — ответствовал доктор Джарвис. — Всего доброго, джентльмены. — И он вышел, чтобы быть полезным где-нибудь в другом месте.

— Он все наладит, — сказал Диммок. — Готов держать пари, Сэм, через день-другой никаких видений и в помине не будет.

— Да я не против видений. Наоборот.

— Но ведь вы же знаете, чем кончают люди, которые видят то, чего не видят другие?

— Знаю, — ответил Сэм. — Они попадают в Национальную галерею[1].

Диммок принялся перебирать бумаги у себя на столе.

---

[1] Примечания: 1

Картинная галерея в Лондоне.

— Нет, я хочу сказать, те, которые думают, будто сегодня тридцать первое июня… вы меня сперва озадачили, Сэм, не скрою… и те, которые ни с того ни с сего начинают расспрашивать про красно-желтых карликов — штаны в обтяжку. — Он говорил, не поднимая глаз от стола. А если бы он их поднял, то увидел бы, что карлик Грумет, в красно-желтом камзоле и штанах в обтяжку, появился в его кабинете, но только не из-за двери, а скорее всего вылез из шкафа. — Ведь здравый смысл вам говорит, что никаких красно-желтых карликов здесь нет… да и на что они нам, ума не приложу!.. И что все это одно воображение…

Тут Сэм прервал его.

— Тс-с! — прошипел он, указывая на карлика, который уморительно кривлялся, скалил зубы и тыкал пальцем в его сторону.

— Мать честная! — заревел Диммок. — Эй… ты!

Помахав напоследок Сэму, карлик с озорной ухмылкой схватил рисунок и чулки, опрометью бросился к шкафу, юркнул в него и исчез.

— Он утащил мой рисунок, — сердито сказал Сэм. — Эй! Эй!

— Держи его! — закричал Диммок, выскочив из-за стола. — Держи!

Они настежь распахнули дверцы шкафа, но

там были только тесные ряды книг и папок с бумагами, а карлик исчез бесследно. Диммок растерянно посмотрел на Сэма.

— Отсюда он не мог улизнуть.

— Нет, мог. И улизнул. Думаю, что он и вошел через этот шкаф.

— Хватит, Сэм, — сказал Диммок с раздражением. — У меня уже и так голова кругом пошла, — Он стал давить на кнопки звонков у себя на столе, и в кабинете снова появились Энн и Фил. На их лицах была написана тревога.

— Я ухожу, — твердо объявил Сэм. — И сегодня, тридцать первого июня, — да, да, тридцать первого! — возвращаться не намерен.

— Что?.. Вы домой, Сэм? — спросил Диммок.

— Нет, в заведение по соседству — знаете, «Вороной конь» на Пикок-плейс… пока доберусь, его как раз откроют. И будь я на вашем месте — на вашем, Д.Д., и на вашем, Энн и Фил, — я б махнул рукой на работу. Сегодня дурной день.

И Сэм выбежал из кабинета.

— Д.Д., — начала Энн укоризненно, — не надо было его отпускать, пока мы не решили окончательно насчет «Прекрасной дамы». Где его рисунок? — Она огляделась по сторонам. — Смотрите-ка, Д.Д., он, должно быть, унес его.

— Нет, не унес.

— Но его нет, Д.Д., значит, кто-то его унес.

Фил скривил губы в бледном подобии усмешки.

— Может быть, красно-желтый карлик, лапочка.

Диммок не обращал на них никакого внимания.

— Пегги, принесите мне две таблетки аспирина и стакан воды.

— Брось паясничать, Фил, — сказала Энн строго. — Это дело, а не игрушки. Д.Д., унес кто-нибудь рисунок?

— Да. — Диммок говорил очень медленно, с трудом выдавливая слова и тяжело дыша. — Красно-желтый карлик. Схватил его и нырнул вон в тот шкаф.

Энн улыбнулась, но в улыбке ее был укор.

— Ну, Д.Д., пожалуйста…

Последовал взрыв.

— Говорю вам, — во всю мочь заорал Диммок, — красно-желтый карлик уволок этот рисунок! Он нырнул… ах, чтоб тебя! — Опять загрохотали пневматические дрели, и Диммок, разом онемев, в ярости отшвырнул бумаги и забарабанил пальцами по столу.

Глава третья. Два волшебника

В Ковровом покое замка короля Мелиота сидели Мелисента и Нинет, делая вид, будто слушают игру Лэмисона на лютне. (А где же Элисон? Уж не спешит ли, в образе секретарши Пегги, к Диммоку с двумя таблетками аспирина и стаканом воды?) Лэмисон закончил свой номер замысловатым аккордом и несколькими фальшивыми нотами, потом встал и поклонился.

— Благодарю вас, Лэмисон, — снисходительно промолвила Мелисента. — Очень мило… но мы, к сожалению, не в духе. Можете идти.

Нинет бросила на него суровый взгляд.

— И постарайтесь выучить «Черный рыцарь взял мое сердце в полон».

Едва Лэмисон вышел, Мелисента сказала капризно:

— Кому он нужен, этот «Черный рыцарь»? Или любого другого цвета, какого хотите! До смерти надоели рыцари!

— Я и сама миллион раз это говорила.

— И вечно этот дурацкий лязг, гром, звон! Вечно им то пристегивают что-нибудь, то отстегивают.

Чушь какая!

— И не говорите, — сказала Нинет. — Я себе все ногти обломала, когда помогала расстегивать сэра Мариса на Астолатском турнире. А потом он целый день говорил про геральдику, все говорил и говорил, и все про геральдику — я чуть не взвыла. Нет, мне куда больше нравятся чародеи.

— Ну, чародеи-то всем нравятся, Нинет, дорогая моя.

— Нет, я хочу сказать — профессионалы, настоящие волшебники.

Мелисента поморщилась.

— Они все такие старые…

— Да, но искусный волшебник, если очень его попросить, будет выглядеть на столько лет, на сколько вы захотите.

— Я знаю… И все-таки я бы чувствовала, что на самом деле он старый и плесенью припахивает…

— Вы только об одном и думаете — о своем Сэме.

— Все твержу себе, что не надо думать, — грустно сказала Мелисента. — Вчера было так чудесно! А сегодня… что там могло случиться?

— Нельзя ждать событий — надо самим их устраивать, — объявила Нинет.

— Но с моей помощью, сударыня, не так ли? К

вашим услугам, высокороднейшая принцесса.

Тот, кто произнес эти слова, стоял перед ними, возникнув, по-видимому, из пустоты. Он был высок и хорош собой, в весьма, однако, зловещем стиле, — нос у него был длинный, острый, усы и бородка иссиня-черные. На нем было роскошное колдовское облачение со знаками зодиака, вышитыми золотой и серебряной канителью. У него был тот слишком тщательный выговор, который на любом языке звучит несколько по-иностранному.

— Магистр Мальгрим, — произнесла Мелисента в истинно королевской манере, — вы не должны были появляться так внезапно. Мы не давали вам на то своего соизволения. Нинет, это магистр Мальгрим, новый волшебник, он прибыл от короля Марка. Леди Нинет.

Он поклонился, и Нинет ответила ему улыбкой.

— Как вы это сделали, магистр Мальгрим?

— Очень просто: я был невидим, — сказал он любезно-снисходительным тоном. — Метод простой и быстрый, принят теперь почти повсеместно. В наше время только уж очень старомодные волшебники и маги по-прежнему предпочитают превращения. Например, мой дядя. Он непремен-

но желал меня сопровождать, но решил войти в замок и подняться сюда в обличье бурой крысы… Кажется, его еще нет? Ну что ж, это подтверждает мою точку зрения… Метод рискованный, медленный и примитивный.

— Надеюсь, к нам он в обличье бурой крысы не войдет? — сказала Мелисента.

— Как знать, он способен на озорство, — отозвался Мальгрим, — и к тому же обожает пускать пыль в глаза. Кстати, его зовут Марлаграм. Волшебник старой Мерлиновой школы.

Нинет, которая все время глядела на него с нескрываемым восхищением, теперь воскликнула:

— Магистр Мальгрим, вы меня просто очаровали!

— Чаровать — моя профессия, леди Нинет. Но если вы относите свое замечание к моим личным достоинствам — я польщен, я счастлив. — Он улыбнулся и отвесил поклон. — А теперь, принцесса Мелисента, я должен просить вас вернуть мне мое зеркало. Оно при вас? Ах, вот оно… будьте добры… И не надо так огорчаться, умоляю вас. Его сила быстро иссякает, если один и тот же человек пользуется им слишком часто. Вы, должно быть, и сами в этом убедились.

Мелисента сразу повеселела.

— Тогда, может быть, Сэм все-таки думает обо мне и сегодня, только это несчастное зеркало его не показывает! Но где же карлик Грумет? Нашел он Сэма? Ну, говорите же, магистр Мальгрим, говорите!

Он пожал плечами, вытянул руку и раздвинул веером пальцы — все в сугубо неанглийском стиле, — а потом величественно возвестил:

— Вы слишком торопитесь, высокородная принцесса. Не забывайте — мне было отказано в должности Придворного мага и Штатного волшебника королевства Перадор. А между тем благодаря моей могущественной и на редкость искусной помощи карлик Грумет вернулся с прекрасными и удивительными дарами.

— От Сэма? Какое счастье! Но где же он?

Мелисента чуть не приплясывала от нетерпения.

— В самом деле, где он? Не сомневаюсь, что один из ваших штатных придворных волшебников мог бы доставить вам необходимые сведения.

— Вы же отлично знаете — у нас при дворе вообще нет волшебников!

— Мелисента, дорогая, — сказала Нинет, — с ним нельзя разговаривать в таком высокомер-

ном тоне. Он слишком, слишком умен. — Она призывно улыбнулась Мальгриму, и волшебник выразил свою признательность поклоном.

— Хорошо, чего же вы хотите, магистр Мальгрим? — спросила Мелисента.

Прирожденный интриган и заговорщик, Мальгрим не колебался и не раздумывал ни секунды.

— Много лет назад, когда ваш отец был еще юным рыцарем, Мерлин подарил ему золотую брошь. Говоря вполне откровенно, я бы ее похитил, если б мог. Но ни один из даров Мерлина похитить невозможно. Вы или ваш отец должны вручить ее мне сами, по доброй воле. Поклянитесь мне выполнить это условие, и я исполню ваше желание. Но, прежде чем вы хотя бы краешком глаза увидите карлика и дары, которые он принес, я должен услышать вашу клятву.

Мелисента колебалась, не зная, что ответить, как вдруг чей-то голос прокричал:

— Обождите! Обождите! Никаких клятв!

Посреди коврового покоя появился маленький старичок. Он хихикал, бормотал что-то невнятное и подпрыгивал на месте. Девушки взвизгнули. Мальгрим почернел от ярости. Это был, конечно, его дядюшка Марлаграм. С длинной бородой, в потрепанном платье, он нисколько не напоми-

нал своего великолепного племянника и, как видно, был представителем древней породы простоватых, неотесанных колдунов — тех, что сродни троллям, гномам и эльфам. Но, несмотря на свой древний вид, это был весьма живой старый колдун, так и кипевший поистине диаволической энергией. То и дело он разражался пронзительным кудахтающим хихиканьем, и впредь в нашем рассказе мы так и будем передавать этот звук — «хи-хи-хи!», хоть это и не совсем удачно.

— Мой дядя, — проговорил Мальгрим с холодным отвращением, — магистр Марлаграм.

— Не трудитесь объяснять мне, кто эти барышни, племянник. Знаю, знаю… хи-хи-хи! — Он вытянул длинный и очень грязный палец. — Вы — принцесса Мелисента… славный, сочный, лакомый кусочек, м-да… эх, будь мне снова только девяносто, не дождаться бы вам с Сэмом от меня подмоги… я бы сам за вами приударил… хи-хи-хи!

— Вы противный старикашка, — сказала Мелисента, впрочем, без особого неудовольствия.

— Совершенно верно, девочка, так оно и есть, — весело отозвался Марлаграм. — Но к тому же я еще очень-очень-очень умный, и вы скоро в этом

убедитесь. Хи-хи-хи! — Тут он указал пальцем на Нинет и подошел к ней поближе, — А вот это — зловредная девка… ох, и язва же ты, просто беда!.. И что за будущее тебя ждет — штучки-дрючки, фигли-мигли, шуры-муры!

— Что ж, я к этому готова, — сказала Нинет ледяным тоном.

Неугомонный старикашка так и запрыгал.

— И дело уже на мази, и штучки-дрючки, и фигли-мигли, и шуры-муры — все уже у самого порога! Хи-хи-хи!

— Пыль в глаза пускает, — холодно произнес Мальгрим. — Вечно одно и то же. До чего же, однако, безвкусно и нудно. Всю нашу корпорацию дискредитирует, — Он погрозил дяде пальцем. — Говорил я вам, что буду здесь первым, и вот, пожалуйста, обставил вас по малой мере минут на десять.

— Ах, чтоб тебя! Пришлось задержаться внизу — так, одно веселенькое дельце. — Теперь он глядел на Мелисенту, и его глаза под всклокоченными бровями поблескивали, словно стеклышки в пыли под колючей изгородью. — Видите, моя дорогая, что он затеял? Хочет вас убедить, будто его дядя устарел. Но я знаю целую кучу таких проделок, какие ему и невдомек. Я ведь выслу-

живал свой срок у Мерлина еще до того, как этот молодчик на свет появился… Хи-хи-хи! Вы ждете карлика Грумета, верно?

— Да! — нетерпеливо воскликнула Мелисента. — Где он?

— Он будет здесь, — поспешил вмешаться Мальгрим, — как только вы дадите мне клятву…

Но дядя резко оборвал его:

— Не верьте ему, не верьте, моя дорогая! Не достать ему карлика… хи-хи-хи! Руки коротки.

— Дядя, это невыносимо! — не выдержал Мальгрим. — Я предупреждал вас, просил не вмешиваться…

— Хи-хи-хи!

— Хотите померяться со мной силами, старый глупец?

— Хочу, хочу, хочу! Хи-хи-хи! Спортивное состязание… всего один раунд… по Мерлиновой системе… победитель доставит принцессу к Сэму.

— Быть по сему! — возвестил Мальгрим, величественно выпрямляясь. — Итак, повелеваю вам…

Девушки испуганно взвизгнули и отпрянули от чародеев, которые теперь пристально глядели друг на друга сквозь зловещие сумерки, внезапно

залившие залу.

— Валяй, малыш, повелевай! — завопил Марлаграм, продолжая скакать и дурачиться. — Командуй, пока башка не отвалится.

Мальгрим был ужасен — ужасны были его слова на каком-то колдовском наречии: «Варга гракка, Марлаграм, о террарма вава марвагриста Демогоргон!» Сумерки сгустились в черную мглу, грянул гром, сверкнула молния, удушливо запахло серой. Девушки, судорожно вцепившись друг в дружку, прижались к стене. Но если Мальгрим был величествен, то не менее величественным — и в том же самом стиле вдобавок — явил себя его старый дядя. «Варга гракка, Мальгрим! — проревел он. — О терра марвина грудумагистерра Вельзевул!» Вслед за тем раздался оглушительный раскат грома и сверкнула молния, ослепившая обеих девушек. Когда наконец они оправились от страха и смятения и открыли глаза, то увидели, что мгла рассеялась, а вместе с нею бесследно исчез и Мальгрим. Старый Марлаграм, оставшись в одиночестве, скалил зубы и кудахтал.

— Все кончено, — объявил он им. — Ну что это вы так испугались, мои дорогие? Он провалился — и поделом ему. Слишком уж надутый, что твой индюк… и никакого уважения к старшим.

— Но что здесь произошло? — Мелисента еще не могла совладать со своим изумлением. — Я ничего не понимаю, магистр Марлаграм.

— Все очень просто, моя дорогая. Хи-хи-хи! Теперь я беру вас под присмотр и опеку. И не ставлю никаких условий, не прошу никаких клятв… заметьте это. Вы доверяете мне, а я доверяю вам. Добрые старые правила… Так ежели вам нужен этот Сэм, я вас к нему доставлю, где бы он ни был. Хи-хи-хи! Но сперва вы желаете видеть карлика, верно? Грумет! — позвал он. — Грумет! Грумет! Сюда, малыш, сюда, сюда!

В Ковровом покое внезапно посветлело, резко просвистал ветер — и вот Грумет уже перед ними. В руках у него рисунок и чулки, он скалит зубы и уморительно кривляется.

— О, Грумет! — ахнула Мелисента. — Ты его видел? И что это ты принес? Это Сэм написал мой портрет? Ах, поглядите… поглядите, Нинет… изумительно, правда?

Нинет поглядела.

— Нос не такой.

— Нет, такой! — возмущенно сказала Мелисента. — Вы просто завидуете. Нос — прелесть. Чудесный портрет. Какой молодец Сэм! А это что такое? Чулки? Ах, да вы только поглядите… боже

ты мой!

На этот раз Нинет была восхищена не меньше принцессы:

— Они такие… такие прозрачные! Наверно, это колдовство.

— Я должна их примерить.

— А я?

— Нет, Нинет, пока не перестанете завидовать…

— Ну, довольно, — сказал Марлаграм. — Хотите увидеть этого Сэма?

— Конечно! Вы сказали, что доставите меня к нему.

— Тогда приготовьтесь. Мы отправимся через час. Ни раньше, ни позже. Чтобы разыскать этого Сэма, мне нужно часок поработать. Он ведь не в двух шагах отсюда, сами понимаете… во всяком случае, не то, что обычно имеют в виду, когда говорят «в двух шагах». В пространстве — может быть, но не во времени. Одним словом, мне нужен час, чтобы решить эту задачу… А потом — в путь… Хи-хи-хи! Грумет, ты останешься здесь, малыш. А я пошел.

И, озаренный ярким светом, он исчез под свист ветра.

— Простите, Нинет, — сказала Мелисента, гото-

вясь унести свои сокровища, — но придется вам остаться здесь. Вы никогда не испытывали к Сэму искреннего расположения, и я вижу, что лучше вас отстранить.

С этими словами она поспешно удалилась.

Нинет с омерзением посмотрела на Грумета, сидевшего на корточках у колонны.

— Если бы ты хоть говорить умел, дурачок несчастный! Что, разве и в самом деле так уж трудно найти этого субъекта по имени Сэм? — Карлик выразительно закивал. — Без колдовства, видно, не обойтись, а? — Карлик не менее выразительно кивнул еще раз. — Не то чтоб он мне был нужен, нет, конечно. Я нахожу всю эту затею просто смехотворной. Но я не стану молча терпеть подобное обхождение. Я не позволю себя отстранить, будто какую-нибудь пешку… Ах, если бы только магистр Мальгрим не дал так легко уложить себя на обе лопатки…

— Простите, леди Нинет, — сказал Мальгрим, на глазах у Нинет выходя из-за колонны. — Я должен внести небольшую поправку. Действительно, я был на волосок от поражения. Но все дело в том, что мой дядя — а ведь он как-никак колдун опытный, со стажем — приготовился к поединку, а я — нет. Зато теперь мой ход…

— Не могу ли я чем-нибудь вам помочь?

— Можете. — Мальгрим подошел ближе и понизил голос, теперь у него был вид заправского заговорщика. — Как только принцесса с моим дядей отбудут, приготовьтесь встретить Сэма.

— Сэма? Да ведь они его ищут.

— Но они его не найдут. А почему? Да потому, что я найду его первый. Ха-ха! Они будут искать его там, а я тем временем перенесу его сюда. И, когда он появится, вы его примете и займете. Итак, будьте готовы.

— Магистр Мальгрим! — восторженно воскликнула Нинет. — Я преклоняюсь перед вами!

— Вы мне льстите, леди Нинет, — возразил Мальгрим в лучшей великосветской манере. — А теперь, если позволите, мне надо прочесть мысли этого человечка. Поди сюда, Грумет. — Он пристально посмотрел на карлика, словно читая плохо оттиснутую страницу, потом повернулся к Нинет. — Помните, что вам надлежит делать, леди Нинет.

— Будьте покойны, Сэма я беру на себя.

— Тогда мы отправляемся.

Он положил руку карлику на плечо. Неведомо откуда налетел ветер и просвистал сквозь внезапно вспыхнувший свет. Чародей и карлик

исчезли.

Прежде чем обдумать вопрос, в каком наряде ей встречать Сэма, Нинет позволила себе коротенькую передышку и горячо поздравила саму себя с успехом. Она почувствовала, что сейчас изречет чеканный афоризм.

— Заговор, — с наслаждением сказала она, — поднимает голову.

Глава четвертая. В «Вороном коне»

«Вороной конь» на Пикок-плейс — крохотный оазис в пустыне из кирпича и штукатурки, что простирается между станцией метро «Саут-Кенсингтон» и Фулхэм-роуд. В то утро в тихом маленьком баре «Вороной конь», закрытом для непосвященных, было особенно мирно и тихо — здесь не было ни души, кроме толстого пожилого посетителя и тощей пожилой буфетчицы. Их беседа над пинтой смеси легкого пива с горьким, стоявшей перед посетителем, была довольно обычной в этих стенах, но отнюдь не являла собой образец природной смекалки, народной философии и меткой критики существующих порядков, которыми искони славится английская пивная.

— Нет, — говорила тощая буфетчица с полнейшим безразличием, — он заходил во вторник — мистер Сандерсон, значит.

Толстяк обдумал это сообщение.

— Гм. А мне сказал — в среду.

— Может, и в среду, — поразмыслив, согласилась буфетчица. — А все-таки, сдается мне, во

вторник.

Толстяк был тоже человек учтивый.

— Может, он обчелся, когда сказал «в среду»?

— Что правда, то правда, — отозвалась буфетчица. Последовало долгое молчание. Где-то тикали часы. Луч солнца заблудился между бутылками с ликером над головой буфетчицы. — Но разве я не могла ошибиться, когда сказала «во вторник»?

— Что правда, то правда, — сказал толстяк. Он прислушался к жужжанию огромной синей мухи, словно у той могло быть особое суждение касательно действий мистера Сандерсона. — Как ни верти — все равно: либо вторник, либо же среда.

— Что правда, то правда, — сказала женщина.

В бар влетел Сэм Пенти.

— Доброе утро! Доброе утро!

— Утро доброе, — равнодушным голосом сказала женщина за стойкой. — Погодка-то опять разгулялась.

— Да, да, разгулялась. Будьте добры, двойной джин и стакан горького. — Буфетчица отвернулась от стойки, чтобы налить пиво и джин, а Сэм поглядел на толстяка, который уставился в свою кружку с таким вниманием, словно рассчитывал обнаружить на дне мистера Сандерсона. — Да что там, второго такого тридцать первого июня и не

припомню. А вы?

— И я тоже, — сказал толстяк. Но вдруг забеспокоился, извлек из кармана записную книжку, насупившись, принялся ее изучать и наконец бросил подозрительный взгляд на Сэма, который в этот миг получил свой заказ и расплачивался.

— Спасибо, — сказал Сэм буфетчице. — Ну, а как у вас… вообще?

— Да все тихо-спокойно, — отвечала она. — А только, сдается мне, мистер Сандерсон заходил к нам во вторник.

— А я и не спорю, — с величайшей горячностью заверил ее толстяк. — Но мне он сказал — в среду.

— Что правда, то правда, — согласилась женщина. И, немного подумав, добавила: — Но ведь он мог перепутать, как вы думаете?

— Мог. — Толстяк допил свою смесь. — А только и вы могли ошибиться, когда сказали, что был, дескать, во вторник, нет, что ли?

— Что правда, то правда. Может, оно и по-вашему — в среду.

— Ежели только не во вторник, — мрачно подытожил толстяк. — Ну, мне пора. Адью.

— Пока до свиданьица!

— Всего лучшего, — весело сказал Сэм вслед

толстяку. Он проглотил джин и пригубил пиво.

— Тихо-спокойно всю неделю, — уныло протянула буфетчица.

— А когда же все-таки приходил мистер Сандерсон?

— Вы думаете, во вторник?

— Угу…

— Или, может, в среду, — прибавила женщина задумчиво.

— Угу, угу…

— А вы его знаете, мистера Сандерсона?

— Нет.

— И я тоже, знаю только, что он букмекер, — сердито бросила буфетчица. — Сроду его не видела, да и видеть не желаю. Вы, кажется, хотели что-то сказать?

В этот миг какой-то человек ворвался в бар так стремительно, будто вскочил в вагон отходящего поезда.

— Здрасьте, здрасьте! — крикнул он. — Два двойных шотландских, детка… А ну, живо!

Это был высокий и грузный мужчина в слишком ярком и слишком тесном для него костюме. Красное, заросшее щетиной лицо напоминало переспелую ягоду крыжовника. Пока буфетчица отмеряла ему виски, он повернулся к Сэму.

— А вам что заказать, сэр?

У него был голос и повадки человека, который в любое время дня и ночи не то чтобы совсем пьян, но и не совсем трезв.

— Спасибо, пока ничего. У меня — вот. — Сэм показал на свой стакан.

— Ну, тогда действуйте сами, старик, не стесняйтесь. Когда-нибудь занимались плоскодонками?

Сэм сказал, что не занимался.

— И не ввязывайтесь. Это черт знает что. Теперь вот с конца апреля все накачиваюсь… все больше в «Корнуолле». Ну и заведение, чтоб ему провалиться! Вы обо мне слыхали? Капитан Планкет.

— Кажется, нет, — сказал Сэм.

— Бросьте, старик! Помните то кино, насчет рыбы, которая лазает по деревьям? Кто к нему говорит вступление? Пэт Планкет — старый шкипер. Так это я и есть! Спросите где хотите, кого хотите — вам все скажут: «Как же, как же, шкипер Планкет — миляга старик». — Он швырнул на стойку десять шиллингов. — Спасибо, детка. Сдачу оставь себе. — И единым духом опорожнил рюмку.

Сэм поглядел на него.

— Да кто же эти «все»? Кто именно скажет: «Шкипер Планкет — миляга старик»?

Планкет торжествующе повернулся к буфетчице.

— Вот вам, пожалуйста! Что я говорил? Конечно, он меня знает. Меня всякий знает. Какое сегодня число?

— Тридцать первое июня, — без колебаний ответил Сэм.

— И со временем тоже зарез, — сказал Планкет. — Мне бы сейчас в Генуе быть — вот где. У меня там восемьдесят ящиков тухлого яичного порошка. Перекупил у одного парня в Барселоне. Парень был под мухой. Я тоже. Куда к черту девать тухлый яичный порошок?

— Сделать из него тухлую яичницу, так, наверно, — сказал Сэм задумчиво. — Знаете, что вам нужно? Хорошая реклама, вот что. «КАК?! ВЫ ВСЕ ЕЩЕ ЕДИТЕ ЯИЧНИЦУ БЕЗ ТУХЛИНКИ?» Что-нибудь в таком роде. Попробуйте обратиться к мистеру Диммоку из агентства «Уоллеби, Диммок, Пейли и Тукс». Тукса можете не считать.

— Спасибо за идею, старина. Что скажете насчет половинной доли в заброшенном маяке у португальского берега?

— Готов взять верхнюю половину, — сказал Сэм. — Но только как можно дешевле.

— Черкните мне пару слов недельки через две.

На адрес Олбенского спортивного клуба — Олд-Комптон-стрит. Знаете этот клуб, старина?

— Нет, старина.

— Пакостная дыра. Как, вы сказали, вас зовут?

— А я не говорил. Но меня зовут Пенти, Сэм Пенти.

— Ну да, ну да. Знавал вашего брата в Найроби.

— У меня нет братьев.

— Значит, это был еще кто-нибудь, — сказал Планкет. — До чего же, однако, тесен наш мир, дьявольски тесен, судите сами! — Он опорожнил вторую рюмку. — Где у вас телефон, детка?

— В коридоре с другой стороны зала. Вам придется выйти и зайти в другую дверь.

— Кто-нибудь знает номер Панамской миссии? Никто? Ну да ладно. — Он двинулся было к двери, но вдруг круто повернулся и поманил к себе Сэма. — Что вы думаете насчет такого дельца, старина? Я имею третью долю в ансамбле электрических гитар — если все будет ладно, он прибывает из Венесуэлы в следующий четверг. И вот позавчера вечером встречаю в «Полперро» одного парня — ну, где-то он уже малость поддал, — и он предлагает мне в обмен на эту третью долю тридцать процентов акций одной компании, которая выпускает сардины в масле.

Вы парень гвоздь — так что скажете, а?

— Я не люблю сардины в масле, — сказал Сэм. — Но, говоря по правде, электрические гитары я тоже не люблю. Да, кстати, а что бы вы сказали, если бы у вас перед глазами вертелся карлик в красно-желтом камзоле и штанах в обтяжку?

Планкет не выразил ни малейшего изумления.

— А, это тот, что вас разыскивает?

Сэм опешил.

— Вы хотите сказать, что он здесь?

— Был за дверью минутку назад. Ну, я мигом. Не уходите.

Едва Планкет вышел, стало так пусто, словно бар закрылся. Сэм смотрел на буфетчицу, буфетчица смотрела в пустоту.

— Тихо-спокойно, а? — сказал Сэм.

— Что правда, то правда, — сказала женщина.

Рассеянно озираясь, Сэм бросил взгляд на дверь и вдруг увидел, что она отворяется. В проеме показались голова и плечи карлика, который узнал его, ухмыльнулся во весь рот и сразу исчез.

— Послушайте, — сказал Сэм с волнением, — вы видели карлика в красно-желтом наряде?

— Когда? — спросила женщина.

— Только что. Когда открылась дверь.

— Видела, как дверь распахнулась, а больше

ничего.

— Ладно, уговорили, — сдался Сэм. — Но я выпью еще один двойной джин и еще стакан пива. Будьте добры.

Поставив пиво и джин на стойку, буфетчица сказала:

— Вы, наверно, думаете — я дура?

Это замечание застигло Сэма врасплох.

— Нет, не то чтобы… конечно… но…

— Нет, думаете, — отрезала буфетчица. — Ну, так вот что я вам скажу. Если б я силком не заставила себя стать дурой, я на этой работе через неделю и вправду бы спятила; с вас четыре шиллинга десять пенсов.

Человек, который появился в эту минуту, выглядел весьма импозантно, но довольно нелепо. В своем черно-белом великолепии он мог сойти за старомодного фокусника, готовящегося к выходу. Когда Сэм встретился с ним взглядом, он улыбнулся и сказал:

— Доброе утро, Сэм.

— О… привет. — Сэм попытался скрыть свое удивление. — Обождите-ка… По-моему, мы встречались на какой-то вечеринке у Наташи… Вы, кажется, из театрального мира… Не иллюзионист, а?

— Как тонко замечено, Сэм. Вот именно — иллюзионист. А зовут меня Мальгрим. — Он обернулся к женщине за стойкой и указал на бутылку. — Мне вон ту, зеленую.

— Мятный ликер? Но не всю же бутылку?

— Если позволите, — он указал на большую серебряную кружку, украшавшую полку с напитками. — Я вылью ее сюда. Нужно заплатить, разумеется.

Он извлек толстую пачку бумажек и небрежно бросил их на стойку.

— Эй, поосторожней!.. — крикнула женщина, снимая бутылку мятного ликера и кружку.

— Пусть они у вас не залеживаются, — предупредил Мальгрим, выливая ликер в кружку. — Скоро они превратятся в сухие листья. Но пока тридцать первое не кончилось, все будет в порядке.

— Что? Тридцать первое? — переспросил Сэм. — А карлика снаружи вы видели?

— Видел. Его зовут Грумет. Он сейчас у меня на службе.

— Ах, вот как! — Сэм был в негодовании. — Да будет вам известно, что он утащил мой рисунок!

— Да, да… портрет принцессы Мелисенты. Что же, она его видела… пришла в восторг… и жаждет

познакомиться с вами, Сэм. Вот зачем я сюда и явился. — Он поднял кружку. — Мое почтение и наилучшие пожелания, Сэм.

— Скажите ему хоть вы, — взмолилась буфетчица, теперь уж не на шутку встревоженная. — Ведь он сейчас совсем окосеет! Легкое ли дело — целая бутылка мятного ликера!

— Прекрасно освежает, — заявил Мальгрим, выцедив кружку до дна. — Итак, Сэм… мне бы хотелось по возможности обойти стороной профессиональные мелочи, но… насколько близко вы знакомы с проблемой пространств высшего порядка?

— Совсем не знаком. Кто такая принцесса Мелисента?

— Попробуем представить себе вселенную шести измерений, — сказал Мальгрим. — Первые три — это длина, ширина и высота, три остальные можно определить так, первое — сфера внимания и материального действия, второе — сфера памяти, третье — сфера воображения. Вы следите за моей мыслью?

— Нет, — ответил Сэм. — А что вы имели в виду, когда сказали, что принцесса хочет со мной познакомиться и что за этим вы сюда и явились?

— Все созданное воображением должно суще-

ствовать где-то во Вселенной.

— Что правда, то правда, — сказала женщина за стойкой.

— Вы, верно, думаете, Сэм, что принцесса Мелисента — личность воображаемая.

— М-м-м… с одной стороны, конечно, — сказал Сэм осторожно, — но с другой стороны…

— Вы совершенно правы, — улыбнулся Мальгрим. — Потому что, разумеется, и то и другое верно. И поскольку она убеждена, что ее жизнь — реальность, она, естественно, полагает, что вы должны быть вне реальности, как, разумеется, полагаю и я…

— Минутку! — Сэм был возмущен до глубины души. — Вы что же, хотите сказать, что эта наша жизнь — ненастоящая, нереальная?

— Разумеется. Это дикая мешанина из снов, кошмаров, пустых фантазий и мимолетных обольщений. Но, разумеется, ваш мир существует… и вы существуете в нем… и вы, разумеется, тоже, моя любезная леди.

— Премного благодарна, — сказала буфетчица. — А то я уж было забеспокоилась.

— А при чем тут мой рисунок? — спросил Сэм подозрительно.

— Пока ни при чем. Пока я объясняю вам, как

можно — конечно, зная секрет — попасть из нашего мира в ваш и наоборот. Я перехожу из подлинной, реальной жизни в воображаемую — и встречаю вас. Если же вы отправитесь вместе со мною (а я надеюсь, вы сделаете это в самом непродолжительном времени), тогда уж вы перейдете из подлинной жизни в воображаемую, чтобы встретиться там с принцессой. Какая из двух этих жизней реальная, какая воображаемая — зависит от позиции наблюдателя. Не погрешив против истины, можно сказать, что обе реальные и обе воображаемые.

— А как насчет карлика — его куда отнести?..

— В данный момент — ни к той и ни к другой: я только что послал его домой, и он в пути.

Дверь стремительно распахнулась. Это вернулся старый шкипер, капитан Планкет.

— Вот и он, — пробормотала женщина. — Только его здесь не хватало.

— Два двойных шотландских, детка! А вам двоим что?

— Спасибо, ничего. Мы уже выпили, — сказал Сэм. — Капитан Планкет, мистер Мальгрим, иллюзионист.

— Ну как же! — сказал Планкет, с воодушевлением пожимая Мальгриму руку. — Не сразу

вас признал. Видел вас в клубе диких. А еще помнится — в театре, в Холборне. Дивный номер. Получи десять шиллингов, детка. Сдачу оставь себе. Ну, будем!

— Вы послали карлика домой? — обратился Сэм к Мальгриму. — Но куда же именно?

— В королевство Перадор.

— Не могу сказать, чтобы знал такое королевство, — вмешался Планкет. — Но знал одного парня, которого звали Перадор. У него было по шесть пальцев на каждой руке. И этим самым рукам он не давал ни минуты покоя. Ребята, бывало, до обалдения доходят, как возьмутся считать его пальцы.

— Перадор? — медленно переспросил Сэм. — Это напоминает мне что-то из легенд о короле Артуре. А если так оно и есть, как можно туда отправиться?

— В третьей сфере, — невозмутимо сказал Мальгрим, — есть времена параллельные, времена конвергентные и дивергентные и времена взаимно переплетающиеся.

— Оно и видно, — сказал Планкет. — Кстати, о времени: могу свести вас с одним парнем, он прячет у себя на моторной яхте, в запасном баке, сорок дюжин швейцарских часов. Боится выгру-

зить на берег. Горячка парень! — Он опорожнил вторую рюмку. — Может, закусим вместе, а? В «Троке» или еще где-нибудь. Я угощаю.

Мальгрим строго посмотрел на него и покачал головой.

— Нам с Сэмом нужно в Перадор.

— Да он уже черт-те сколько лет как закрылся, старина, если это вы про то самое заведение. Толкнитесь-ка лучше в «Трок». И уж, во всяком случае, вы, конечно, не бросите старого милягу Планкета одного?

— Бросим, — сказал Мальгрим.

— Невозможно, старина. — Он обнял Сэма за плечи. — Мы с Сэмом оба по уши увязли в яичном порошке и португальском маяке. Хотите попытать счастья в старом «Перадоре» — ради бога, я готов, хотя ставлю десять против одного, что кончим мы все равно в «Троке». Но куда Сэм, туда и я.

— Только запомните: вся ответственность за последствия ложится на вас, — резко сказал Мальгрим.

— Старый шкипер Планкет никогда не отказывался от…

— Тихо!

Неведомо откуда налетел ветер, засвистал и

сдул стену напрочь. С ревом ринулся он по туннелю, открывшемуся на том месте, где прежде была стена. И трое крупных, плотного сложения мужчин исчезли. Последнее, что осталось в памяти буфетчицы, вслед за тем потерявшей сознание, был голос фокусника: «Добро пожаловать в Перадор, джентльмены!»

Она только успела плеснуть себе коньяку, как в бар вошли Энн Датон-Свифт и Филип Спенсер-Смит, оба высокие и элегантные, энергичные и оживленные.

— Доброе утро! — сказала Энн приветливо.

— Доброе утро! — сказал Филип столь же приветливо.

Женщина за стойкой сделала героическое усилие.

— Здрасьте, — сказала она. И медленно, с натугой продолжала: — Погодка… опять… разгулялась.

— О да, конечно! — откликнулся Филип. — У вас все ладно, тихо, не правда ли?

— Что правда, то правда. — Женщина закрыла глаза.

— Видите ли, мы ищем приятеля, — сказала Энн, источая чарующую улыбку совершенно попусту, ибо глаза буфетчицы были закрыты.

— Он сказал, что пойдет сюда, — подхватил Филип.

— Мистер Сэм Пенти…

— Вы его видели сегодня утром?

Женщина открыла глаза.

— Да. Он был здесь.

— Ах, какая радость, прекрасно! — сказал Филип, чувствуя, что следует как-то ободрить бедняжку.

— Итак, не могли бы вы нам сообщить, что с ним произошло?

— Энн говорила отчетливо, словно обращалась к умственно отсталому ребенку или к иностранцу.

— Подойдите поближе, — сказала женщина чуть слышно. — Мне только что было совсем худо.

— Ах, какое несчастье, как это ужасно! — сказал Филип.

— Пожалуйста, не напрягайтесь, — сказала Энн, придвинувшись ближе.

— Да нет уж, придется, — сказала женщина, по-видимому собираясь с силами. — Уж хотите верьте, хотите нет…

— Ну что вы… конечно, мы вам верим…

— Он и еще двое полоумных все втроем унес-

лись. Что-то у них там такое… какая-то принцесса… португальский маяк… шесть пальцев и швейцарские часы…

— Простите, — сказал Филип, — но у вас получается не совсем ясно…

— Но это неважно, — возразила Энн. — Вы только скажите нам, куда они пошли.

Буфетчица трясущейся рукой указала на стену.

— Честное благородное слово… Вот сюда. Прошли скрозь стенку, а я так и остолбенела.

Энн и Филип взглянули на стену, взглянули на женщину за стойкой, взглянули друг на друга.

— Назад в контору, Фил, — сказала Энн. — И вряд ли Д. Д. будет доволен.

Глава пятая. Как завершилось утро мистера Диммока

И в самом деле, мистер Диммок был недоволен всем на свете. Примерно в то время, когда Энн Датон-Свифт и Филип Спенсер-Смит возвращались из «Вороного коня», он звонил по телефону в «Жуй-да-плюй». Пневматические дрели грохотали что было мочи. Если бы Диммок оторвался от трубки хоть на миг и трезво оценил ситуацию, он сообразил бы, что, говоря по телефону, нет никакой необходимости перекрикивать шум дрелей. Между тем он так неистово орал в аппарат, что «Жуй-да-плюй» не мог разобрать ни слова. Но мистер Диммок считал, что виною всему дрели, которые заглушают его голос, и потому кричал еще громче.

— Я смотрел сегодня утром эскиз… Я говорю: смотрел эскиз сегодня утром… Но я сказал, что он не годится… Не го-дит-ся-а… для ваших пакетов — ни к черту… Я говорю: для пакетов… Да о чем я, по-вашему, с вами толкую? Что? Какие ракеты? Рекламные пакеты должны быть нацелены на покупателя… Я говорю: долж-ны быть на-це-ле-

ны на по-ку-па-те-ля-а… Да не ракеты! Стану я звонить вам насчет ракет! Я говорю, с чего вдруг я стану звонить насчет ракет! О господи боже мой… Я позвоню вам позже… я говорю: по-зво-ню поз-же-е…

Он положил трубку и обтер носовым платком взмокший лоб. На столе стояли сандвичи и стакан молока. С рассеянным и озабоченным видом он отхлебнул из стакана и откусил краешек сандвича, все еще с невольным подозрением поглядывая на большой шкаф у противоположной стены. Он был ничем не примечателен, этот шкаф, — тот самый обыкновенный конторский шкаф для книг и бумаг, который лучше всего ставить так, чтобы его вообще не было видно, и тем не менее мистеру Диммоку чудилось, будто шкаф над ним насмехается.

И тут он заметил крысу. Это была большая бурая крыса, и вышла она из шкафа, хотя трудно было понять, как именно, ибо дверцы не отворились. Она отбежала от стены на шаг-другой, присела на задние лапки, взглянула на мистера Диммока и затем издала странный звук, нечто вроде «хи-хи-хи».

Это было уже слишком! В бешенстве Диммок вскочил и швырнул в крысу блокнотом, но про-

махнулся шага на два, не меньше. Крыса снова пропищала свое «хи-хи-хи» и шмыгнула обратно в шкаф.

— Пегги! — закричал мистер Диммок в микрофон. — Сюда! Живо!

Он откусил кусок другого сандвича, но хлеб показался ему противным, отдающим крысой.

— Пегги, — начал он возмущенно, — в конторе появились крысы!

— Какие крысы? Канцелярские? Да, у нас их две, и они наносят ущерб фирме…

— Да не канцелярские, а настоящие! Я только что видел крысу. Она выскочила из шкафа.

— О! Мистер Диммок… не может быть!

— Говорят вам — выскочила из шкафа! — кричал Диммок. — Здоровенная, жирная, бурая крыса, наглая, как сто чертей. Стояла вот здесь и смеялась мне в глаза. Я запустил в нее блокнотом и промахнулся, и она опять засмеялась. А потом удрала, обратно в шкаф. Ну, что скажете?

Пегги сокрушенно покачала головой.

— Скажу, что нужно бы вам пойти домой, мистер Диммок.

— Домой? При чем здесь мой дом?

— Здоровье дороже всего, мистер Диммок.

— Не спорю, но какое отношение это имеет к

крысам?

— Мне кажется, вам не следует оставаться в конторе и заниматься делами через силу, мистер Диммок. Я знаю, какой вы добросовестный, — мы все знаем, — но ведь дела — это еще не все в жизни. Разрешите мне вызвать машину и позвонить миссис Диммок.

— Нет, не разрешаю! — сердито сказал Диммок. — Подумаешь — увидел крысу!

— Да не в крысе дело, — сказала Пегги, и в голосе ее зазвучали, а в глазах заблестели слезы. — Вы говорили, что видели карлика.

— Ну и что? Да, я видел карлика!

— И вы говорили, что он тоже ушел в шкаф…

— Довольно, Пегги, — сказал Диммок, внезапно возносясь на высоту своего служебного положения. — Занимайтесь своим делом, а мне предоставьте заниматься моим.

— Хорошо, мистер Диммок.

Она повернулась к двери.

— И скажите там, чтобы в следующий раз мне не приносили сандвичи, которые вкусом напоминают опилки.

Она остановилась на пороге, обернулась и с упреком взглянула на него.

— О, мистер Диммок… дело не в сандвичах…

дело в вас…

Как только она скрылась, он подошел к шкафу и с опаской отворил дверцы. Все было как прежде: между книгами и папками, тесными рядами выстроившимися на полках, не оставалось даже щели для крысы. Задумчиво осмотрев шкаф, Диммок медленно вернулся к своему столу. В одну руку он взял стакан молока, в другую — неначатый сандвич, повернулся к окну и стал смотреть на улицу. Молодые загорелые бесы с пневматическими дрелями, все такие здоровые и довольные, сгрудившись тесной кучкой, перемигивались и готовились к очередной попытке стереть весь квартал с лица земли. Но тут его внимание привлек шум в комнате. Очень красивая девушка, одетая в какой-то средневековый костюм, стояла посреди его кабинета и улыбалась ему весело и выжидательно. У Диммока мелькнула мысль, что девушка, возможно, тоже вышла из шкафа, но он поспешно прогнал эту дурацкую догадку.

— Ну, это еще что? — спросил он не слишком любезно.

— Это я, — она обворожительно улыбнулась. — Кто вы такой?

— Поскольку это мой кабинет, надо бы, собственно, мне спрашивать, кто вы такая. Но раз

вы новенькая, я вам отвечу. Я — мистер Диммок, один из директоров фирмы. И хотя вы прекрасно смотритесь, моя дорогая, вы должны сами понять, что мы не можем разрешить натурщицам в костюмах разгуливать, где им вздумается. А иначе получится форменный бедлам.

— А что такое бедлам?

— Ну, вы понимаете, что я хочу сказать. Что вам здесь надо?

— Я ищу Сэма.

— А-а, «Чулок прекрасной дамы», — протянул Диммок с невыразимым облегчением. — Да, Сэм был здесь, а потом ушел. Но я уже послал за ним Энн Датон-Свифт и Филипа Спенсер-Смита, так что, надо надеяться, он не заставит себя ждать. Как только он вернется, вы будете снова ему позировать.

— Мне кажется, я люблю Сэма, — мечтательно сказала девушка.

— Не вы первая, так что не принимайте это близко к сердцу. Как вас зовут, дорогая?

— Принцесса Мелисента.

— Ну что ж, — сказал Диммок. — Ничего удивительного. В прошлом году у нас работала внучка русской великой княгини. И итальянская

contessa[2]. Из вас, аристократок, выходят неплохие натурщицы… Воспитание, наверно…

— Не понимаю, о чем вы… — начала Мелисента, но тут загрохотали дрели, и она в ужасе зажала уши руками.

— Забыл предупредить вас, дорогая моя, — сказал Диммок, когда грохот смолк. — Но это всего-навсего пневматические дрели.

— Зачем вы завели такие ужасные штуки? — с упреком воскликнула Мелисента. — У нас, во всамделишной жизни, их нет.

— В какой жизни?

— Во всамделишной. Вы видели магистра Марлаграма, волшебника?

— Понятия не имею, кто это. Зато я видел большую бурую крысу, и — если только я не окончательно спятил — она пищала: «Хи-хи-хи!»

— Это и был магистр Марлаграм. Он сказал, что обернется крысой, перед тем как к вам войти.

Диммок уставился на нее и задышал тяжело и шумно.

— Одну минутку, принцесса, извините! — Он проговорил в микрофон: — Пегги, вы мне нужны… немедленно. — Потом снова поднял

---

[2] Примечания: 2
Графиня (итал.).

глаза. — Когда моя секретарша войдет, скажите ей то, что сейчас сказали мне. Она считает, что мне надо ехать домой и лечь в постель.

— Вы больны? — спросила Мелисента, подходя ближе и глядя на него с сочувствием. — У вас доброе лицо, но грустное. Может, действительно вам лучше поехать домой и лечь в постель.

— Ненавижу валяться в постели! — Он посмотрел на Пегги, которая в этот миг вошла в кабинет. — Пегги, это принцесса… э-э-э… Мелисента, она позирует Сэму. Ну-ка, принцесса, повторите Пегги то, что вы сейчас сказали мне, — насчет этого магистра, как его там…

— Элисон, — промолвила Мелисента, широко раскрыв глаза, — как вы сюда попали?

— Простите, но как вы узнали, что мое второе имя Элисон? А-а, вы, должно быть, та девушка, о которой мне говорила кузина Одри. Но сюда вы напрасно пришли. Кстати, нос у вас немножко… у вас есть крем-пуф?

— Крем-пуф?

Пегги достала пудреницу и открыла ее.

— Ах, какая прелесть! — воскликнула Мелисента в упоении. — Никогда не видела ничего лучше во всамделишной жизни! Мне непременно нужно раздобыть такую же, прежде чем

вернется Сэм.

— Я покажу вам, куда ходим мы, девушки, — сказала Пегги, уводя ее.

Диммок проводил их оторопелым взглядом, а потом принялся вытягивать один за другим ящики стола, пока наконец не нашел флягу. Плеснув из нее в стакан с молоком, он стал прихлебывать смесь, все еще бросая подозрительные взгляды на шкаф. Он как раз допил стакан, когда в кабинет плечом к плечу вступили Энн Датон-Свифт и Филип Спенсер-Смит.

— Ну как, нашли Сэма?

— Нет, Д. Д., — сказал Фил. — Мы были в «Вороном коне» — это такое заведеньице по соседству с его домом — и не нашли там никого, кроме полоумной буфетчицы.

Энн фыркнула.

— Она сказала, что Сэм ушел сквозь стенку…

— …искать какую-то принцессу на каком-то португальском маяке, — подхватил Фил со смехом.

— Верно, Д. Д., это ее слова, мы ничего не сочиняем.

— Тут пришла Сэмова натурщица, — сказал Диммок. — В полном параде. Очень миленькая девушка, между прочим. Говорит, что она

принцесса… — Зазвонил телефон. — Диммок слушает… Спенсер-Смит? Да, здесь. — Он протянул Филипу трубку. — Телевидение. Вот пустобрехи!

— Спенсер-Смит слушает… Да? Что-что она? Но я же вас предупреждал, что надо приготовить еще одну девушку… — Мрачно выслушивая оправдания, летевшие с противоположного конца провода, он вдруг увидел в дверях кабинета Мелисенту и сразу просиял. — Я знаю… знаю… но ведь вы обращаетесь ко мне в последнюю минуту… Ну, хорошо, у меня есть кое-кто на примете. Пока ничего не меняйте, ребята. — Он положил трубку и посмотрел на Диммока. — Д. Д., горю со страшной силой, SOS! Можно я возьму эту Сэмову натурщицу? Ладно? — Он повернулся к Мелисенте. — Есть классная телеработенка — легонькая, одно удовольствие… возьметесь, детка?

— О чем вы говорите?

— Сейчас некогда объяснять, детка. Расскажу по дороге.

— А я увижу Сэма?

— Вряд ли. Но вполне возможно, что он вас увидит и услышит. Скорее, лапочка!

У порога Мелисента обернулась и сказала Диммоку:

— Если снова придет волшебник, магистр

Марлаграм, объясните ему, где я. И, пожалуйста, не думайте, будто с ним нельзя разговаривать по-человечески оттого, что он обернулся бурой крысой.

Энн посмотрела ей вслед, потом растерянно уставилась на Диммока.

— Д. Д., что она сказала?

Диммок отвечал, с трудом подавляя ярость:

— Вы что, не можете понять простейшей, совершенно недвусмысленной просьбы, Энн? Она сказала, что я должен поговорить с магистром Марлаграмом, волшебником, хотя он обернулся бурой крысой. И не вздумайте со мной спорить! — закричал он. — Оставим эту тему — и точка!

— Хорошо, хорошо, — сказала Энн. — Но откуда она взялась, эта девушка?

— Из шкафа! — И, видя, что Энн собирается открыть рот, он закричал: — Я же сказал «оставим эту тему», сказал или нет? Так вот, когда я говорю «оставим», это значит «оставим»! — Он поглядел на стол и вдруг заметил что-то новое. — А это еще кто сделал? — Он схватил громадный календарь и швырнул его через всю комнату; календарь упал лицевой стороной вверх; на листке значилось — июнь, 31-е. В этот миг вошла Пегги.

— Приехала миссис Диммок, чтобы забрать вас

домой. И доктор Джарвис сейчас придет осмотреть вас, мистер Диммок.

— Ох, обалдеть можно! — Зазвонил телефон, и мистер Диммок в полнейшем отчаянии схватил трубку. — Кто?.. «Мамин пусик»? Слышать больше не могу о вашем дерьме! Осточертело! Понятно?

Он с грохотом бросил трубку.

— Д. Д., господь с вами! — закричала Энн в смятении. — Ведь это один из наших лучших заказчиков!

— Он не в себе, мисс Датон-Свифт, — сказала Пегги. — Я уверена, что доктор Джарвис…

— Ах, чтоб тебя! — Уже насилу сдерживаясь, Диммок забарабанил пальцами по столу. — Будет когда-нибудь всему этому конец или…

— Хи-хи-хи!

— Слышали?

— Что-то пискнуло, — сказала Энн. — Но, честное слово, Д. Д., нам придется объяснить «Маминому пусику»…

— Тихо! Вот… слушайте!

— Хи-хи-хи!

— Пожалуйста, мистер Диммок, снимите воротничок, — сказала Пегги. — А если бы вы еще туфли сняли и прилегли…

— Да замолчите вы!

Диммок побагровел. Поднявшись из-за стола, он озирался, как затравленный бык.

— А ну, загляните в шкаф, — произнес писклявый голос. — Хи-хи-хи!

— Да, я загляну, разрази меня бог! — заревел Диммок.

Он выбежал из-за стола и бесследно исчез в шкафу.

— За ним! Скорее! — дико вскрикнула Пегги. — Нельзя отпускать его одного в таком состоянии! Быстрей!

— Итак, мистер Диммок… — важно начал доктор Джарвис, входя в кабинет. — Что это? Что я слышу?

Но он увидел лишь, как Энн Датон-Свифт вслед за Пегги исчезла в шкафу. Он помедлил мгновение, потом величаво двинулся через всю комнату к шкафу и распахнул дверцы. Но он узрел лишь полки, до отказа набитые книгами и папками. И услыхал после минутного замешательства лишь сотрясающий землю хор пневматических дрелей.

Глава шестая. Сэм в беде

Вспоминая впоследствии путь от Пикок-плейс до Перадора, Сэм решил, что это было похоже на очень быстрое путешествие и вместе с тем на пробуждение от сна. По дороге (если только можно было назвать это дорогой!) он потерял обоих своих спутников — и Мальгрима, и шкипера Планкета — и теперь без особого воодушевления взбирался вверх по длинной лестнице какого-то замка. Вдобавок Сэм любил днем основательно подкрепиться — не сандвичем и салатиком, как большинство из нас, но чем-нибудь вроде пудинга с мясом и почками и пирога с вареньем, — а с тех пор, как он наскоро позавтракал, прошло уже несколько часов, и он сильно проголодался. Нет, разумеется, он всей душою желал найти прелестную принцессу Мелисенту, но это не значило, что он и думать позабыл о ланкаширском рагу, ирландской тушеной баранине с луком, вареной говядине и клецках. Однако ничем таким и не пахло. На верхней площадке лестницы кто-то играл на лютне, и, так как Сэм явился без приглашения, он счел своим долгом остановиться и

послушать.

— Большое спасибо, — сказал он. — Сыграйте еще что-нибудь, хорошо?

Музыкант поднялся, улыбнулся, поклонился.

— Простите… минутку, — продолжал Сэм. — Я тут как-то вечером, совсем недавно, услышал по радио одну вещицу… вы ее, наверно, знаете… Как это… ах да, вот: «Черный рыцарь взял мое сердце в полон».

— Фуй! — сердито скривился музыкант. Он подхватил свою лютню и пошел прочь, не глядя на Сэма.

— Вы сказали «фуй»? — крикнул Сэм ему вслед. — Я много раз видел это слово в книгах, но никогда его не слыхал.

Оставшись в одиночестве, Сэм решил, что, пожалуй, стоит обследовать башню, в которой он находится, — хотя бы для того, чтобы забыть о голоде. Раздвигая изъеденные молью занавеси, он нос к носу столкнулся с очаровательной рыжей дамой в изумрудно-зеленом платье. Ее улыбка была как разукрашенное цветными лампочками «Добро пожаловать!».

— Каково изволит здравствовать светлый государь мой, — начала она, — после толиких и столь многих испытаний?

Сэм не ударил в грязь лицом.

— Прекрасная госпожа… э-э… Я гряду… урона не понес… но… э-э… преисполнен изумления.

— Светлый государь мой, коль скоро ищете вы приключений и тщитесь выказать и засвидетельствовать вашу доблесть, должно вам быть готовым преисполниться изумления многажды.

Сэм изнемогал.

— Благородная девица… э-э… вы глаголете истину. Э-э… ваше имя… э-э…

— Я леди Нинет, — Она присела, пряча улыбку. — И в моем роду много высоких властителей и знатных дам.

— Прекрасная леди Нинет, — сказал Сэм, окончательно потерявшись. — Меня зовут Сэм… а семейство мое зовется Пенти. И род у меня, сказать по правде, не бог весть какой…

— И держать такие речи не бог весть как умеете, верно, Сэм?

— Стало быть, можно говорить и попросту? Ох, гора с плеч! Кстати, леди Нинет, вы были так любезны, что спросили меня, как я себя чувствую. Должен признаться, я голоден как волк.

— Я это знала заранее, — сказала Нинет. — Все готово. Пожалуйте сюда. Я и сама проголодалась, Сэм. Я знала, что вы должны скоро прибыть, я

ждала вас. Разве не мило с моей стороны?

— Еще бы, леди Нинет! Как раз это я и хотел сказать. Бог ты мой, какой стол!

Еды было наготовлено человек на десять, хотя предназначалась она, по всей очевидности, только для двоих.

— Боюсь, что ничего особенного вы здесь не найдете — не было времени заказать, — сказала Нинет небрежно. — Но, может, возьмете холодного лебедя или павлина, кусочек вот этого дворца из миндаля в меду? И гусиный паштет, должно быть, очень недурен.

— Грандиозный завтрак!

— Садитесь, Сэм. Налить вам вина? Положите себе гусиного паштета.

Несколько минут Сэм сосредоточенно жевал и глотал, а потом почувствовал, что пришло время задать вопрос-другой своей сотрапезнице.

— Кстати, Нинет, в каком мы с вами веке?

— В каком веке?

— Ну да. Кто вами правит?

— Великий король Артур, конечно.

— Ах да… Артуровы времена. Самые что ни на есть легендарные… Наверно, все это еще в ходу — всякие там рыцари, волшебники, драконы, великаны…

Нинет изумленно на него поглядела.

— Ну, разумеется. Все как обычно. А вашим мифическим королевством кто правит, Сэм?

Сэм пустился в объяснения:

— Номинально — королева Елизавета Вторая. А фактически — исполкомы консервативной и лейбористской партий, Конгресс тред-юнионов, федерация британских промышленников, фабианское общество, «Группа Боу»[3].

Нинет неудержимо расхохоталась и даже пролила вино на жареного лебедя.

— Сэм, миленький, остановитесь, довольно! Я ведь понимаю, вы все это выдумали. А теперь шутки в сторону и давайте поговорим, как два добрых заговорщика. Мне ужасно хочется знать, как магистр Мальгрим вас сюда доставил. Он просил, чтобы я приготовилась принять вас, Сэм, и с той поры я его больше не видела.

— Что ж… все это произошло почти молниеносно, — сказал Сэм. — У меня чуть-чуть закружилась голова, но оно и понятно — как-никак одним махом из «Вороного коня» в Перадор, — а потом я вижу, что Мальгрим куда-то исчез и вместе с ним — один чудак, некий капитан Планкет; он

---

[3] Примечания: 3

Общество молодых консерваторов.

увязался за нами — возьми его, да и только. Понятия не имею, куда они делись. Если не считать какого-то малого с лютней, который на меня обиделся, вы, леди Нинет, первый человек, с кем я здесь перемолвился словом.

Она покосилась на него изумрудным глазом.

— И довольно милый человек, не правда ли, Сэм?

— Еще бы, прелестный! — Он помедлил в нерешительности. — Но… м-м-м… там у нас шла речь о принцессе Мелисенте.

— О-о, Сэм!

В ее голосе звучало разочарование.

— Пожалуйста, простите, я, кажется, сказал что-то не то.

— Вы ведь не сноб, Сэм?

— Нисколько! — Он виновато улыбнулся. — Но со слов Мальгрима я понял, что девушка, которую я рисовал, — принцесса Мелисента… Ну, и… вы сами понимаете, Нинет… ее-то я и ищу.

— Значит, она, на ваш взгляд, красивее меня? — спросила Нинет высокомерно. — Мне кажется…

— Нет, нет, не будем больше к этому возвращаться. Собственно говоря, я ее толком и не разглядел… не то что вас… а уж вы-то, спору нет, на редкость соблазнительная девочка… прошу

прощения!

— Не за что. Я слушаю вас с большим удовольствием. Еще вина, Сэм?

Она снова наполнила его чашу.

— Спасибо, Нинет, — сказал Сэм, у которого уже зашумело в голове. — Обе вы девушки что надо. Только разного типа. Но все-таки я хочу найти принцессу Мелисенту.

— Она дура, — сказала Нинет.

— А может, мне как раз дура и нужна. — Сэм улыбнулся ей и отхлебнул изрядный глоток вина — красного, чуть терпкого, совсем недурного.

— Не болтайте ерунды! — Она строго на него посмотрела. — А я умная и совершенно безнравственная.

Сэм не нашелся, что ответить на такого рода признание, и потому промолчал. Молчание продолжалось с полминуты.

Потом Нинет наклонилась вперед.

— Вы знаете Макбетов?

— Я знаю про Макбетов, — сказал Сэм.

— У меня есть в Шотландии кузина, которая близко с ними знакома. Всего несколько лет назад Макбеты были ничем — простыми солдафонами. А поглядите-ка на них теперь! И все она! У нее крепкий ум… решимость… энергия.

— Дайте срок, — сказал Сэм зловеще.

— Конечно. Шотландию вы мне подарить не можете. Но и здесь умные и безнравственные женщины умеют снять сливки. Поглядите на фею Моргану, Джиневру, королеву Оркнейскую… Да, для настоящего заговора годятся только умные женщины и волшебники.

— В нашем мире, — сказал Сэм, — заговоры больше не нужны. Мы и без заговоров все в лучшем виде разрушим и развалим — на то у нас есть наука и прогресс. Но объясните мне подробнее насчет волшебников — я не совсем понимаю, что тут с ними за история.

— О, история замечательная, — начала Нинет. — У нас их двое: Мальгрим — тот, с которым я заодно, — и его старый дядя Марлаграм. Марлаграм и увел Мелисенту искать вас.

— Тогда зачем я сюда попал?

— Видите ли, какое дело: Мальгрим ужасно ловкий и в свой черед обставил дядю: прежде чем бедняжка Мелисента успела вас найти, он притащил вас сюда. И теперь вы здесь, а она там.

— И оба не в том мире, в каком нужно, — возмущенно сказал Сэм. — По-моему, это уж слишком!

В этот миг раздался голос герольда:

— Его королевское величество Мелиот — ко-

роль Перадора, высокий повелитель Бергамора, Марралора и Парлота, властелин Лансингтона, Нижних Мхов и Трех Мостов!

Загремели трубы, и вошел, вернее, вбежал король Мелиот. Его сопровождали престарелый советник, Мальгрим в своем роскошном черно-серебряном, расшитом знаками зодиака наряде и двое солдат. Король выглядел так, будто, слишком плотно закусив и выпив слишком много вина, он потом заснул, но выспаться ему не дали и теперь он ничего толком не соображает и настроен хуже некуда. Рассмотреть его как следует Сэму не удалось.

— Что здесь происходит? — закричал король. Он показал на Сэма: — Это что за тип? Хотя нет, потом расскажете. Где наш карлик — вот что главное!

— Он здесь, государь, — сказала Нинет. — Магистр Мальгрим, волшебник, доставил его назад.

— А, тот самый тип… Мы ему не доверяем. — Теперь король показал на Мальгрима: — А это что за тип?

— Я и есть магистр Мальгрим, ваше величество.

— Фу-ты, пропасть, перепутал! Но мы все поставим на место, можете не сомневаться! — рявкнул

король.

— Боже, благослови нашего доброго короля Мелиота! — воскликнул престарелый советник тонким, дребезжащим голоском. — Гип-гип…

— Урра-а!! — дружно подхватили двое солдат. Но по всему было видно, что подхватывать им приходится слишком часто.

— Ладно, ладно, хватит. — Король свирепо глянул на Сэма и показал на него пальцем: — Ну, так что же это за тип?

— Он не принадлежит к числу ваших подданных, государь, — сообщил престарелый советник.

— Сами видим, — резко возразил король. — Одет черт знает как. Наверно, один из этих лайонесских или камелиардских голодранцев, а? Явился без доклада. Верительных грамот не представил. А теперь угощается за наш счет, да ты смотри, как пышно, — Он впился глазами в стол, потом подошел поближе. — Этот гусиный паштет припасен для нашего королевского стола! Спрашивается, как он сюда попал? Нет, это просто адово наваждение! Какой-то тип явился неизвестно откуда… без верительных грамот… даже платья пристойного на нем нет… а его накачивают нашим лучшим вином и закармливают

нашим лучшим гусиным паштетом! Да кто он такой?

— Опасный молодой человек, ваше величество, — сказал Мальгрим вкрадчиво. — Он разыскивает принцессу Мелисенту. Это тот человек, которого она видела в моем волшебном зеркале… Сэм.

— Сэм? Да ведь она сказала, что его на самом деле не существует. Мифологический персонаж, сказочный, фольклорный — так мы поняли. Нет, это, видно, кто-то другой. Как вас зовут?

— Сэм. И я тот самый тип, о котором она говорила. Мы любим друг друга. Вернее, надеюсь, что она тоже. Я-то, во всяком случае, ее люблю.

Это заявление привело короля Мелиота в ярость.

— Нагло смотрит нам прямо в лицо… непристойно одет… набил брюхо нашим лучшим паштетом… а теперь еще толкует нам, что влюбился в нашу единственную дочь! А, прах побери, у нас кровь закипает в жилах!

— Может быть, последует какое-нибудь официальное представление со стороны… — начал престарелый советник.

— Вздор! Мелисента! Мелисента! — закричал король. Ответа не было, и он обратился к Нинет:

— Где она?

— Ее здесь нет, государь. Она отправилась искать его… Сэма.

— Ах вот оно что, искать?! Ну так сообщите ей от нашего имени, где она может его найти. В самой что ни на есть глубокой нашей темнице! Эй, люди, уведите его. А если попробует бежать, всыпьте ему так, чтобы у него отпала охота бегать!

После короткой схватки двое солдат скрутили и поволокли Сэма. Когда они скрылись, король огляделся по сторонам и сгреб со стола гусиный паштет.

— Погодите, мы вас так взгреем за этот гусиный паштет, что своих не узнаете, — сказал он Нинет. — Слышите вы о нем не в последний раз, моя милая. Но видите — в самый что ни есть распоследний!

И, отхватив громадный кусок паштета, он выбежал из зала, а за ним, трепеща, поспешил престарелый советник.

— Садитесь и выпейте вина, магистр Мальгрим, — сказала Нинет, улыбаясь волшебнику. — До чего же мне это нравится!.. Я хочу сказать — роль заговорщицы. И вы действовали поразительно ловко.

— Да, верно, чистая работа, — сказал Мальгрим,

принимая вино из рук Нинет. — Впрочем, и дядюшку Марлаграма не следует недооценивать. Но пока у меня преимущество по меньшей мере в один ход. Сэм — здесь, в самой глубокой темнице. Она — там.

— Еще в Сэмовом мире? Восхитительно!

— Да, и очень скоро ее выпустят в эфир.

— А что это такое, магистр Мальгрим?

— Есть у них такое колдовство. Тоска смертная. Мы с дядей ни за что не поставили бы свое имя под такой нудной бессмыслицей. Думаю, что эфир доставит Мелисенте столько же удовольствия, сколько Сэму — темница. Ха-ха!

Нинет бросила на него восхищенный взгляд.

— Ах, до чего ж вы безнравственный!

Глава седьмая. Мелисента в эфире

Бэртон Чидлуорт, ведущий в телевизионной передаче «Дискуссия у вас на экране», не сводил тревожного взгляда со своих часов.

— Ну как, все в порядке? — спросил Филип Спенсер-Смит. — Хотя вполне возможно, что у девушки, которую я привез, язык подвешен не так уж ловко. Это я признаю. Зато внешность великолепная. Ничего не скажешь.

— Я за нее и не беспокоюсь, — отвечал Чидлуорт. — Но наш деревенский типаж, Джозия Хуки, до сих пор не явился, а через десять минут нас выпустят в эфир. Он и прежде запаздывал (и, уж конечно, всегда приходит под мухой), но чтобы прийти совсем впритирку — такого еще не бывало. А, будь он неладен! Я с самого начала не хотел включать его в передачу, но Руперт и Нэнси настояли: без деревенского типажа нам, говорят, никак нельзя. Эй, что вам тут нужно?

Маленький старичок с длинной бородой, в холщовом фартуке и с вилами в руках ринулся к ним с такой непонятной стремительностью, что мож-

но было подумать, будто он просто дурачится.

— Не будет вам нынче Джозии Хуки, сударь, — объявил он, и голос его был исполнен ликующего злорадства. — Заместо его, стало быть, мы. Хи-хи-хи! А звать нас Марлаграм. Мы тоже из деревни — сами видите. Хи-хи-хи!

— Нет, не вижу, — сказал Бэртон Чидлуорт. — В этом наряде вы больше всего похожи на захудалого статиста из гастрольной бригады номер два, которая давала на днях «Жену фермера». Да вы на самом деле из деревни или, может, с последних страниц «Рампы»?

— Сударь ты мой, вот те крест! — завопил Марлаграм. — Сроду из деревни не выезжал! А сейчас готов услужить, коли дозволите. Хи-хи-хи!

И он кинулся к принцессе, которая горячо его приветствовала.

— Я — человек с тонкой интуицией, — сказал Чидлуорт мрачно. — И что-то подсказывает мне, Спенсер-Смит, старина, что «Дискуссия на экране» сегодня с треском провалится. Миссис Шайни бормочет, как индюшка. Бедняга Тед Гиззард путается в длинных словах. Ваша прелестная белокурая молчальница, наверно, рта не раскроет. А теперь еще этот король троллей на нашу голову! Надо бы снять с него фартук и

отобрать вилы. Сдается мне, ему на самом деле года двадцать два, и он только что получил свою первую роль в «Драматическом театре». Чарли! — крикнул он. — Мы рассаживаемся по местам.

Миссис Шайни была дородная и глупая дама с большим носом и бюстом. Тед Гиззард был тощий и упрямый субъект, до того понаторевший в суконном языке речей и докладов, что на обыкновенном английском языке изъяснялся уже с трудом. Филип глядел, как все четверо занимают свои места по обе стороны от Бэртона Чидлуорта — принцесса рядом с Тедом Гиззардом, а Марлаграм рядом с миссис Шайни — и на душе у него тоже заскребли кошки. Правда, на вид девушка неотразима, но в том, что она до сих пор говорила, особого ума не видно. А этот коротышка Марлаграм, хоть ему, уж наверно, никак не меньше восьмидесяти, все только подмигивает, трясет головой, хихикает да потирает руки — этакий жизнерадостный маразматик!

— Добрый день! — сказал Чидлуорт, улыбаясь миллиону с четвертью домашних хозяек (не считая бесчисленных школьников, больных корью и свинкой). — Приглашаем вас снова принять участие в «Дискуссии у вас на экране». Справа от меня — давняя и популярная участница наших

передач миссис Шайни. Как всем вам известно, миссис Шайни — председатель Гильдии домашних хозяек и хранительниц домашнего очага. Рядом с нею, на месте, обычно принадлежащем Джозии Хуки, который не совсем здоров, мистер… э-э… Марлаграм, готовый осветить интересующие нас вопросы в сельскохозяйственном аспекте, иначе говоря, с точки зрения деревни. Слева от меня — еще один давний и не менее популярный участник наших передач Тед Гиззард. Тед Гиззард пользуется широкой известностью в тред-юнионистском движении: он генеральный секретарь профсоюза клепальщиков-паяльщиков и лудильщиков-точильщиков. А рядом с ним — еще одно новое для вас лицо… на редкость приятное добавление к нашей компании (я думаю, мои слова не вызовут возражений)… принцесса Мелисента, ныне успешно подвизающаяся в Лондоне в качестве натурщицы.

— Нет, я просто ищу Сэма, — решительно объявила Мелисента. — Где он?

— После скажу, девочка, — ответил Марлаграм. — Хи-хи-хи!

— Да, да, — поспешил вмешаться Чидлуорт. — Это чрезвычайно интересная проблема, и я надеюсь, мы еще вернемся к ней. А теперь, миссис

Шайни… первый вопрос к вам, Одна из постоянных телезрительниц спрашивает: «Какие новые возможности следовало бы открыть перед женщиной?» Пожалуйста, миссис Шайни.

— Я буду говорить как домохозяйка и хранительница домашнего очага, — сказала миссис Шайни с неописуемой важностью, — ибо вам известно, что я возглавляю Гильдию домохозяек и хранительниц домашнего очага, самое крупное и самое влиятельное объединение домохозяек и хранительниц домашнего очага в нашей стране. Итак, как домохозяйка и хранительница домашнего очага, я отвечаю: все без изъятия новые возможности должны быть предложены и открыты женщине, и главным образом в ее качествах домохозяйки и хранительницы домашнего очага.

— Прекрасно, — сказал Чидлуорт. — Большое спасибо, миссис Шайни. А теперь — Тед Гиззард.

— Резервируя свое суждение по поводу проблем, не являющихся предметом данной дискуссии, — начал Гиззард чрезвычайно медленно, — я думаю, что мог бы высказаться по этому частному вопросу без всякого предубеждения…

— Давай, шуруй! — закричал Марлаграм.

— …без всякого предубеждения, разумеется, —

продолжал Гиззард, — и в то же время беря на себя смелость говорить не только от лица клепальщиков-паяльщиков и лудильщиков-точильщиков, но и от имени всего тред-юнионистского движения в целом — в том виде, в каком оно существует на текущий момент. Итак, вот мое мнение — впрочем, я еще не до конца уверен, выскажу ли я его… Или нет — выскажу: и да, и нет — принимая в расчет неоспоримый факт, что вместе с обстоятельствами меняется и существо дела.

— Замечательно! Благодарю вас, Тед Гиззард. Ну, а каково суждение деревни, как относится к этому важному вопросу сельское население, мистер Марлаграм?

— Молоко-яички-мед, раз-два-три-четыре-пять, цап-царап да хвать-похвать, хлев-подойник-маслобойня, гуси-гуси, га-га-га, загоняй скорей корову, ну-ка, выгони быка. — Марлаграм сыпал словами с фантастической быстротой, лицо его было серьезно и задумчиво. — В общем — нет, другой раз — да, особенно в апреле и сентябре, но по пятницам — избави бог!

— Понятно, — сказал Чидлуорт, хотя ему, разумеется, ничего не было понятно. — Принцесса Мелисента, ваша очередь: о каких новых возможностях думаете вы?

— Я думаю о Сэме, — твердо сказала Мелисента.

— Его только что сунули в темницу, — сказал Марлаграм.

— В темницу?

— В самую что ни на есть глубокую… Хи-хи-хи! Но не тревожьтесь, все обойдется.

— Господин ведущий, — начала миссис Шайни, — надо отметить…

— Да, да… чрезвычайно интересно, — в полном смятении сказал Чидлуорт. — Вы хотите сказать, Мелисента, что Сэм даст вам новые возможности?

— Не смейте называть меня Мелисентой, — оборвала его принцесса. — Вы не входите в круг моих друзей.

— Как домохозяйка, — сказала миссис Шайни, — и как председательница…

— Не вмешивайтесь! — резко сказала Мелисента. — Магистр Марлаграм, вы уверены, что Сэм в темнице?

— К порядку ведения, господин Чидлуорт, — возгласил Тед Гиззард. — Насколько я могу судить, стоящий на повестке дня вопрос ни в коей мере не предполагает замены общего частностями и безличного личностями…

— Да, конечно, мы учтем ваше замечание, — поспешил откликнуться Чидлуорт. — Но теперь…

— Опять-таки к порядку ведения, мистер Чидлуорт, — взял слово Марлаграм. — Насколько я могу судить — хи-хи-хи! — сексуальная возбудимость несовместима с неограниченными возможностями психического склада, благоприятствующими сложным и обильным словоизлияниям.

— Не уловил вашу мысль, — сказал Гиззард.

— Каковы ваши первые впечатления от Лондона, принцесса Мелисента? — спросил Чидлуорт, вытирая пот со лба.

— Если он невсамделишный, — сказала Мелисента серьезно и убежденно, — и вы все это сами придумали, почему он у вас такой ужасно безобразный и шумный и почему все люди такие озабоченные, или сердитые, или грустные? Или, может, все это — одно наваждение?

— Простите… как?

— Наваждение.

— Я тридцать лет участвую в тред-юнионистском движении, — сказал Гиззард, — и, насколько я могу судить…

— Ох, да замолчите вы! — Мелисента повернула голову и увидела, что кресло Марлаграма опустело. Большая бурая крыса трусцой бежала по

полу. — Магистр Марлаграм, магистр Марлаграм, куда же вы?

— Перемолвиться словечком с Сэмом. Хи-хи-хи!

— Возьмите меня с собой.

— Потом, моя девочка. Будьте в «Вороном коне» около шести. Хи-хи-хи!

— Хи-хи-хи! — отчаянным эхом отозвался Чидлуорт, почувствовавший (и не без оснований), что дискуссия вышла из-под его контроля. — Чрезвычайно, чрезвычайно интересно… и мы, конечно, пожелаем им всем удачи, удачи и еще раз удачи.

— Разумеется, — подтвердил Гиззард. — А теперь следующий вопрос. Наша телезрительница из Сэрбитона желает знать, не станет ли женщин в ближайшем будущем значительно больше, чем мужчин, и если да, то как именно это случится. Миссис Шайни, прошу вас.

— Говоря как домохозяйка, — сказала миссис Шайни, — а также от имени многих тысяч британских домохозяек, каждая из которых испытывает живое и глубокое чувство ответственности за наше ближайшее будущее, я отвечу: возможно — да, а возможно — и нет, но каким именно образом — сказать трудно. Вы согласны со мною, мистер Гиззард?

— Да — в ограниченном смысле и нет — в менее ограниченном и гораздо более широком смысле, хотя, заметьте, я бы не хотел высказываться категорически и безапелляционно. Но у нас в тред-юнионистском движении…

— По-моему, это глупости, — сказала Мелисента, поднимаясь с места. — Я ухожу. Прощайте.

По пути обратно в контору Филип Спенсер-Смит без передышки втолковывал Мелисенте, что ее поведение во время передачи, по всей видимости, закроет перед Уоллеби, Диммоком, Пейли и Туксом двери телестудии на ближайшие два года. Но все мысли Мелисенты были заняты Сэмом, брошенным в темницу, и она даже не пыталась делать вид, будто слушает его. Филип сказал, что, прежде чем сообщить о случившемся Диммоку, он переговорит с Энн Датон-Свифт. Но Энн на месте не было, и где она — никто не знал. Пегги тоже на месте не было, и где она — никто не знал. А в довершение всего Диммок ушел и никто не видел когда.

— Ну, это уж слишком, — сказал Филип Мелисенте. — Сперва Сэм…

— Я знаю, где Сэм, — промолвила Мелисента печально. — Он в темнице, у нас в Перадоре. Вы разве не слышали, что говорила та крыса? Это

ведь был магистр Марлаграм.

— Да, но, видно, мне это не запомнилось, — осторожно сказал Филип. — Интересно, здесь ли еще доктор Джарвис.

Но, как выяснилось, доктор Джарвис сперва что-то долго и бессвязно объяснял насчет шкафа, а потом отправился на прием к одному из коллег в психиатрическую клинику.

— Вам придется повести меня в «Вороного коня», — сказала Мелисента.

— Ради бога, — сказал Филип. — Как только там откроют, лапочка. Но вам незачем ходить так далеко, если вы просто хотите выпить.

— Нет, я не хочу выпить. Я хочу к Сэму.

— Но ведь вы сами сказали, что он у вас в темнице, хоть я и ума не приложу, как это понимать.

— Если я не пойду в «Вороного коня», я не смогу увидеться с Сэмом в темнице…

— Ах, пропади оно все пропадом, прекратите вы когда-нибудь или нет? — закричал Филип, швыряя эскиз рекламного плаката для «Маминого пусика» в дальний угол комнаты.

Мелисента разрыдалась.

Глава восьмая. Сэм в темнице

Темница и впрямь была самая что ни на есть глубокая. Сперва двое солдат спустились с Сэмом на обычную глубину, потом отворили какую-то дверь чуть не в фут толщиною, столкнули нового узника вниз по осклизлым каменным ступеням и замкнули за ним дверь. Скудный свет проникал через единственное крохотное оконце, пробитое высоко под потолком и совершенно недосягаемое. Это была мерзкая дыра. Здесь стоял тот характерный унылый запах, какой идет от старых журналов, сваленных в кучу где-нибудь на чердаке. Сэм присаживался то на сырой обомшелый камень, то на третью снизу ступеньку лестницы. Из темного угла, обследовать который у него не было ни малейшего желания, доносился стук падающих капель и странные чавкающие звуки, наводившие на мысль о каких-то живых существах. В общем, веселого мало. К сожалению, этот вывод он сделал уже в течение первых двух минут, а за последующие час-полтора ни к каким новым выводам ему прийти не удалось. Он закусил так плотно и выпил так много, что в любом

мало-мальски пристойном месте наверняка бы заснул, но здесь, в подземелье, было очень уж мокро и пакостно. Поэтому он только зевал и бранился.

Наконец дверь у него над головой отворилась, пропустив полоску света. Двое солдат, по-видимому весьма довольные собою, спустились по лестнице.

— Хлеб, — объявил первый солдат, подавая Сэму хлебец.

— Вода, — сказал второй, протягивая кувшин.

— Вот на чем тебе придется посидеть, приятель.

И оба загоготали. Сэм поглядел на них с отвращением.

— Ничего тут смешного нет.

— Да мы просто шутим, приятель, — сказал первый солдат.

— Это твой паек по темничному уставу. Но мы с Фредом — золотые парни, правда, Фред?

— Истинная правда, Джек.

— Гляди-ка, что мы для тебя спроворили на кухне, приятель. — Он достал пакет, доверху набитый ломтями говядины и ветчины и горбушками пирога. — Действуй. «Спасибо» говорить не обязательно.

— А ну, навались, браток, — сказал второй солдат, тот, которого звали Фред.

— Нет, спасибо, — ответил Сэм.

— Да ты что? — удивился Джек. — Такой харч, а он нос воротит.

— Свинья ты неблагодарная, — сказал Фред.

— А мы-то думали, ты все глаза себе от счастья выплачешь, как увидишь эдакую благодать, правда, Фред? Ну, давай, начинай. Вот гляди, какой шикарный кусок ростбифа с кровью…

— Простите, ребята, но я не могу есть.

— Брось ты это, браток, — сказал Фред с укором. — Хуже отчаяния ничего не бывает. А тебе надо беречь силы.

— Истинная правда, — сказал Джек. — Месяц-другой — и ты выйдешь. Вполне может случиться, поверь моему опыту. Так что не стесняйся, глотай-ка все это поживее.

— Да не могу я, ведь я только-только из-за стола, целую гору всякой всячины слопал. Вы сами видели… вернее, видели, что осталось. Я понимаю, вы с лучшими намерениями, но посудите сами…

— Что ты, браток! Да ежели б мы умели судить, сейчас бы в суд побежали.

Сверху донесся возглас: «Дорогу сэру Шкиперу — новому капитану королевской стражи!»

Ужасающе воинственная фигура — в полном латном уборе, в шлеме с опущенным забралом, с исполинским мечом в руке, — лязгая и бряцая, спустилась по ступеням. Двое солдат с величайшим трудом вытянулись по стойке «смирно».

— Проваливайте, — сказал вновь прибывший.

— А куда провалишься? Глубже некуда, капитан. — Оба солдата оглушительно загоготали. — Неплохо сказано, правда, Фред?

— В толк не возьму, как это ты все придумываешь, Джек!

— Вы слышали приказ? — страшным голосом заревел капитан. — Эй, вы, слюнтяи, свиные рыла, курицыны дети, что же мне — отсечь вам уши, открутить носы, искрошить мизинцы на котлеты?

— Никак нет, капитан!

И солдаты кинулись вверх по лестнице.

Грозный начальник снял шлем, и перед Сэмом предстал Планкет, старый шкипер, замученный жарой и духотой. Он прильнул к кувшину и долго от него не отрывался.

— Адски жарко в этих латах, старик.

— Так это вы — новый капитан королевской стражи, Планкет?

— До поры до времени, старик. Надо было что-то

придумать, отвечать с ходу, ну, вот я и словчил, как сумел. Но это только трамплин.

— Вы лучше посмотрите, до чего же я здорово словчил.

— Все знаю, Сэм, старина. За дочкой приударил, так, что ли? Ненадежное дело. Я рассказывал, что со мной было в Бангкоке? Как-нибудь выдам тебе эту историю со всеми подробностями. Да, здесь не разгуляешься.

Сэм возмутился до глубины души.

— Не разгуляешься! Вы только поглядите на эту дыру!

— Бывали переплеты и почище. Однажды нас было двенадцать лбов, а каморка — меньше этой… В Тетуане было дело… Но ты не беспокойся. Я тебя быстро отсюда вытащу. Нынче вечером я ужинаю у короля Мелиота и что-нибудь устрою. Ставлю десять против одного, что он упьется.

— А я — сто против одного, что и вы упьетесь, шкипер.

— Собственно говоря, — сказал Планкет задумчиво, — я пью беспрерывно с того самого времени, как Эдуард Восьмой отрекся от престола. Но этого короля я беру на себя. Мы с ним уже друзья — водой не разольешь.

— Ловко вы это устроили, шкипер. Почему он

вас не разнес за то, что вы одеты черт знает как?

— А потому, что я успел увести чьи-то латы, старик. Когда мы с ним встретились, он и спрашивает: ты, мол, из Камелота? «Да», — говорю. «Привез сообщение, что конференция отменяется?» «Да», — говорю. Тогда он спрашивает, как там король Артур. Ну, статую я видел, вот и отвечаю, что, дескать, король цел и невредим, весь бронзовый и знай себе смеется. Потом я отрекомендовался капитаном королевской стражи — для короля Мелиота это была полная неожиданность. А в общем, он неплохой малый, только, по-моему, скряга страшенный. О тебе слышать не может — ты, говорит, слопал его любимый паштет. Особенно на этой работенке не разживешься, но, сам понимаешь, другого выхода нет. Кстати, старик, ты знаешь такого Диммока? Он занимается рекламой.

— Знаю, это мой хозяин. А что?

— Он здесь, старина.

— Диммок?! Он-то как сюда попал?

— Толкует про какую-то крысу, про какой-то шкаф. Ему чертовски повезло, что мы с ним встретились. А то он совсем растерялся. Для рекламного агента не бог весть какой хваткий малый. Я его спрятал у себя в комнате.

Наверху раздался шум. Планкет мгновенно вскочил и свирепо заорал на Сэма:

— Знай, проходимец, бесстыжие твои глаза, ты просидишь здесь столько, сколько будет угодно его величеству!

— Сэр Шкипер! — Это был король Мелиот, он глядел на них сверху. — Сэр Шкипер!

— Иду, государь, иду! — отозвался Планкет. Потом прошептал: — Не вешай носа, старик. Скоро я тебя вытащу. — Потом, чтобы услышал король, снова зарычал: — Поделом тебе, негодяй! Иду, государь, иду!

Примерно с четверть часа после ухода Планкета Сэм чувствовал себя уже не таким несчастным, но потом затхлый мрак темницы снова стал нагонять на него тоску. Поэтому он испытал скорее облегчение, чем страх, когда услышал пронзительное хихиканье в самом темном углу своей тюрьмы, а вслед за тем неожиданно увидел маленького старичка с длинной бородой.

— Ну, вот я и здесь, мой мальчик. Хи-хи-хи!

— Это я и сам вижу, но кто вы такой?

— Магистр Марлаграм, твой волшебник, волшебник принцессы Мелисенты!

— Какая наглость! — негодующе воскликнул Сэм. — Мой волшебник! Да вы поглядите, что

со мной сталось! Почему вы дали Мальгриму утащить меня сюда, так что мы с принцессой разминулись? И что вы сделали с нею?

— С нею все в порядке, мой милый, об этом можешь не беспокоиться, — сказал Марлаграм, располагаясь поудобнее для дружеской беседы. — А что до Мальгрима, моего племянника, — да, ловко он сыграл нынче утром, ничего не скажешь. Хи-хи-хи! Прилежный паренек… и шустрый, да-а. Ведь я его сам когда-то учил… Все было бы в порядке, да меня срочно вызвали в Шотландию. Старые мои приятельницы, три ведьмы…

— По делу Макбета, что ли?

— Кто это проболтался? — сердито спросил Марлаграм.

— Потом расскажу. Но послушайте, мистер Марлаграм, вот вы здесь сидите, рассказываете мне, какой ловкий у вас племянник, а к чему все это? Я, конечно, понимаю: семейная гордость… Но если вы не можете нам помочь, если чувствуете, что вас обскакали, так прямо и скажите.

Старый волшебник бросил на него свирепый взгляд.

— Обскакали! Что за глупости! Не считая Мерлина (а он уже вышел в отставку), отсюда и до самых Оркнейских островов нет волшебника

лучше меня.

— Ну, тогда, должно быть, у вас сегодня выходной, — угрюмо сказал Сэм.

— Выходной! Обскакали! Давай-давай, мой милый. Еще одно такое слово — и выбирайся из этой темницы сам, как сумеешь.

— Мистер Марлаграм, я приношу вам свои извинения. Кстати, как вы сюда проникли? Нельзя ли мне выйти тем же путем?..

— Нельзя! — резко оборвал его Марлаграм. — Ни тебе, ни кому другому, не причастному к нашей профессии. Ты что думаешь, мой милый, мы даром двадцать лет в подмастерьях ходим? Ну, ладно, давай наведем ясность в кое-каких вопросах. Во-первых, принцесса Мелисента… Ах, какой славный, лакомый кусочек… Хи-хи-хи!

— Смените-ка пластинку. Прямо наводите ясность — и все.

— Когда я ушел, она играла в какую-то идиотскую игру, а вокруг нее горели какие-то плошки. Там я ее и оставил, а в шесть у нас назначена встреча в «Вороном коне», и я перенесу ее назад. Потерпи немножко — скоро ты ее увидишь.

— Хорошо. А кто-нибудь из вас может вызволить меня отсюда?

— Я могу. Собственно говоря, мог бы и сейчас.

— Ну так за чем же дело стало?

— А за тем, что я люблю работать по порядку, а не как придется, мой милый. Ты художник или, по крайней мере, называешься художником, стало быть, должен меня понять. Я ведь тоже в своем роде художник. Коль скоро я берусь вызволить тебя отсюда, я хочу иметь в руках четкий план и держать в голове четыре, а не то и пять ближайших ходов. А Мальгрим, хоть он и ловкий малый, как раз на этом спотыкается. Удачный и быстрый ход или два, вот как нынче утром, — на это он мастер, но он импровизатор, и ничего больше, а на импровизации далеко не уедешь. Я люблю составить план, где все предусмотрено заранее.

— И какой же у вас план?

— А уж это не твоя забота, мой милый.

— Помилосердствуйте! — вскричал Сэм. — Как же не моя? Да я здесь влип хуже некуда.

— Но ведь ты герой, храбрец, верно?

— Нет, неверно, — сказал Сэм. — Будь я герой, я бы не служил у Уоллеби, Диммока, Пейли и Тукса. Между прочим, Диммок здесь.

— Знаю… хи-хи-хи! Диммок входит в план.

— Что же это все-таки за план?

— Я его еще дорабатываю. До скорого, мой мальчик.

И он исчез. Из темного угла донеслось последнее замирающее «хи-хи-хи».

Хоть Сэм и поворчал немного, настроение у него заметно исправилось. Он медленно набил свою трубку, о которой не вспоминал целое утро. Но тут обнаружилось, что у него нет спичек. Сперва он решил было подняться по лестнице, постучать в дверь и попросить кремень и трут, но потом сообразил, что это покажется странным. Он попробовал с нежностью и умилением думать о Мелисенте, но убедился, что не в состоянии даже отдаленно припомнить, какова она с виду. Вместо Мелисенты ему отчетливо представлялась дрянная скульпторша по имени Мойа Фезерингерст, которую он уже много лет терпеть не мог.

Глава девятая. Снова в «Вороном коне»

В баре «Вороной конь» было очень тихо, и толстяк, взяв обычную смесь легкого пива с горьким, сказал это буфетчице.

Не получив ответа, он повторил:

— Все тихо-спокойно, говорю.

— А я ничего не говорю.

Буфетчица зажмурилась и плотно сжала губы.

— Это почему же?

— После того, что случилось нынче утром, не могу. — Она открыла глаза и опасливо поглядела на дальнюю стену.

Толстяк довольно долго раздумывал над ее словами. Потом наконец нашелся:

— А что такое случилось нынче утром?

— Не надо вопросов, — сказала она. — Тогда и вранья не услышите.

— Что правда, то правда, — согласился толстяк.

Буфетчица долго молчала, потом впилась в него взглядом, и наконец ее прорвало:

— Мой брат Альберт говорит, он видел такое однажды в парке Финсбери. Электричество и

зеркала, говорит, вот и все.

— Что видел?

— Загадочное исчезновение, — мрачно сказала она.

— Так это оно и было нынче утром?

— Оно самое. На этом самом месте.

— А кто же исчез?

— Ах, лучше не спрашивайте…

— Что правда, то правда, — поспешно согласился толстяк.

Он отхлебнул пива, подумал немного, потом рискнул высказать суждение:

— А погодка-то разгулялась.

— А вы чего ждали? — сказала буфетчица. — Нет уж, тридцать первого июня иначе и не бывает.

Он поглядел на нее с недоверием, но она ответила прямым, простодушным взглядом. Тогда он вынул из кармана книжечку с календарем, тревожно заглянул в нее, потом снова с недоверием уставился на буфетчицу. Взгляд ее был все так же чист и простодушен. Они уже готовы были все начать сначала, как вдруг появился Мальгрим в том же самом наряде, что и утром, энергичный и властный.

— Свят-свят-свят! — ахнула буфетчица.

— Добрый вечер, мадам. Двенадцать бокалов

бенедиктина с холодным молоком, и, пожалуйста, поживее.

— Бенедиктин с холодным молоком? Смесь? Двенадцать бокалов?

— Вот именно, двенадцать, — сказал Мальгрим. — Потом, возможно, понадобится еще. Здесь соберется бактериологическая секция нашего медицинского конгресса. Я жду делегатов с минуты на минуту.

— Эй, послушайте, — сказала буфетчица, глядя на него во все глаза. — Ведь это вы приходили сюда нынче утром, выпили целую бутылку мятного ликера, а потом вышли сквозь стенку?

— Да, я, — охотно согласился Мальгрим. — Ну и что из этого?

— Что из этого! — Она бросила на него отчаянный взгляд, тихонько застонала и отошла к другому концу стойки.

— Сдается мне, — сказал толстяк, — она сегодня что-то не в себе.

— Да и вы тоже, друг мой.

— То есть как?

— Ну-ка, взгляните на мой палец! — сказал Мальгрим. Он проговорил это так властно, поднимая палец все выше и выше, что толстяк не посмел ослушаться. Секунд через двадцать

толстяк застыл в неподвижности, подняв глаза кверху, — бесчувственный, словно восковая фигура. Мальгрим больше не обращал на него никакого внимания и занялся стеной. Он чертил на ней какие-то знаки и бормотал заклинания. Снаружи завыл ветер, стена раздвинулась, но за ней, торжествующе хихикая, стоял старый Марлаграм.

— Хи-хи-хи! Что, мой мальчик, не ожидал?

— Эффектный трюк, дядюшка, но, как всегда, дешевый, — сказал Мальгрим. — Видно, и впрямь пора вам бросать серьезную работу. Для детских утренников, конечно, еще сойдет…

— Вот я тебе покажу детские утренники, наглый щенок! — объявил Марлаграм, делая шаг вперед. — Да не вздумай просить помощи у Агизикке, у Бултурвзасоса или у кого-нибудь еще из этой компании, потому что сегодня я их всех заключил в магический пентаэдр, хи-хи-хи!

— Знаю, — сказал Мальгрим презрительно. — Не так уж трудно было догадаться, милейший дядюшка. Но и я времени даром не терял, сразу обратился к Акибеку и Беркаяку. Хотите помериться силами? Нет. Так я и знал. Где уж там, ведь у вас ни настоящей стратегии, ни цельного плана. Теперь-то вы поняли, что у меня преимущество

в целый ход?

— Нет, мой мальчик.

— Ну как же! Если вы вернетесь в Перадор и оставите меня здесь, я встречусь с принцессой Мелисентой.

— И не подумаю, мой мальчик.

— Превосходно. В таком случае вы остаетесь здесь, а я возвращаюсь в Перадор, и опять-таки я в выигрыше. Чистая работа, ничего не скажешь. Помяните мое слово, брошь Мерлина достанется мне.

И он двинулся к зияющему проему в стене.

— Но тебе не закрыть за собой стену, — сказал Марлаграм. — Вот попробуй.

— И пробовать не стану. Пустое дело. Все равно я в выигрыше, как ни кинь, — сказал Мальгрим и вышел через стену.

— Похоже на то, — пробормотал старик. — Неглупый малый, но слишком самоуверен. Ладно, мы еще посмотрим.

Он стал быстро расхаживать по комнате и, наткнувшись на остолбеневшего толстяка, небрежно отодвинул его, точно стул. Тем временем на стойке появился поднос с двенадцатью бокалами. Вслед за тем из-под стойки на четвереньках выползла ошалевшая буфетчица. Она поднялась на

ноги и уставилась сперва на Марлаграма, потом на толстяка, потом на проем в стене.

— Свят-свят-свят! — Она закрыла глаза, но, вспомнив о своем служебном долге, снова открыла их и поглядела на Марлаграма. — Послушайте, вы можете выпить двенадцать бокалов бенедиктина с молоком?

— Нет, — ответил Марлаграм. — В рот не беру молока.

— Ну, тогда до свиданьица! — чуть слышно сказала буфетчица, потом, спотыкаясь, прошла сквозь стену и унеслась в Перадор.

Старый волшебник хлопнул толстяка по плечу, приказал ему: «Проснись!», а сам пролез под стойкой и появился по другую ее сторону. Толстяк поглядел на него, потом зажмурился.

— Что-то у меня с глазами неладно, — сказал толстяк. — Послушайте, а куда девалась Куини?

— Это ты о буфетчице? Хи-хи-хи! Завтра утром у нее будет по горло дел на перадорском турнире, хоть сама она, конечно, об этом еще и не подозревает. А твои глаза… да разве ими что-нибудь увидишь?

— То есть как это?

— Да ты уж сколько лет как мертвец, — сказал Марлаграм. — Выпьешь чего-нибудь?

— Легкого с горьким, — уныло ответил толстяк.

— Ты себя губишь, хи-хи-хи! Нет, пинта драконовой крови — вот что пойдет тебе впрок. Держи!

Совсем обалдевший толстяк вдруг увидел у себя в руках большую кружку, до краев наполненную темно-красной жидкостью.

— Да куда мне столько! Небось, опять что-нибудь новенькое для нас припасли? Не забывают они про нас. Интересно, что там.

— Кто это «они»? — сурово спросил Марлаграм.

— Ну… сами знаете…

— Ничего я не знаю. И ты тоже ничего не знаешь. А теперь выпей и оживи. А то куда ни плюнь — одни мертвяки: тыкаются повсюду, высматривают, нет ли где свободной могилы.

— Ну что ж, я выпью.

— Давно пора. А как хлебнешь драконовой крови, скажешь, какое сегодня число.

Толстяк отхлебнул большой глоток темно-красной жидкости. Глаза у него полезли на лоб, но он сразу же так и расплылся в блаженной улыбке.

— А ведь вы правы, ей-богу. И Куини тоже, и тот малый — художник, что был тут нынче утром. Сегодня и впрямь тридцать первое июня.

— Вот так-то лучше, — одобрительно сказал Марлаграм.

— Я вам еще не рассказывал, как все это вышло?.. — начал толстяк.

— Нет, не рассказывал — хи-хи-хи! — и не расскажешь. Кто это еще там?

Филип Спенсер-Смит, входя с Мелисентой в бар, все еще хныкал:

— Лапочка, вы, конечно, прелесть, и, может быть, вы с Сэмом, как говорится, созданы друг для друга, но что факт, то факт: из-за вас я рассорился с телебоссами по крайней мере года на два…

— А, магистр Марлаграм, вы здесь, как я рада! — вскричала Мелисента. — Я хочу скорее вернуться во всамделишную жизнь.

— Через минуту отбываем, хи-хи-хи!

— Здесь подают драконову кровь, — сказал толстяк Филипу, — так вот, хлебните глоток, очень рекомендую. Тогда вам все будет трын-трава, даже если телевидение на порог вас больше не пустит. Эй, шеф, еще две пинты драконовой, пожалуйста. — Он с восхищением поглядел на Мелисенту. — Вот каких девочек видишь, когда выпьешь драконовой крови! А если пить только легкое пиво, то вокруг — одни мымры, сами зеленые, бледнющие, волосы будто ваксой намазаны.

Спасибо. Может, выпьете за компанию?

— Некогда, — сказал Марлаграм. — Через пятнадцать секунд отбываю.

— М-да, — сказал Филип неуверенно. — Попробовать, что ли? Ваше здоровье!

— Всех благ! — сказал толстяк.

Они выпили.

— Пожалуй, похоже на «Кровавую Мери», только позабористей, — сказал Филип. И вдруг вытаращил глаза от изумления. Ни принцессы Мелисенты, ни Марлаграма, ни проема в стене — как не бывало.

— Э-э… что это… э-э… позвольте… как это… — Озираясь, он промычал еще что-то столь же нечленораздельное, потом вопросительно взглянул на толстяка.

— А погодка-то разгулялась, — радостно сообщил толстяк.

— Нет, правда?

— А вы чего ждали? Сами понимаете — тридцать первого июня иначе не бывает.

Филип допил драконову кровь.

— А ты Герберта Пейли из фирмы «Уоллеби, Диммок, Пейли и Тукс» часом не знаешь? — услышал он свой голос. — Вот уж подонок так подонок, еще почище Тукса, это я тебе как друг говорю. Ну

что, старик, может, еще по одной?

Глава десятая. Король Мелиот после обеда

Король Мелиот, отпустив всех слуг, кроме виночерпия, сидел с капитаном Планкетом и Диммоком в своем малом покое, что при банкетной зале. Они плотно пообедали и теперь совершали столь обильное возлияние, что виночерпий едва поспевал наполнять чаши. То и дело они разражались хохотом, захлебываясь и брызгая слюной, и лица их становились все краснее. Каждый разыгрывал из себя свойского малого, как это часто бывает с мужчинами средних лет, которые выпили лишнего и гонят прочь мысль о том, что утро все-таки наступит.

— А мы вот знаем один анекдот, животики надорвешь, — говорил король. — Про то, как в Камелоте встретились три странствующих торговца. Один — англичанин, другой — шотландец, а третий — ирландец. — Король так и покатился со смеху. — Мы что-то запамятовали, чем там дело кончилось, ну ничего, при случае вспомним и доскажем. Виночерпий!

— Кстати, — сказал Планкет. — Я как раз кое-

что вспомнил, ваше величество.

— И мы тоже, — сказал король, указывая на Диммока и хмуря брови. — Вот уже второй такой тип попадается нам сегодня — одет черт знает как. А тот, первый, сидит в темнице. Хотел жениться на нашей дочери. Неслыханная наглость!

— Я как раз вспомнил, — сказал Планкет, — что у нас с Диммоком есть один план.

— А кто это Диммок? — спросил король.

— Это я, ваше величество.

— Ты непристойно одет, Диммок. И не заставляй нас повторять это дважды. Так что, ты говоришь, у тебя есть, сэр Шкипер?

— План, ваше величество… проект… предложение… идея! У нас будет куча денег.

— Куча денег? Где же она?

— В нашей идее, государь.

— Мы в этом не уверены, — сказал король. — Мы в ней ничего такого не видим. Вот разве этот Диммок объяснит нам толковее. Кстати, где он?

— Я здесь, ваше величество. Я — Диммок.

— Так это ты? — Король покачал головой. — Ну что может из этого выйти? Нет уж, мы отвергли сотни идей, получше вашей. Она слишком чахлая, крепости в ней нет. Виночерпий! Налей. Налей, говорят тебе! Вот в этом винце крепость есть, а в

вашем плане — нет. В чем вся и разница.

Он поднял чашу и осоловело поглядел на нее.

— Играйте, — шепнул Диммок Планкету. — Я пас.

— Ваше величество, — начал Планкет торжественно, — позвольте мне выпить за ваше здоровье и счастье, а также за дальнейшее процветание вашего королевства Перадор.

И он выпил с видом столь же торжественным.

— Отлично сказано, сэр Шкипер, и мы премного тебе благодарны. Однако справедливость требует признать, что наше королевство сейчас отнюдь не процветает. Советники говорят, что казна почти пуста.

— Но, ваше величество, мы с Диммоком будем счастливы отвалить вам кучу денег, и не одну…

— Ты-то — возможно, сэр Шкипер, но Диммок? Если и у него есть такое желание, пусть придет и скажет сам.

— Но ведь это же я — Диммок!

Король неодобрительно покосился на него.

— Ты одет черт знает как. Уже второго такого сегодня встречаю. И не смей соваться, когда тебя не спрашивают. Так о чем, бишь, мы, сэр Шкипер? Ах, да… у вас должен быть план.

— Он у нас есть, ваше величество.

— Так бы сразу и сказал! Какой толк ходить вокруг да около? Виночерпий!

— Диммок, объясните нашу идею. Ваше величество, Диммок изложит вам план.

— Давно пора, — сказал король, косясь на Диммока.

— Так вот, ваше величество, — сказал Диммок. — Там, где я живу, все хотят поехать куда-нибудь.

— Что-то не верится, — сказал король. — Этак там у вас скоро не останется ни души.

— Я хотел сказать — поехать на время, в отпуск.

— Просто, чтобы переменить обстановку, — сказал Планкет, — да отдохнуть от своего великолепного образа жизни…

— Люди копят деньги, чтобы побывать в других странах…

— И мы считаем, что самые богатые должны ехать сюда, в Перадор…

— Организованный туризм! — горячо воскликнул Диммок. — Они приедут полюбоваться замками. Поглядеть рыцарей. Поглядеть драконов.

— Конечно, тут не обойтись без одного из ваших волшебников, — сказал Планкет. — Нужно будет

обеспечить транспорт для переброски туристов.

— Тогда деньги так и посыплются, — сказал Диммок.

— Куда — в нашу королевскую казну? Ах нет? Ну, ясное дело. — Король покачал головой, и взгляд его стал еще суровее.

— Ваше величество могли бы войти в правление и приобрести солидный пакет директорских акций.

— Правление? Акции? Не понимаю, о чем вы толкуете, — сказал король Мелиот с неудовольствием. — Где же эта ваша куча денег?

— Важно, чтобы деньги потекли в страну, — сказал Планкет. — А там вы сделаете то же, что наши правители. Как только у людей появятся деньги, вы высосете их с помощью налогов.

— Налоги? Вздор! Там выжмешь золотой, здесь — медяк… Знаем мы эти налоги. Тьфу!

— Но по нашему плану, — сказал Диммок, — вы получаете половину прибылей… или даже три четверти.

— Введите налог на замки, — сказал Планкет. — Военный налог, налог на содержание правительственного аппарата. Пусть платят за то, что у них есть крыша над головой. Обложите налогом одежду и постели. Пути и дороги…

— И воздух, которым они дышат, тоже? — Король сардонически захохотал.

— Это оригинально, — сказал Диммок. — Богатая идея. Стоит попробовать.

Король Мелиот, охваченный внезапной яростью, с трудом встал на ноги.

— Стоит попробовать! Богатая идея! Эй, вы, алчные, подлые пройдохи! Вот мы сейчас прикажем высечь вас — да как вы только осмелились явиться к нам с таким предложением? Виночерпий, стражу! Живо! Знайте, мошенники: людей здесь вешали, рубили на куски, четвертовали за преступления куда менее опасные, чем то, на которое вы толкаете нас. Никогда мы не обошлись бы так гнусно и жестоко даже с язычниками-людоедами, даже с одноглазыми пигмеями! Ни один государь в христианском мире не стал бы слушать такие мерзкие речи — да что там! Другой на моем месте просто вышиб бы из вас мозги.

Вошли два солдата, Джек и Фред.

— Взять этих злодеев! — закричал король. — А если окажут сопротивление — рубите их.

— Как, ваше величество, зарубить нашего капитана?

— Он вам больше не капитан. Он злодей и бродяга, как и тот, второй. Уведите их.

— Слушаюсь, ваше величество, — сказал Джек, но вид у него был неуверенный. — Тоже в темницу?

Король Мелиот колебался.

— Ну, вот что… дайте нам подумать.

В этот миг вошли Мальгрим и Нинет — разумеется, не случайно, ведь у Мальгрима все шло по плану. Он очень гордился — и не без основания — тем, что так точно укладывается в график.

— Ваше величество, — сказал он вкрадчиво. — Позвольте мне дать вам совет.

— А ты кто такой, черт тебя побери? Ах да, ты волшебник. Все суешь свой нос куда не следует. Смотри не перестарайся… — Тут он заметил Нинет, которая улыбалась ему. — Нинет, где наша дочь?

— Я вам все объясню, государь, как только мы останемся наедине, — сказала она сладким как мед голоском. — Но вот магистр Мальгрим…

— Ваше величество, умоляю, дозвольте мне использовать этих преступников на благо нашего искусства и науки.

— Хочешь их во что-нибудь превратить, а? — сказал король. — Недурная мысль. Но это вовсе не значит, что я оставлю тебя при дворе, понял? А теперь ступайте. Виночерпий, проводи их. Тебя

заменит леди Нинет.

— Я буду счастлива, государь. — Нинет нежно улыбнулась.

Король проводил их взглядом, потом в изнеможении опустился на свое высокое кресло.

— Налейте-ка мне вина, Нинет. И себе тоже, моя крошка. — Отхлебнув добрый глоток из чаши, которую она ему подала, он вдруг загремел: — Ни минуты покоя! Король Артур вызывает нас в Камелот, потом отменяет свое повеление и присылает этого сукина кота, сэра Шкипера. Наша дочь тронулась в уме, а теперь и вовсе исчезла. Влюбилась в какую-то мифическую личность. Невесть откуда поналезли всякие типы — одеты черт знает как. Волшебники то появятся, то исчезнут, даже позволения не спросят. Не могу я с ними со всеми сладить. Должно быть, старею.

— Помилуйте, государь, вы в расцвете лет.

— Верно, для своих лет я молодец.

— Вы просто устали, и потом, здесь так жарко, — сказала Нинет, подходя ближе. — Вы позволите, государь? — И она обтерла королю лоб своим платком, а потом провела по нему своей нежной ручкой.

— Ладно, ладно, — сказал король, притворяясь, будто ему безразличны эти знаки внимания. —

Но где же все-таки наша дочь?

— Это долгая история… — начала Нинет.

— Ну, тогда не нужно, — сказал король. — Расскажешь как-нибудь в другой раз.

— Она очень своевольная, государь. Она отправилась в другой мир искать этого человека. Скоро она возвратится, и с ней дядя магистра Мальгрима — тоже волшебник, ужасный старик, его зовут Марлаграм.

— Как? Старый Марлаграм — это тот, что все верещит «хи-хи-хи»? Так он еще жив? Мы знавали его при Мерлине, давненько дело было. Он, конечно, гораздо старше нас.

— Думается мне, он старше всех на свете, — сказала Нинет.

— А нам он, наверно, дал бы лет тридцать. Ну, сорок от силы.

— Разумеется, государь. Как говорила моя тетушка-колдунья, кто молод душой — молод и телом.

— Вот как? Нужно будет это запомнить. Жаль, что нам это не пришло в голову раньше. На редкость умная женщина была твоя тетушка, а какая свежесть мысли! Я всегда это говорил, даже когда ее судили. Налей-ка мне еще, девочка. Будь вместо виночерпия.

— Вот было бы хорошо, государь, — сказала Нинет, поднося ему чашу, — если бы кто-нибудь, ну, скажем, магистр Мальгрим, избавил вас от скучных повседневных забот. Я знаю, какой вы добросовестный, но нельзя же все делать самолично. Это уж слишком.

— Да, в самом деле слишком! — воскликнул сердитый голос, заставивший их вздрогнуть.

Это была Мелисента. Следом за ней вошел Марлаграм.

Растерянность короля сменилась гневом.

— Не смей разговаривать с нами таким тоном! Где ты была? А это кто такой?

Марлаграм ничуть не смутился.

— Хи-хи-хи! Неужто вы не помните меня, король Мелиот?

— Теперь вспомнил. «Хи-хи-хи»! Ну, вот что, Марлаграм, убирайся-ка ты отсюда подобру-поздорову, — сказал король. — Хватит с меня твоего племянника, который все время лезет куда не надо.

— Он малый неглупый, — хихикнул старик. — Только ужасный пакостник. Ловкий интриган, но уж больно самонадеян, сами увидите.

— Мой Сэм все еще в темнице? — спросила Мелисента.

— Какой там еще твой! — сердито оборвал ее король. — Но он действительно в темнице и там останется.

— Ах, отец, молю вас, сжальтесь.

— И вот что, юная леди, хватит с нас твоих выходок и капризов. Завтра после турнира мы объявим, что ты выходишь замуж.

— Никогда! Только за Сэма!

— Мы пока сами не знаем, кто твой жених, это еще надо решить. Но замуж ты выйдешь, даже если придется держать тебя взаперти на хлебе и воде.

— Не выйду, не выйду, не выйду!

— Выйдешь! — вскричал король. — Такова наша королевская воля. Леди Нинет и магистр Марлаграм, будьте свидетелями.

Мелисента повернулась к старому волшебнику.

— Помните ту брошь, которую просил Мальгрим?

— А как же! Хи-хи-хи! Ведь мы оба за ней охотимся.

— Если вы мне сейчас поможете, она ваша, — нетерпеливо сказала Мелисента.

— Идет! — сказал Марлаграм с нескрываемой радостью. — И заметьте, я ее у вас не просил,

хи-хи-хи!

— Нам угодно, чтоб ты перестал хихикать, — сказал король. — И что это за идиотский бред насчет какой-то брошки? Как бы там ни было, можете нам поверить…

— Остановись, король Мелиот!

Старый волшебник, весь внезапно преобразившись, величественно поднял руку. Вместо мягкого вечернего света вокруг разлилось зеленое сияние, словно замок очутился под водой. Издалека донесся раскат грома. Женщины испуганно взвизгнули.

— Ну, вот что, Марлаграм, пожалуйста, без этих мерлинских штучек, — неуверенно сказал король. — Они уже давным-давно вышли из моды, мой милый. Так что ты полегче!

Марлаграм заговорил, и зеленый свет перешел в зловещий багрянец.

— Мелиот, король Перадора! Прозрение, дарованное мне властью Соломоновой печати, отныне нисходит на меня. Две грозные опасности надвигаются на твой замок. Одна из них — никому не ведомый Красный рыцарь: на завтрашнем турнире он бросит вызов всем и победит всех, кроме одного. А другая — свирепый, всепожирающий дракон, он и сейчас уже рычит и изрыгает

пламя в лесу, под холмом. Только тому, кто победит Красного рыцаря, суждено одолеть дракона. Ему же суждено жениться на принцессе.

— Ну, ясно, ясно, — сказал король. — В такой ситуации это самое разумное. Но, любезный магистр Марлаграм, уверен ли ты насчет Красного рыцаря и дракона? Нет ли здесь какой-нибудь ошибки?

— Ошибки? — воскликнул Марлаграм, и его лицо озарилось в темноте зловещим сиянием, а борода затрепетала, словно язык зеленого пламени. — Как! Ты посмел усомниться в истинности прозрения… в Соломоновой печати?

Грянул страшный удар грома, ослепительно сверкнула молния.

— Нет, нет, нет! — закричал король, вконец перепугавшись. — Ты прав! Это вполне разумно. Мы даем тебе слово…

Он огляделся. В комнате снова стоял мягкий вечерний свет, но волшебника как не бывало.

— Хи-хи-хи! Все идет как по маслу! — Торжествующий голос донесся неведомо откуда. — А ведь это всего-навсего одна из штучек старика Мерлина! Давным-давно вышла из моды, так ведь? Хи-хи-хи!

Хихиканье замерло вдали.

— Кажется, исчез, — сказал король с явным облегчением. — Нинет, налей-ка мне вина. Последнюю на дорожку. Нет, мы всегда говорили: с волшебниками старой школы — если только они в форме — никто не сравнится. Эксцентрично, дорого, довольно сумбурно — это все так, но зато точно знаешь, что тебя ждет.

— И что же нас ждет? — спросила Нинет, поднося ему чашу.

— Кровожадный Красный рыцарь и ненасытный свирепый дракон, — ответил король беспечно. — Ты скажешь, что это многовато, и будешь недалека от истины. А теперь мы, пожалуй, засядем за черновик нашего завтрашнего воззвания.

Глава одиннадцатая. Встреча в темнице

В подземелье было теперь так темно, что два солдата, Джек и Фред, неся Сэму ужин, захватили с собой факелы. Джек поставил миску около Сэма.

— На этот раз мы принесли тебе похлебку для подкрепления сил.

— И еще хлеба, — сказал Фред.

— С этим хлебом ты хлебнешь горя, — сострил Джек. — Каково, Фред?

— Ой, Джек, ты меня уморишь!

— Где сэр Шкипер, ваш капитан? — спросил Сэм.

— Этому сукину сэру солоно пришлось, — ответил Джек. — Сперва мы его арестовали, взяли под стражу, а потом он вместе со вторым молодчиком попал в лапы к волшебнику.

— Так что он, может, уже превратил их в пару такс, — сказал Фред.

— Собачья жизнь, приятель! — подхватил Джек со смехом. — Слышь, Фред, шуточки-то у меня сами собой так и сыплются.

— Ты голова, Джек!

— А ты как думал, Фред! Ну, где же кандалы и цепи?

— Кандалы? — заволновался Сэм. — Это еще зачем?

— Так положено, браток, понял? — сказал Фред, — Это мы вроде бы укрываем тебя на ночь одеяльцем.

— Да ты их и не почувствуешь, приятель, — сказал Джек, заковывая его в цепи. — Ну, как похлебка?

— Жуть! — сказал Сэм. — Из чего ее у вас варят — из наконечников для стрел, что ли?

— Больно уж ты привередлив, браток, в этом твоя беда, — сказал Фред, помогая товарищу. — Мы для тебя стараемся, из кожи вон лезем — и вот благодарность.

— Да, брат, живем-то ведь только раз, — сказал Джек, проверяя, надежно ли закован узник. — А глядишь, немножко доброты — и человек чувствует себя по-другому. Мы с Фредом золотые парни, запомни это, приятель! Ну вот! Я ж тебе говорил — ты и не почувствуешь.

— Да тут добрых четыреста фунтов железа! — завопил Сэм.

— И вовсе не четыреста, приятель. Ты преувеличиваешь. Я так думаю, тут всего фунтов триста.

— Самое большее — двести пятьдесят, — сказал Фред. — А тебе не доводилось бывать в Карлеонской темнице? Поглядел бы, какие там кандалы! Помнишь, Джек, как мы с тобой служили в конвое? Мы еще тогда сцепились с двумя оружейниками.

— А потом вместе пошли в кабачок мед пить! — подхватил Джек. — И по дороге я вышиб мозги двум стражникам. Тебе доводилось когда-нибудь надрызгаться медом, приятель? Крепкое зелье! Ну, теперь, кажется, все в порядке. И, чтоб ты не подумал, будто мы на тебя сердимся, приятель, оставляю тебе этот факел. Я воткну его вот сюда, в гнездо. Спокойной ночи.

— Приятных снов, — сказал Фред.

Они стали подниматься по лестнице.

— А вы не дадите мне одеяла или еще чего-нибудь укрыться? — крикнул Сэм им вдогонку.

— Как? В такую теплую ночь? Ну, это ты, браток, хватил.

Сэм проглотил еще ложку похлебки. Ужас да и только! Сплошной перец. Во рту у него горело, и кусок не лез в горло. Через несколько минут он услышал, как дверь наверху снова отворилась и по лестнице бегом спустился старый Марлаграм.

— Вот я и вернулся, мой мальчик. Хи-хи-хи! А

вот настоящий ужин.

— Как мне благодарить вас, магистр Марлаграм!

— Лучшее вино из подвалов короля Мелиота и его любимый паштет. Хи-хи-хи!

— Если он об этом пронюхает, нам несдобровать, — сказал Сэм. — Знаете, что было, когда я отведал его за завтраком? — И он принялся уплетать паштет, сделав перед тем добрый глоток вина. — Вы, конечно, вернулись вместе с принцессой Мелисентой?

— Да, да, она здесь. Мы с ней уже обо всем столковались. Она получает то, чего хочет. И я тоже получаю то, чего хочу. Все так хорошо устроилось — лучше не надо.

— Для вас — может быть. Но мне это никак не по вкусу.

— Ах, не по вкусу, мой мальчик?

— Простите… это я про паштет… Но что же будет со мной?

— А чего бы ты хотел? — И, не дав Сэму ответить, Марлаграм продолжал: — Ну, ладно, послушай меня. Не забывай, что вот уже больше пятидесяти лет основное мое занятие — исполнение желаний. Большинство людей не получает того, чего хочет, а все потому, что сами не знают, чего

хотят. Как исполнять желания, если их нет? Ну, а ты, дружок, знаешь, чего хочешь?

— Да, — ответил Сэм, отрываясь от огромной чаши.

— Вот счастливчик! Хи-хи-хи! Хочешь стать королем Перадора?

— Боже сохрани! — ужаснулся Сэм. — Само собой, первым делом я хочу выбраться из этой проклятой темницы. Потом хочу жениться на Мелисенте, послать ко всем чертям Уоллеби, Диммока, Пейли и Тукса и писать акварельные пейзажи, в том мире или в этом — все равно, а на досуге удить рыбу.

— И ты не жаждешь власти?

— Нет. Хочу только писать акварели и ловить форель.

— И богатства не жаждешь?

— А куда мне его девать?

— Да ты просто рожден, чтобы сидеть в темнице. Хи-хи-хи! Но почему ты хочешь жениться на принцессе Мелисенте? Разве мало у вас там девушек, хорошеньких, умненьких, честных, интересных, прелестных, самых что ни на есть расчудесных! Хи-хи-хи! Зачем же было забираться в такую даль, в самый Перадор?

— Минутку, — промычал Сэм с полным ртом. —

Прежде чем отвечать, надо выпить. — Он взял чашу обеими руками. — Ф-фу! Этак я в два счета захмелею. Я хочу жениться на Мелисенте, потому что, мне кажется, я нашел в ней два поразительных достоинства, каких прежде не встречал ни в ком: она совсем особенная и удивительно милая. Улыбающаяся принцесса — вот о чем мечтает всякий мужчина. Но один бог знает, что Мелисента нашла во мне.

— Да, бог это знает, — сказала Мелисента, спускаясь по лестнице. — И я тоже, Сэм, милый, но ни он, ни я никогда тебе не скажем.

— Она слышала каждое твое слово, мой мальчик. Хи-хи-хи!

— Ах, бедняжка ты мой!.. Какие страшные цепи… и эта темница…

— Хи-хи-хи!

Мелисента в бешенстве повернулась к Марлаграму.

— Извольте сейчас же прекратить это дурацкое кудахтанье, освободите бедного Сэма от цепей и выведите его отсюда. Надеюсь, вы это можете? Иначе я сейчас же побегу наверх за напильником.

— Бесполезно, — сказал Сэм. — Чтобы распилить цепи, понадобится пропасть времени.

— Ну? — Она бросила на волшебника вызывающий взгляд.

— Вообще-то могу, — сказал он. — Хотя цепи — штука довольно хитрая, а я давно не практиковался. Ну, ладно, тихо! — Он задумался. — Это должно подействовать. Эне бене рес, квинтер минтер жес! Готово.

И в самом деле, цепи с лязгом упали на пол. Сэм был свободен, он обнял и поцеловал Мелисенту, потом пожал руку Марлаграму.

— Замечательно, магистр Марлаграм! — сказала Мелисента. — Нужно будет запомнить: эне бене рес, квинтер минтер жес!

— Я знаю это с детства, — сказал Сэм, — но никогда не подозревал, что так можно освободиться от цепей.

— Понравился тебе ужин, милый?

— Да, любимая. Но что же дальше?

— Вот уж тут магистр Марлаграм доказал, что он очень, очень умный! — горячо воскликнула Мелисента.

— Учтите к тому же, что мой племянник — малый не промах, он поспел сюда раньше меня, и у него было преимущество в целый ход.

— Понимаешь, милый, — продолжила Мелисента. — Мой отец заявил, что я во что бы то ни

стало должна выйти замуж. Он ведь такой непреклонный. А магистр Марлаграм предсказал, что на завтрашний турнир прибудет грозный Красный рыцарь и бросит вызов всем-всем.

— А еще здесь объявится лютый дракон, — сообщил Марлаграм, облизываясь от удовольствия. — Он, наверно, уже где-нибудь здесь, хи-хи-хи!

Мелисента поглядела на Сэма.

— Так вот, отец согласен, чтобы тот, кто победит их обоих, стал моим мужем. И, конечно, это будешь ты, милый.

— Храни тебя бог, радость моя.

— Ведь правда, магистр Марлаграм устроил все очень ловко и умно?

— Вы еще и половины не знаете, — сказал старый волшебник. — Теперь уж я в выигрыше против племянничка, и будьте спокойны, я этим воспользовался, хи-хи-хи! Заставил его работать на меня, а он ничего и не подозревает.

— Клянусь богом, шикарно! Вы великий волшебник! — Сэм рассмеялся, сам не зная почему. Он чувствовал приятную легкость в голове. — Значит, завтра я появлюсь с таким видом, будто победил грозного Красного рыцаря и свирепого дракона. Блеск! — Он снова засмеялся. — Что ж, если вы поднатаскаете меня — объясните, что го-

ворить и как держаться, — я сумею прикинуться не хуже всякого другого.

— Постой, милый…

— Прости, я, кажется, разошелся не в меру. Легко на сердце!

И он поднял чашу.

— Понимаешь, милый, прикидываться тебе не придется.

Сэм подошел к ней поближе, расплескивая вино.

— Как? Ты хочешь сказать, что Красный рыцарь и дракон существуют на самом деле?

— Ну конечно, милый.

— Тебе только нужно их победить, вот и все, — сказал Марлаграм. — Бац, хлоп, бах, трах-тарарах, хи-хи-хи!

Сэм поглядел на него, потом на Мелисенту.

— Но… послушайте… есть же у вас сердце…

— В том-то и дело, дорогой. У меня есть сердце. Ты очень мило сказал, что каждый мужчина мечтает об улыбающейся принцессе, мне так приятно было это слышать, и я не сомневаюсь, что это правда, но тот, кто женится на принцессе, непременно должен доказать, что он герой.

— А если он не герой?

— К чему говорить об этом? Ты-то ведь герой.

Иначе тебя здесь не было бы, милый.

Сэм сказал неуверенно:

— Может быть, оно и верно… в известной степени… Но не забывай, мне здесь у вас все так непривычно. У меня нет никакого опыта борьбы с Красными рыцарями и драконами.

— Тем больше мужества от тебя потребуется, мой милый.

— Возможно, — сказал Сэм с тоской. — Но… э-э… нельзя ли раздобыть… ну, скажем, плащ-невидимку… или заколдованное копье, или какой-нибудь волшебный меч из тех, что разят без промаха, — словом, как-нибудь помочь герою?

— Это ты хорошо придумал, Сэм, милый. Как вы полагаете, магистр Марлаграм?

— Боюсь, что ничего не выйдет, хи-хи-хи! Мы поздно спохватились. А в наши дни все это стоит больших денег.

— Ну, ладно, — сказал Сэм, стараясь скрыть свое разочарование. — А как насчет какого-нибудь массового колдовства, чтоб никто толком не знал, что происходит?

— Но ведь тогда никто не будет знать, что ты герой, — сказал Марлаграм.

— А если ты не герой, Сэм, милый, то не смо-

жешь на мне жениться.

— Да, не смогу, — сказал Сэм мрачно. — Но ведь я не смогу на тебе жениться и в том случае, если меня проткнет копьем Красный рыцарь или сожрет дракон, правда?

— Что-то я не вижу в тебе боевого духа, дружок, — с упреком промолвил Марлаграм.

— Да нет же, он совсем не то хотел сказать! — воскликнула Мелисента. — А все эта ужасная темница! Ты больше не останешься здесь ни минуты, милый. Мы поместим тебя у помощника главного оружейника.

— Он и сам там будет — хи-хи-хи! — но только простоит всю ночь в углу. Я внушил ему, что он булава.

— Ты сегодня хорошо выспишься, милый.

— Я бы спал куда лучше, если б и мне внушили, что я булава. — И следом за Марлаграмом и Мелисентой он стал подниматься по лестнице. — Когда начало турнира?

— В шесть, — сказала Мелисента, обернувшись.

Сэм пришел в ужас.

— В шесть утра поединок с Красным рыцарем! Да в такую рань я не могу сразиться даже с яичницей.

Он вышел из темницы, одолеваемый мрачными предчувствиями, которые отравили ему всю радость освобождения.

Глава двенадцатая. Сэм и Красный рыцарь

Сэм сидел один в шатре, раскинутом у самого турнирного поля. Шатер был великолепен, богато разукрашен и пестрел геральдическими щитами, но Сэму было не до всей этой роскоши. Он сидел на скамье, надев на себя только поножи. Остальные части латного убора, шлем, щит и меч валялись на земле у его ног. В шатре было два входа, завешенных пологами, свободно ниспадавшими до земли. Вместе со сверкающими солнечными стрелами в шатер с турнирного поля врывался разноголосый шум — звуки труб, голоса герольдов, бряцание оружия, крики, смех и рев зрителей, и Сэм так и видел перед собой кровожадную, падкую до сенсаций толпу. Вдруг рев стал громче, Сэм поднял голову: четверо слуг, войдя с залитого солнцем поля, пронесли через шатер огромного и сильно помятого рыцаря — безгласного и, видимо, уже бездыханного. Они несли его на пункт первой помощи, расположенный под королевской ложей. Это была уже четвертая жертва Красного рыцаря. Снова затру-

били трубы, но, прежде чем герольды, которые вполне могли бы провозглашать тосты на обедах в Сити, успели открыть рот, Сэм поспешно задернул полог. Вернувшись к своей скамье, он увидел, что у противоположного входа стоит Лэмисон с лютней.

— Ее высочество принцесса Мелисента, — сказал Лэмисон, — желает молвить тебе… слово.

— Что ж, — мрачно сказал Сэм, подходя к нему вплотную. — Я тоже желаю молвить ей слово, и, возможно, это будет последнее слово в моей жизни.

Лэмисон приподнял полог, пропуская Сэма, но сам остался в шатре.

— Ступай, болван, — ехидно прошипел он вслед Сэму. — «Черный рыцарь взял мое сердце в полон» — на-ка вот, выкуси! Сдается мне, что сегодня Красный рыцарь вырвет из тебя печенку и возьмет ее в полон.

Покуда он тешился этой мыслью, появились Мальгрим и Нинет. Они несли узел с оружием и доспехами, с виду похожими на те, что Сэм оставил на полу.

— Вот спасибо, Лэмисон, — сказала Нинет. — Это-то нам и нужно.

Лэмисон, который был не в духе, иронически

поклонился ей и вышел.

— Ну-с, дорогая Нинет, — сказал Мальгрим, очень довольный собой, — сейчас мы заменим превосходные латы, щит и шлем, которые принцесса раздобыла для Сэма, — и он указал на груду доспехов на земле, — вот этим стандартным хламом, в свое время апробированным камелотской Королевской комиссией по проверке лат и оружия.

— Чудесно, милый, — сказала Нинет, и они принялись перекладывать весь этот скобяной товар.

— Это только одна из моих безобидных шуток, дорогая Нинет. Давайте свалим это оборудование вон там, в углу, и чем-нибудь накроем — слишком оно тяжелое, чтоб с ним таскаться.

— Вот я помогаю вам и все восхищаюсь, — пылко сказала Нинет. — Вы так брызжете блестящими, оригинальными идеями… все время плетутся восхитительные козни, а именно этого всегда жаждала моя душа. Еще что-нибудь нужно, милый?

— Да, — сказал Мальгрим. — Останьтесь здесь и уговорите его выпить кружку «оригинального турнирного» — оно, дескать, придаст ему мужества.

Нинет была в восторге.

— А вы пришлете ему какое-нибудь ужасное пойло?

— Да, у него появится слабость в коленях и головокружение, — сказал Мальгрим уходя. — Ха-ха!

Нинет скромно присела на скамью, где ее и застал Сэм, вернувшийся в шатер еще мрачнее прежнего.

— Ах, Сэм, отчего вы так печальны?

— Лэмисон сказал, что Мелисента хочет поговорить со мной, — ответил Сэм. — Но меня даже не пустили в королевскую ложу — говорят, я одет черт-те как. Видно, Лэмисон меня морочил.

— Я никогда ему не доверяла, Сэм. Кстати, не помочь ли вам надеть доспехи?

— Признаться, я хотел бы, чтоб кто-нибудь мне помог, но только не вы.

— Сэм, дорогой, вы мне не доверяете?

— Конечно, нет, дорогая. Не такой уж я все-таки осел.

— Ах, как вы несправедливы. У меня теперь пропала всякая охота рассказывать вам об особом турнирном пиве.

— О турнирном пиве? — В голосе Сэма зазвучала слабая надежда.

— Да, его варят специально для участников турнира. Впрочем, мне незачем вам его пред-

лагать…

— Безусловно…

— А может быть, все-таки попросить буфетчицу подать…

— Буфетчицу? Нет здесь никакой буфетчицы.

— Есть, уверяю вас, — сказала Нинет, выходя из шатра. — Я сейчас ее пришлю.

Оставшись один, Сэм принялся осматривать свои доспехи и оружие. Он легонько пнул шлем ногой и, к своему удивлению, оставил на нем вмятину. Тогда он решил испробовать меч, но тут через шатер пронесли еще одного окровавленного и бесчувственного рыцаря. Оправившись от нового потрясения, Сэм согнул меч — вместо того чтобы распрямиться, меч так и остался согнутым. В отчаянии он оперся на копье и тотчас же услышал громкий треск. Подпрыгнув, он вскочил на панцирь и чуть было не расколол его надвое. Тогда он вернулся на свою скамью, прихрамывая и проклиная всю эту идиотскую затею.

Так он и сидел, стиснув ладонями виски, когда вошла буфетчица из «Вороного коня», неся оловянную кружку.

— Одна кружка турнирного пива, — сказала она своим обычным безжизненным голосом.

— Спасибо, — сказал Сэм, беря кружку. — А,

это вы?

— Что правда, то правда. И погодка опять разгулялась.

— Уж лучше бы пошел дождь. Ну ладно, надеюсь, пиво мне поможет. — И он единым духом осушил кружку. — Забористое пивцо. Бутылочное или бочковое?

— Ах, не спрашивайте меня, мистер Пенти. Мне дал его этот чернобородый фокусник и велел отнести вам.

— Мальгрим?

Сэм в ужасе уставился на нее.

— Он самый. Да что с вами? Вам плохо?

— Пока не знаю, — сказал Сэм со страхом. — Кстати, вы не видели капитана Планкета, старого шкипера, помните, того самого, что всегда брал двойные порции шотландского виски?

— Нет. А разве он здесь?

— Во всяком случае, был здесь.

— Я видела мистера Сандерсона, — таинственно сказала буфетчица. — Он ставит на Красного рыцаря десять против одного. Говорят, от этого Красного рыцаря нет спасения.

В шатер заглянул солдат Джек.

— Приготовься, приятель. Сейчас твой выход.

Когда ухмыляющееся лицо Джека исчезло, Сэм

застонал.

— Пожалуйста, помогите мне надеть доспехи, — попросил он буфетчицу.

Она удивленно уставилась на него.

— Неужели вы хотите драться с этим рыцарем?

— Приходится.

— Боже мой! Я понятия не имею, что куда надевается, но постараюсь, как смогу. Боюсь только, мне никак не справиться. — Помогая ему застегивать пряжки и крючки, она продолжала: — Не больно-то они толстые и тяжелые, эти ваши доспехи, правда? И очень даже тонкие, я так скажу. Могли бы приготовить вам что-нибудь получше, ежели хотите знать мое мнение. Вы ведь здесь все-таки редкий гость, не из завсегдатаев. А я-то думала, эти доспехи весят целые тонны.

— Так и было, когда я их сюда принес.

— Может, их кто подменил? Как вы себя чувствуете?

— Ужасно.

— Бледный вы какой. На вашем месте я бы не стала там задерживаться.

— Да я и не собираюсь. Скажите, не найдется у вас таблетки-другой аспирина?

— Вот беда, ни одной не осталось. — Она сочув-

ственно поглядела на него и вдруг закудахтала: — Ах ты, ах ты, вам бы лечь надо и не ходить никуда.

— Ничего, я скоро лягу.

Джек снова заглянул в шатер.

— Ты как предпочитаешь сражаться, приятель, конный или пеший?

— Пеший, — мрачно сказал Сэм.

— Правильно. Падать не так страшно будет. Ну, друг, осталась одна минута, а там — марш! И не вешай носа!

Сэм попробовал пройтись в своих доспехах и несколько раз взмахнул согнутым мечом.

— Видала я такое на картинках, — сказала буфетчица. — А только не по душе мне это. То ли дело ковбои или индейцы… или, скажем, гангстеры в ночных клубах. Правда, тут есть на что поглядеть, и если вам нравится…

— Какое там нравится, — сказал Сэм, пытаясь выпрямить меч.

Снаружи донесся громовой призыв:

— Сэр Сэм!

— Иду, — откликнулся Сэм жалким голосом.

— Зато потом вас посвятят в рыцари, верно? Ну, желаю удачи, милок, да не забудьте: Англия пребудет вовеки — не пропадет, значит.

— Спасибо, — сказал Сэм. Он хотел было гордо выпятить грудь, но накололся на какую-то пряжку и, застонав, вышел из шатра. Его встретили возгласами одобрения, улюлюканьем, смехом. Буфетчица, глядевшая в щелку, вдруг услышала позади себя быстрые шаги. Это была принцесса Мелисента, вне себя от волнения, она со всех ног вбежала в шатер.

— Скажи, уже начали? Я думала, ни капельки не буду волноваться, а теперь взглянуть и то страшно. Ты будешь мне все рассказывать. Что там происходит?

Буфетчица снова поглядела в щелку.

— Они все кружат друг около дружки, милочка. Ого, да этот Красный рыцарь — здоровенный дядька. Раза в два покрупнее бедняги Сэма. Связался черт с младенцем! Ого, началось. Господи!

Мелисента, услышав бряцанье мечей и доспехов, быстро проговорила:

— Магистр Марлаграм сказал мне, что они не будут биться насмерть. Он обещал придумать какое-нибудь колдовство.

— Тогда ему не мешало бы поторопиться, — сказала буфетчица, глядя в щелку.

— Кто побеждает?

— А то вы не знаете, милочка! Наш приятель,

почитай, уже на том свете. Судья должен бы их разнять. Красный рыцарь все наседает, наседает. Ого, вот так удар!

— Ах, я этого не вынесу! Я должна найти Марлаграма!

Теперь даже буфетчица пришла в волнение.

— Они все ближе, все ближе к шатру! Ай, Сэм поскользнулся! Нет, он не упал! Красный рыцарь опять наседает. Они все ближе…

Мелисента бросилась к другому выходу с криком:

— Магистр Марлаграм, где вы? Магистр Марлаграм!

Не переставая кричать, она выбежала из шатра.

Бряцанье становилось все громче, и буфетчица отпрянула. Первым появился Сэм, он пятился шаг за шагом, отчаянно отражая сокрушительные удары Красного рыцаря, который наступал на него, огромный и страшный, в огненно-красных доспехах, с огненно-рыжей бородой и волосами, выбившимися из-под шлема. Но, как только Красный рыцарь очутился в шатре и увидел буфетчицу, он сразу остановился.

— Две кружки «турнирного», — сказал он.

— Сию минуту, сэр, две кружки «турнирно-

го», — повторила буфетчица и побежала в другой конец шатра.

В шатер заглянули было солдаты Джек и Фред, но Красный рыцарь ринулся на них, размахивая мечом.

— Вон отсюда! — заревел он. — Вон, мошенники, распросукины дети, или я из ваших кишок колбас наделаю!

Он плотно задернул полог, сел на скамью и, отстегнув верхние пряжки, снял, к удивлению Сэма, не только шлем, но вместе с ним и голову. Из воротника рубашки, словно восходящее солнце, выглянуло лицо капитана Планкета, старого шкипера.

— Садись, старик, — сказал Планкет. — Только нужно все время бряцать оружием, а то они могут поинтересоваться, что тут происходит. Знай колоти мечом по доспехам. Вот так!

И он принялся бить по латам.

Сэм еще не оправился от удивления.

— Но послушай, шкипер, как это… ты… и вдруг Красный рыцарь?

— Колдовство, старик. Вчера вечером меня превратил в рыцаря этот малыш Мальгрим. Чистая работка. С минуту назад я и впрямь чувствовал себя Красным рыцарем — готов был вышибить

дух из кого угодно. А потом что-то произошло: не то прибавилось колдовства, не то убавилось… Хочешь верь, хочешь нет, а голова, которую я только что снял, была моей собственной, покуда мы не вошли в шатер. А потом я понял, что могу снять ее, и снова стал старым шкипером — как нельзя более кстати.

— Да, но как же, ведь я должен тебя убить!

Сэм все еще не мог опомниться.

— Ну, это мы устроим. Я так думаю, эта голова для того и предназначена. Предоставь все мне, старичок. Только не забывай бряцать мечом.

— А меня тут, как назло, опоили каким-то зельем, до того голова кружится…

— То-то я смотрю, ты так скверно выглядишь, старик. А тебя никогда не пытались опоить на Золотом Берегу? Со мной раз было дело. Три недели не мог на ноги подняться, а две недели мне все казалось, будто у меня из пяток сосет кровь здоровенный паук. Они там, конечно, все колдуны. Не хуже здешних. А, вот и ты, детка.

— Погодка-то снова разгулялась, — сказала буфетчица, подходя с двумя кружками.

— Спасибо, детка.

— Мне не надо, — сказал Сэм.

— Поставь вторую кружку вон там, детка, —

сказал Планкет. — А если хочешь, выпей сама.

— Нет уж, увольте, — сказала она чопорно. — В рот не беру спиртного, кроме джина с перцем — иной раз, от живота.

— Лучшее средство от живота — «Вальпараисо Маньяна», — сообщил Планкет. — Три порции — целую лошадь переваришь. Ставлю десять против одного, после этого и сам станешь здоровее лошади. Ну что ж, хватанем?

— На здоровье, — сказала буфетчица, глядя, как старый шкипер допивает кружку. Она не сводила с него глаз. — Да, на вас не напасешься.

Планкет не обратил на ее слова никакого внимания.

— А теперь, детка, придется тебе нам помочь. Сэм-то на ногах не стоит. Сэм, старик, постарайся, продержись еще минуту-другую. А ты помоги мне снять доспехи. Вот умница. — Оба они взялись за дело, но тут Планкет сказал: — А бой-то ведь надо продолжать. Придется опять завести эту волынку с Красным рыцарем, — И он взревел голосом Красного рыцаря: — Сдавайся, пигмей несчастный! Сдавайся!

Сэм крикнул, собрав все силы:

— Ни за что! Ни за что!

— Громче, старик, этак они тебя не услышат. —

И он снова взревел голосом Красного рыцаря: — Сдавайся, тебе говорят!

Сэм слабо откликнулся:

— Нет, ни за что! — И тут же застонал: — А, дьявол, у меня голова раскалывается!

— А теперь вот что, детка, — сказал Планкет, — возьми-ка этот меч и лупи им по доспехам, а я покуда малость передохну и что-нибудь придумаю. — Сбросив латы и взяв в каждую руку по кружке, он подошел к выходу из шатра и рявкнул голосом Красного рыцаря: — Не сметь сюда соваться, не то башку оторву!

Сэм, немного придя в себя, спросил:

— А что с Диммоком, шкипер?

— Понятия не имею, старик. Мальгрим сперва превратил меня в Красного рыцаря, а уж потом взялся за Диммока. — Он взглянул на буфетчицу, которая усердно колотила мечом по панцирю. — Не устала, детка?

— Самую малость. Зато развлечение. — Она вдруг стала озираться по сторонам, заслышав знакомое «хи-хи-хи». — Это тот фокусник, что постарше. Здорово действует на нервы, правда?

— Ну, Сэм, старик, возьми себя в руки — хоть на полминуты.

Сэм, пошатываясь, с трудом встал со скамьи.

— Постараюсь. Что нужно делать?

— Сейчас ты покажешь им эту голову. А ты, Вайолет, как только они на нее налюбуются, хватай ее и беги со всех ног.

— Меня зовут Куини.

— Ну да, Куини, верно. Так вот, Куини, детка, ты убежишь с этой головой.

— Да куда же?

— А куда хочешь. Хотя бы в дамскую уборную.

— Меня туда с ней не пустят.

— Не спорь, Куини, детка. Времени нет. А теперь, Сэм, старик, вот тебе меч и голова. Когда я отдерну полог, подними ее повыше и потрясай мечом. Итак, сцена смерти Красного рыцаря. Приготовились! — Он взял у Куини свой меч, грохнул им по панцирю и закричал голосом Красного рыцаря:

— Пощади! Пощади меня, сэр Сэм! О-о-о-о!

И швырнул меч на землю.

— А теперь валяйте, друзья!

Он подтолкнул Куини к выходу, отдернул полог и закричал:

— Он сразил меня! Сразил!

— Сэм победил! — завизжала Куини. — Сэм победил!

Сэм, высоко подняв голову Красного рыцаря,

размахивал мечом. Ликующая толпа хлынула в шатер. Планкет подхватил покачнувшегося Сэма, а голову перебросил Куини, которая пустилась бежать с ней, словно на баскетбольной площадке.

— Сэр Сэм невредим, — возвестил Планкет. — Пустяковая царапина. Но отойдите же, не теснитесь, ему нечем дышать.

Прибежала Мелисента.

— Ах, Сэм, милый! — вскричала она, обнимая его. — Это было изумительно... Ты не ранен, скажи?

— Нет, дорогая, — ответил он, еле ворочая языком. — Просто кружится голова, вот и все.

— Ты крепкий парень! — сказал король Мелиот. — А теперь можешь передохнуть часок-другой. Дракон в лесу, под стенами замка, но он спит. Лучше его пока не будить.

Сэм судорожно глотнул воздух и, теряя сознание, рухнул на колени.

— Ах да, тебя ведь надо посвятить в рыцари, — сказал король, не отличавшийся сообразительностью. Он коснулся своим мечом плеча Сэма, и Сэм, потеряв равновесие, растянулся плашмя.

— Встань, сэр Сэм. — Но Сэм остался неподвижен. — Встань, сэр Сэм, тебе говорят!

— Ах, отец, бросьте свои глупости! — восклик-

нула Мелисента, опускаясь на колени около Сэма. — А вы, мужчины, помогите поднять его.

Четверо мужчин по приказу Мелисенты вынесли Сэма из шатра. Король Мелиот, капитан Планкет и разные перадорские сановники, боясь пропустить что-нибудь интересное, последовали за ними, но толпа осталась у шатра.

— Ну, друзья! — крикнул мистер Сандерсон. — Фаворит проиграл, и я выплачиваю вдесятеро за сэра Сэма. Кому же привалило счастье?

— Мне, мистер Сандерсон, — сказала буфетчица, подавая свой билетик.

— Правильно, Куини, твое счастье, — и он протянул ей мешок денег. — А теперь, друзья, вот вам прекрасный случай вернуть проигрыш. Одиннадцать против двух на дракона. Ставлю одиннадцать против двух, что сэр Сэм будет побежден! Прекрасный случай поддержать героя, не упускайте же его на этот раз. Одиннадцать против двух на дракона!

И дело пошло бойко.

Глава тринадцатая. Драконография

Сэм, отдыхавший в маленьком шатре за королевской ложей, только что играючи съел два завтрака, как вдруг вошла Мелисента вместе со своим отцом. Она несла истрепанный плащ и не менее истрепанную рукописную книгу.

— Как ты себя чувствуешь, сэр Сэм? — спросил король.

— Лучше, ваше величество. Но хвастаться пока нечем.

— Дракон еще спит, но скоро проснется. Так что, мой мальчик, если ты намерен с ним сражаться, будь наготове.

— Но, отец, — запротестовала Мелисента. — Нужно сперва все ему объяснить. Вы же обещали…

— Да, мы обещали. Так вот как обстоят дела, милейший. Ты теперь, сэр Сэм, победитель Красного рыцаря, и, разумеется, в темницу тебя больше не посадят. Ты свободен. Если захочешь, дадим тебе письмо к королю Артуру. У тебя будут все возможности, — если пожелаешь — отправиться

на поиски приключений или вызволить из беды какую-нибудь девицу, поставим тебя первым на очередь.

— Никакой девицы он вызволять не будет, — объявила Мелисента. — Знаем мы этих девиц.

— Благодарю вас, государь, — сказал Сэм. — Но я уж лучше останусь здесь, в Перадоре. Вы, кажется, хотели что-то сказать о драконе?

— Сейчас все скажем, — промолвил король. — Выбирай сам. Решай. Не хочешь драться с драконом — не надо. Можешь идти на все четыре стороны. Но тогда не видать тебе нашей дочери. Не победишь дракона — не женишься на Мелисенте.

— Придется тебе выбирать, Сэм, — с волнением сказала Мелисента.

— Понимаю, — сказал Сэм задумчиво. — А какой он… э-э… этот самый дракон? Может, он не очень большой?

— Как бы не так! — воскликнул король Мелиот с жаром, который показался Сэму излишним. — Дракон — первый сорт! Мы видели его только издали, но как будто зверюга великолепный. И, уж конечно, злой как черт. Словом, дракон что надо. Даже в глубоком сне изрыгал клубы дыма. Лучше дракона и желать нечего.

— Да я и не желаю, — сказал несчастный Сэм. — Видишь ли, Мелисента, любовь моя, я не умею сражаться с драконами. Я сроду и не видел-то ни одного.

— Да, Сэм. — Она печально взглянула на него. — Тебе понадобится все твое мужество. И, может быть, я не стою этого.

— Но ведь ты этого вовсе не думаешь, правда?

— Честно говоря, нет, мой милый. На девушке, которая может так подумать, не стоило бы жениться.

— Ну, ладно. Я попробую.

— О, Сэм!

— Молодчина, — сказал король Мелиот. — Между прочим, зрителей на поединок не пустят. Никакой публики.

— И то слава богу.

— Такое теперь правило. В последний раз, когда пустили публику, человек пятьдесят были изувечены. Когда крупный дракон, вроде этого, по-настоящему рассвирепеет…

— Отец, прошу вас, не надо! — взмолилась Мелисента.

— В книгах я читал, — сказал Сэм с тоской, — что у драконоборцев обыкновенно бывает какое-нибудь волшебное снаряжение, плащ-невидимка,

например.

— Вот он, пожалуйста. — И Мелисента показала ему пестрый, но изношенный до дыр плащ, который принесла с собой. Она расстелила его так, чтобы все дыры были видны. — Гляди, как его побила моль. Конечно, в тех местах, где дыры, ты будешь виден. Но по крайней мере, это может сбить дракона с толку.

— Что ж, это лучше, чем ничего, — сказал Сэм с надеждой. — Пусть я буду невидим хоть отчасти.

Мелисента переглянулась с отцом.

— Сэм, милый, к сожалению, тут есть одно осложнение. Отец, скажите ему.

— По правде говоря, мой мальчик, мы не совсем уверены в этом плаще, — бодро сказал король. — Он уже столько лет валяется в кладовке. Дело ясное, это плащ драконоборца. Но такие плащи бывают двух родов, и какой вот этот, мы не помним. Есть плащ, который делает человека невидимым для дракона. Но есть и другой плащ, особой расцветки, чтобы распалять в драконе ярость.

— И вы не помните, какой это плащ?

Сэм был возмущен.

— Увы, нет, милый, — сказала Мелисента. — Ужасно досадно, правда? Но ведь тут одни дыры,

и, может, дракон не так уж рассвирепеет…

— Плащ не пойдет, — твердо сказал Сэм. — Обойдусь без плаща. Нет ли у вас чего-нибудь еще?

Она показала ему старинную рукописную книгу, которую тоже принесла с собой.

— Вот. Здесь собраны древние наставления, как нужно вести себя с драконами разных видов. Довольно мудреные правила, к сожалению.

— Ну, уж это придется вам двоим разбирать, — предупредил король. — У вас глаза помоложе.

Мелисента села рядом с Сэмом, а книгу положила посередине.

— Так вот, мы знаем, что этот дракон свирепый…

— И огромный, — мрачно добавил Сэм. — Ищи там, где говорится про крупные разновидности.

Мелисента перевернула несколько страниц.

— Здесь сказано, что если дракон мечехвостый, то, когда он бросится на тебя, нужно припасть к земле и отползти влево. Запомнишь, милый?

— Вряд ли. И потом, откуда нам знать, что это мечехвостый? А если нет, тогда что?

Мелисента стала читать дальше.

— Здесь написано, что, если дракон копьехвостый с желтым крестом на брюхе, припадать

к земле не нужно, а, наоборот, рекомендуется высоко подпрыгнуть вправо.

— Возможно, — сказал Сэм со злостью. — Но не могу же я спросить у дракона, есть у него на брюхе желтый крест или нет! Что, если я прыгну вправо, когда надо ползти влево? Спектакль будет окончен!

— А если дракон рогохвостый, ты просто должен все время бегать от него. Так здесь написано.

— Да, да. Но как, черт дери, я узнаю, рогохвостый это дракон, или копьехвостый с желтым крестом, или мечехвостый? Я думал, что есть драконы и все — единого образца. А тут целая уйма разновидностей.

— Мы видели его только издалека, — сказал король Мелиот, — и нам сдается, что он мечехвостый. Но лучше все-таки на это не полагаться.

— А на что же мне полагаться?

— Уж это ты решай своим умом, мой мальчик. Ах да, мы чуть не забыли: у нашего главного оружейника есть для тебя специальный меч — разумеется, двуручный. Простой меч такого громадного дракона не возьмет. А теперь прими мои наилучшие пожелания, сэр Сэм. И помни: если убедишься, что дракон мечехвостый, — ползи влево, как только он на тебя бросится.

— Благодарю вас, государь. Но лучше уж я обращусь к способу, рекомендованному для рогохвостых драконов, и буду все время бегать. Впрочем, оставьте мне книгу.

— Ах, Сэм, мне вдруг стало так страшно, — сказала Мелисента.

— И мне тоже. Послушай: «Если у чудища широкий рыбий хвост с красными отметинами, при первом его скачке лучше всего высоко подпрыгнуть». Ага, тут еще примечание: «Однако некоторые из означенных рыбохвостых драконов порой коварно прыгают вверх и своими чудовищными передними лапами…» Какой ужас!

Король Мелиот, уже вышедший из шатра, нетерпеливо покашливал. Мелисента торопливо поцеловала Сэма.

— Я старалась найти магистра Марлаграма, милый, но он куда-то исчез.

— Постарайся еще, любовь моя. Ищи, пока не найдешь, — горячо попросил ее Сэм. — Больше всего на свете нам сейчас нужен волшебник.

Когда она ушла, Сэм закрыл глаза, тщетно пытаясь успокоиться. Что же это за дракон — мечехвостый, копьехвостый, рогохвостый или рыбохвостый? Или какой-нибудь еще из десятка разных прочих чудищ, которых он найдет на

страницах этой проклятой книги? Он открыл глаза и увидел главного оружейника — тот протягивал ему огромный меч, больше его самого.

— Любо-дорого глядеть, — сказал главный оружейник. — Тяжеловат, зато какой острый! Волос можно рассечь на лету.

— Да, но мне незачем рассекать волос, — сказал Сэм. — Меня интересует другое: можно ли им рассечь дракона?

— Как бы вам сказать, — ответил главный оружейник. — И да, и нет. Если дракон мечехвостый или копьехвостый, тогда можно. Но если вам попадется рогохвостый или рыбохвостый…

— Ну ладно, хватит, — сказал Сэм с тоской.

— И опять же, — продолжал оружейник, — взять хоть клинохвостого или свирепого исполинского винтохвостого дракона…

Но Сэм заткнул уши.

Глава четырнадцатая. Операция «Дракон»

Представьте себе чудесную лесную поляну в разгар лета — и вот она перед вами. Посреди поляны на мшистом камне непринужденно расселся капитан Планкет. Он курил сигару и присматривал за драконом. Огромная голова чудища виднелась между сикоморой и дубом. Дракон все еще спал; глаза его были закрыты, но из ноздрей то и дело вырывались клубы дыма.

Неподалеку от дракона на поляну выходила узкая тропа. На этой тропе, грязные и усталые, появились Энн Датон-Свифт и секретарша Пегги. Завидев их, Планкет вскочил с камня и расплылся в улыбке.

— Доброе утро, — сказала Энн Датон-Свифт.

— Доброе утро, уважаемые дамы.

— Воображаю, на кого мы похожи. Ах, это было ужасно! Проплутали вчера весь день до поздней ночи, хоть и видели вдали замок…

— Я же говорила, нужно было свернуть налево, — сказала Пегги.

— Мы переночевали в сарае, а потом заблу-

дились в этом лесу. — Энн с любопытством поглядела на Планкета, чей костюм представлял собой смесь современного и средневекового стилей. — Скажите, вы из наших или из ихних?

— Смотря по тому, кто вы сами, — сказал Планкет.

— Энн Датон-Свифт из рекламного агентства «Уоллеби, Диммок, Пейли и Тукс».

— А я — Пегги, секретарша мистера Диммока.

— Ну, в таком случае, я из ваших. Позвольте представиться — капитан Планкет, старый шкипер.

— А ведь я вас знаю! — обрадованно воскликнула Энн. — Вы тот замечательный человек, который сделал кино про лазающую рыбу.

Не менее обрадованный Планкет непременно пожелал пожать ей руку.

— Я знал, что встречу хоть кого-нибудь, кто видел это кино. И вот пожалуйста, и к тому же такая девушка. Да это просто чудо!

— И в самом деле чудо, что мы встретились именно здесь. Я давно хотела сказать вам, как мне понравилось ваше кино. А что, та рыба и вправду залезла на дерево?

— Вроде бы да, а вроде бы и нет. Я вам потом расскажу…

Пегги с некоторым нетерпением слушала этот обмен любезностями и теперь сердито вмешалась в разговор:

— Мистер Диммок здесь?

— Был здесь, — сказал Планкет. — Вчера вечером мы с ним пропустили вместе не один стаканчик, а потом с нами приключилась неприятность, и он куда-то исчез. Видно, тут не без колдовства.

— Потрясающе! — воскликнула Энн. — А здесь и вправду есть колдуны?

— Сколько угодно, — сказал Планкет. — Не далее как сегодня утром я был здоровенным Красным рыцарем, ростом добрых семь футов, весь оброс рыжей бородой и впрямь чувствовал себя рыцарем. Рубил на турнире всех подряд. А насчет Диммока я постараюсь разузнать, как только будет покончено с этим драконом.

— Так, значит, здесь есть дракон? — подозрительно спросила Пегги. — Где же он?

— Тут, на поляне. Мы с ним как раз мирно покуривали, когда вы подошли. Глядите, вон он.

И Планкет указал на дракона пальцем.

— Ах, боже мой! — Энн испугалась. — А я-то думала, их не бывает.

— Здесь бывают. Здесь ведь все по-другому. Но

вы не бойтесь. Дракон еще спит и, надо думать, не проснется до тех пор, пока Сэм не будет готов сразиться с ним.

— Сэм Пенти?

— Да. Между прочим, он теперь сэр Сэм.

— Ах, значит, и тут не обошлось без Сэма! — сказала Пегги с досадой. — Я так и знала. Одно слово — художник. У нас с ним больше хлопот, чем со всеми остальными, вместе взятыми. Ведь он должен бы сейчас не покладая рук работать на Уоллеби, Диммока, Пейли и Тукса, а не сражаться с драконами. У него отпуск только в сентябре.

— Капитан Планкет, — сказала Энн кокетливо. — Умоляю, скажите нам, что здесь положено осмотреть туристам? Вероятно, замок?

— Конечно. Я укажу вам дорогу. — Он показал им на другую тропу. — Идите все прямо до первого поворота налево и как раз упретесь в замок. Я бы вас проводил, да нужно присмотреть за драконом, покуда Сэма нет.

— Ах, как я вам благодарна, — сказала Энн, улыбаясь ему. А когда они отошли немного, она сказала Пегги нарочито громко:

— Ужасно милый, правда?

— Не нахожу! — отрезала Пегги.

Планкет снова уселся на свой камень, зажег

погасшую сигару и снова задымил вместе с драконом. Через несколько минут появился Сэм, уже изрядно уставший, со старинной книгой под мышкой, волоча за собой длиннющий меч.

— Добрый день, шкипер! Я еле ноги таскаю. А где дракон?

— Вон он, старик. Видишь? Еще дрыхнет. Наверно, плотно позавтракал кем-нибудь. А тебе, я вижу, худо?

— Да. Какой… э-э… какой он, этот дракон?

— Не стану скрывать от тебя, старина, здоровенный зверюга и злющий. Оборудован по всем правилам, разве только кухонной плиты не хватает. Гляди-ка.

Сэм взглянул на дракона.

— Пожалуй, у него и плита есть, — сказал он мрачно. Он сел и открыл древнюю книгу.

— Нашел время читать, старик!

— Это книга наставлений для драконоборцев, король где-то раскопал ее для меня, — сказал Сэм, листая страницы. — Ей-богу, мне кажется, старикан впадает в детство.

— Единственный король, которого я знал близко, — это Ум-Дунга-Слоо с Берега Слоновой Кости. Всучил ему двести пятьдесят будильников и пять граммофонов. Из них играл только один.

— Поговорим лучше о драконе, — сказал Сэм с беспокойством. — Как по-твоему, какой он — мечехвостый, копьехвостый с желтым крестом на брюхе, рогохвостый или же рыбохвостый с красными отметинами?

— Понятия не имею, старина. Ты, конечно, как знаешь, но я не собираюсь подходить близко и осматривать его хвост.

— И я не собираюсь, — сказал Сэм, снова уткнувшись в книгу. Планкет поглядел на дракона. Густые клубы дыма все чаще вырывались из его ноздрей. — Он, кажется, разводит пары.

— Боже! — Сэм в отчаянии поднял голову от книги.

Планкет крепко пожал ему руку.

— Ну, желаю успеха, старик. Рад бы помочь тебе, да сам знаешь, это против правил. Я буду тут, поблизости, вон на той тропе. Счастливо, старик.

Убедившись, что дракон на него не смотрит, Сэм попробовал раз-другой взмахнуть двуручным мечом и понял, что это нелегкое дело. Теперь дракон изрыгал дым без передышки и пыхтел, как рассерженный паровоз. Сэм подошел ближе, чтобы поглядеть на него, но сразу попятился.

— Эй! — Это был Планкет, он вернулся на поляну. — Что, уже началось? — спросил он громким

шепотом.

— Нет еще. Но он пыхтит, как паровоз.

— Тебе придется бросить ему вызов, старик. Такое правило.

— Молчал бы уж насчет правил.

— Сэм, старик, ты не волнуйся. Ну, теперь уж, пожалуй, дело за тобой.

— Воображаю, как прозвучит этот вызов — смех один.

Сэм кое-как совладал с собой, крепко сжал рукоять меча и подошел к дракону почти вплотную.

— Послушай, — начал он громко, но с дрожью в голосе. — Я вызываю тебя… э-э… на поединок. Но ведь драться насмерть не обязательно, как по-твоему?

Дракон открыл желтоватый глаз величиной с глубокую тарелку. Сэм попятился.

— Ну, что скажешь? Несколько дружеских раундов, и будет, а? Такая разминка пойдет тебе на пользу. Ты слишком много куришь. Но помни — я бросаю тебе вызов, чтобы потом не вышло недоразумения.

— Сэм, — сказал дракон. — Бросьте.

— Бросить?

Сэм был поражен.

— Ну да, ведь это я.

— То есть как это — ты?

— Это я, Диммок.

— Диммок? Что же вы делаете в брюхе у дракона?

— Я не в брюхе у дракона, — сказал Диммок с раздражением. — Я и есть дракон.

— Откуда же вы тогда знаете, что вы Диммок?

— Знаю, и все тут. Откуда вы знаете, что вы — Сэм Пенти? И не думайте, что быть драконом — такое уж удовольствие; это все равно как если у тебя изжога от макушки до самых пяток. — Он закашлялся. — А к тому же — жара, дым…

— Как же это получилось?

— Волшебник Мальгрим заколдовал меня. Сперва он превратил шкипера в Красного рыцаря, а потом меня — в дракона.

— Но погодите, — сказал Сэм. — Ведь я должен вас убить, чтобы жениться на Мелисенте.

— Не валяйте дурака, Сэм, — поспешно сказал Диммок. — Мы с вами всегда были друзьями. Ни к одному из наших художников я не относился лучше, чем к вам. Если вы считаете, что заслужили прибавки, я охотно поставлю этот вопрос перед правлением фирмы…

— Погодите, — сказал Сэм. — Прежде всего, я не намерен возвращаться на службу. А вы в таком

виде все равно не можете поставить вопрос перед правлением, верно ведь? Спрашивается, что же мне теперь делать? Я поклялся бросить вызов дракону…

— Но при чем здесь я? Ступайте найдите настоящего дракона.

— Нет, вы и есть тот дракон, которого я должен одолеть. О других речи не было.

— Ладно, Сэм. Но ведь если вы устроите так, что меня расколдуют — или как это здесь называется — и я снова стану самим собой, а дракон исчезнет, какая, собственно, разница? Так что ступайте разыщите этого волшебника или второго, старика. Если нужно, я готов предложить одному из них место в правлении. По всей форме. Кажется, Пегги здесь? Я как будто слышал ее голос. — Он разинул чудовищную пасть и позвал: — Пегги! Пегги!

Кто-то промчался во весь дух по лесу. Конечно же, это была Пегги с блокнотом в руке. При виде дракона она нисколько не удивилась, предоставив удивляться бедняге Сэму.

— Слушаю вас, мистер Диммок.

— Я продиктую вам письмо мистеру Пейли. «Дорогой Герберт! Место, откуда я пишу тебе, называется Перадор. Со мной случилась здесь

маленькая неприятность…» — Он замолчал, видя, что Сэм не двигается, а Планкет, выйдя из леса, направляется к ним. — Ну, чего глаза вылупил, Сэм?

— Если бы вы увидели дракона, диктующего письмо секретарше, вы бы тоже вылупили глаза, — ответил Сэм.

— Ступайте-ка разыщите этих волшебников. Это не только в моих интересах, но и в ваших. Шкипер, помогите ему.

— Так, значит, это Диммок! — воскликнул Планкет. — Скажи, старик, ты и вправду чувствуешь себя драконом?

— Чувствовал до сих пор. И это было здорово противно, но теперь все прошло. Так вот, шкипер, вы с Сэмом должны устроить, чтоб меня расколдовали.

— Попробуем, старик. Но только нельзя, чтобы ты торчал здесь на поляне и диктовал письма. Все ждут, что Сэм тебя изничтожит. Придется тебе спрятаться в лесу, покуда ты еще дракон.

— Ладно. Только вы поскорее.

— Кстати, — сказал Сэм. — Поскольку это может иметь научное значение… Вы случайно не знаете, какой вы дракон? Ну, скажем, мечехвостый или копьехвостый…

— Я свирепый исполинский винтохвостый дракон, — сказал Диммок не без гордости.

— Надо будет поглядеть про них в книге, — сказал Сэм. — Ну так вот, мы, конечно, сделаем все возможное, но, ей-богу, нельзя вам лежать здесь все утро и диктовать письма. Пошли, шкипер.

— Ступайте, ступайте. Так на чем мы остановились, Пегги?

— «…со мной случилась здесь маленькая неприятность…» — повторила Пегги.

— Поставьте тут точку. Дальше: «Но, если мне повезет, все может обернуться к лучшему. Здесь есть волшебники, и не исключено, что один из них пожелает войти в правление. В этом случае надо будет, как мы не раз говорили, выставить вон старика Уоллеби, а заодно, видимо, избавиться и от Тукса…» Ну, чего вам еще?

Он бросил яростный взгляд на Сэма и Планкета, которые снова появились на поляне.

— Не гляди на нас так, старик, — сказал Планкет. — Ты забыл, что у тебя глаза, как прожекторы.

— Мне нужно кончить письмо. Чего вам, ребята?

— Да вот не знаю, как быть с этим мечом, Диммок, — виновато сказал Сэм. — Ведь, если я вас

убил, меч должен быть обагрен драконовой кровью. И ставлю десять против одного, что это особая кровь, старый Мелиот узнает ее с первого взгляда.

— Факт, — сказал Планкет. — Так что ты должен нам помочь, старик. Легкий надрез или два…

Может быть, Диммок просто хотел возразить, но это был поистине драконов рык, его наверняка слышали наверху, в замке, и, вероятно, вообразили, что чудище уже в агонии.

— Не отвиливай, старик, это нечестно, — сказал Планкет с укоризной. — И не рычи так больше. Ужасно воняет серой.

— Ну, тогда сделайте где-нибудь маленькую царапину, — сказал Диммок.

— Ничего не выйдет, — сказал Сэм. — Судите сами. Ведь это все равно что пытаться поцарапать броню танка. Нужен глубокий надрез.

— Ну-ка, дайте сюда этот меч, — сказал Диммок, потеряв терпение. Своей огромной лапой он поднес меч к пасти, отхватил лезвие почти по самую рукоятку и швырнул обломок к ногам Сэма. — Если уж это их не убедит, значит, их не убедишь ничем.

— Признаться, старик, — сказал Планкет, — я рад, что ты — Диммок. Теперь мы знаем всю эту

механику, и если есть здесь человек, который слышать не хочет про драконов, так это капитан Планкет.

— Да уйдите вы наконец! На чем мы остановились, Пегги? Ах да, на Туксе. «Для нового дела, которое я задумал, Тукс никак не подходит, у него нет ни предприимчивости, ни настоящего размаха. Можно было бы взять на испытательный срок одного из волшебников и поручить ему финансовые операции и налоговые дела фирмы».

— Железный малый, — сказал Планкет Сэму, когда они ушли с поляны. — Только тут он, кажется, малость пережал. Надо бы полегче. Кстати, старина, расскажи-ка мне об этой Энн Датон-Свифт.

Глава пятнадцатая. Слишком много неожиданностей

— Признаться, — сказала Энн Датон-Свифт Планкету, — я, как говорится, в колдовских делах ни бум-бум. Объясните, пожалуйста, дорогой шкипер, что тут было?

— Сию секунду, детка. Мальгрим примчался сюда, увидел, что Диммока и меня сцапали по приказу короля Мелиота, и выпросил у него разрешение взять нас в работу…

— То есть заколдовать вас?

— Вот именно. Меня превратил в Красного рыцаря, а Диммока — в дракона. И надо отдать ему справедливость — чистая была работка. Но старый Марлаграм — с виду-то он совсем развалина, а на самом деле малый не промах — он тут же явился, хихикая как полоумный, и побил Мальгримова туза.

— Только без этих карточных словечек, дорогой шкипер. Ненавижу бридж.

— И я тоже, — сказал Планкет. — Ничего не признаю, кроме покера. А говорил я вам… или… Ладно, как-нибудь в другой раз. Так вот, старый

Марлаграм предсказал, что Перадору будут грозить две опасности — лютый Красный рыцарь и дракон, ну, король и согласился, что тот, кто их победит, женится на его дочери. А это значило, что дело в шляпе, Сэм может не беспокоиться.

— Так вот почему здесь так торжественно празднуют этот, как бишь его? Никогда не слыхала раньше этого слова… ах да, сговор. А Сэм очень мил в своем наряде, правда?

— Да, король немного помешан на костюмах, но сегодня и он не скажет, что Сэм одет черт знает как. Все по-перадорски!

Сэм, стоявший перед королем в ожидании Мелисенты, был в коротком плаще, камзоле и штанах в обтяжку. Правая штанина у него была зеленая, как незрелое яблоко, а левая — белая в зеленую полоску, камзол был нежно-розовый, а плащ — темно-зеленый.

— Будь у него ляжки потолще, — сказал Планкет, — ни дать ни взять актриса на мужских ролях в пантомиме. Должен вам сказать… Нет, лучше потом, дело терпит.

— Интересно, в чем будет Мелисента, — задумчиво сказала мисс Датон-Свифт.

— Что бы там ни было, а она заставляет себя ждать. Старый Мелиот теряет терпение. Погля-

дите на него. Еще минута — и он взорвется, а уж тогда кто-нибудь непременно угодит за решетку.

— Я не вижу ни одного волшебника, — сказала Энн, оглядывая переполненную банкетную залу.

— Наверно, заняты где-нибудь еще. Но глядите… что это там?

Главный герольд, неправильно истолковав нетерпеливый взгляд короля, начал:

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! Его королевское величество Мелиот, король Перадора, повелитель Бергамора, Марралора и Парлота…

— Нет! Нет! Нет! — взревел король. — Погодите начинать! Где наша дочь? Где эта несносная девчонка? Эй, кто-нибудь, ведите ее сюда. И если она еще не закончила свой туалет — все равно ведите! Мы больше не можем ждать.

Сэм уже давно не находил себе места, а тут он заметил, что среди фрейлин, которые, подобрав юбки, со всех ног побежали разыскивать Мелисенту, Нинет не было. Не было видно и Мальгрима.

А вдруг они замыслили что-нибудь недоброе? Марлаграм, конечно, знает, в чем дело, но и его тоже нет.

— Несите факелы, — приказал король. Было уже поздно, и за окнами почти стемнело.

Фрейлины прибежали назад, размахивая руками и визжа:

— Ваше величество, ваше величество, принцессы Мелисенты нигде нет! Она исчезла!

— Исчезла? Вздор! Обыщите замок. Обшарьте все. — Король Мелиот повернулся к своим советникам. — До чего ж хотела выйти замуж за этого типа, а теперь, когда мы дали свое согласие, исчезла перед самым сговором. Ну, вылитая мать!

— Государь, — внушительно начал главный советник, — я всегда считал, что женщины…

— И мы тоже, и мы тоже! — прервал его король. — Но найдите ее, найдите, обшарьте весь замок. А где волшебник? Если не можете найти нашу дочь, найдите хоть кого-нибудь из волшебников.

Сэм подошел к Планкету и Энн Датон-Свифт.

— Вы не видели старого Марлаграма? Нет? Ну, тогда все мы погорели, можете мне поверить. Десять против одного, что Мальгрим и Нинет снова что-то затеяли. Марлаграм! — крикнул он. — Где вы? Что с Мелисентой? Как мне ее найти?

— Ступай в темницу, в самый дальний угол.

Голос, тихий, но отчетливый, донесся словно издалека.

— Это вы, Марлаграм?

— Хи-хи-хи!

— Старик, ну ясно же, это он, — сказал Планкет. — Давай иди в темницу.

— Только смотри, Сэм, не испорть свой чудесный костюм, — сказала Энн.

— Да пропади он пропадом! Мне нужен факел. Ну, до скорого.

С факелом в руке Сэм протолкался через толпу, бурлившую вокруг него, бегом спустился по длинной лестнице и, задыхаясь, влетел в темницу. Торопясь пробраться в дальний угол, он забыл, какой здесь скользкий пол, шлепнулся на спину и, болтая ногами в воздухе, заскользил куда-то вниз. С ревом налетел ветер. Вокруг были огни, шум, толпы людей. Он с трудом поднялся на ноги в своем родимом мире — лучшем из миров, с позволения сказать. Встать ему помогли две девушки.

— Вот, Эдна, та самая расцветка, о которой я тебе говорила, — сказала одна из них. — Зеленая. Правда, миленькая?

— Где я? — спросил Сэм. — Что здесь происходит?

— Бросьте, кого вы хотите одурачить? Да еще в этом костюме!

— Он, наверно, из павильона консервирован-

ного горошка, — сказала Эдна. — Такой павильон в виде средневекового замка, помнишь?

— Послушайте, никого я не хочу одурачить. Наверно, когда я упал, у меня отшибло память. Где я и что тут такое? Похоже на «Олимпию»[4].

— Непременно наберу себе такой материи, — сказала Эдна. — Так вот, если вы действительно все позабыли, это выставка консервированных и свежезамороженных продуктов тысяча девятьсот шестьдесят первого года.

— Большое спасибо, — сказал Сэм. — А теперь мне нужно разыскать одну мою знакомую. Раз я здесь, значит, и она должна быть где-то поблизости. Привет!

К его облегчению, костюм его не привлекал особого внимания, если не считать улыбок нескольких девушек и кривых усмешек мужчин. Он задержался у палатки, где пухлая женщина демонстрировала моментальное приготовление сбитой яичницы по методу миссис Милкин. Как только она, перевернув сковороду, выложила дымящуюся яичницу на тарелку, шестеро зрителей, собравшихся у палатки, начали расходиться. Пухлая женщина неприязненно поглядела им вслед.

---

[4] Примечания: 4
Выставочный зал в Лондоне.

— Не знаю, как вам здесь понравилось, — сказала она Сэму, принимая его за одного из своих, — а только, по мне, они хуже дохлых кошек. Все говорили: «Вот погодите, приедем в Лондон». Ну, вот мы и в Лондоне, верно? Нет уж, лучше Манчестер и Бирмингем. Заелись они здесь, вот что. Не хотите ли закусить, дружок?

— С удовольствием, — сказал Сэм. — Я голоден.

— Тогда сделайте одолжение, съешьте вот это. Каждую минуту может подойти наш коммерческий директор, так пусть думает, будто кто-то пробовал яичницу.

Сэм взял вилку, а женщина тем временем круто посолила и поперчила свою стряпню. Когда она протянула ему тарелку, на лице у него, должно быть, отразилось сомнение.

— Берите, яичница не так уж плоха. Правда, жидковата и малость припахивает, но у нас бывало и похуже. Если хотите запить, у меня под прилавком есть бутылка пива, только пейте быстро.

— А кто эта миссис Милкин?

— У нее фабрика яичного порошка в Нью-Джерси, дружок. Да еще вторая такая же строится в Портленде, штат Орегон. Сейчас достану пиво.

— Я ищу свою девушку, — сказал Сэм, рас-

правившись с яичницей и быстро проглотив пиво. — Ее зовут Мелисента. Она блондинка, не крашеная, а настоящая и потрясающе красивая…

— Вот здорово!

— Она должна быть в средневековом костюме, как и я. Вы ее не видели?

— Сегодня за весь вечер я не видела ни одного симпатичного человека, дружок. — И она обратилась к женщине, которая в палатке напротив рекламировала консервированный омлет. — Что это с ними сегодня? Куда они все тащатся? Ах да, на конкурс тортов из полуфабрикатов. — Она повернулась к Сэму.

— Вы бы лучше поискали ее на конкурсе тортов, дружок. Она, верно, где-нибудь там.

За павильонами у помоста с занавесом и двумя громкоговорителями по бокам толпился народ. Стоя поодаль, у самых павильонов, Сэм мог лишь смутно разглядеть четырех девушек на помосте, должно быть участниц конкурса; против них сидели в непринужденных позах еще человек пять-шесть, вероятно жюри. Телевизионные камеры поворачивались во все стороны; из громкоговорителей сыпались милые шуточки, вроде сообщения о том, что наступил Судный день; то и дело раздавались дурацкие аплодисменты, без

которых не обходится ни одно подобное зрелище. Голос распорядителя показался Сэму знакомым. Нет, это просто невероятно! Но сомневаться не приходилось — это был… Мальгрим.

— А теперь леди Нинет объявит решение жюри, — говорил он. — Леди Нинет, прошу вас.

И, конечно, снова аплодисменты.

Нинет словно всю жизнь только этим и занималась. Она держалась и говорила именно так, как требуется.

— Дорогие друзья, наше авторитетное жюри поручило мне огласить свое решение. Мы все до глубины души восхищены новым небывалым подъемом нашего кондитерского искусства и рады сообщить вам, что первая премия единогласно присуждена Мелисенте Перадор!

Снова аплодисменты.

— Благодарю вас, леди Нинет! — сказал Мальгрим. — Итак, по единогласному решению жюри, Мелисента Перадор объявляется Королевой Ореховых Тортов тысяча девятьсот шестьдесят первого года!

Приветственные крики, аплодисменты, свистки и рев фанфар, который изобразили три гвардейских трубача. Остолбеневший Сэм увидел, как Мелисенту, которая двигалась словно во сне,

подтолкнули к микрофону.

— Поздравляем вас, Мелисента. Вы — Королева Ореховых Тортов тысяча девятьсот шестьдесят первого года. А теперь скажите, чего бы вы хотели.

— Вы знаете, что я хочу, — сказала Мелисента. — Я хочу к Сэму.

— Я здесь! — крикнул Сэм и рванулся вперед. Но тут по воле злой судьбы дорогу ему преградил павильон замороженных рыбных филе Фергюсона.

— Эй, куда тебя несет? — крикнул выскочивший из-за прилавка здоровенный грубый субъект, вероятно рыбак с траулера. — Погляди лучше, какие филе.

— Пустите! — Сэм оттолкнул его. И тут они сцепились. Палатка качалась, куски замороженного филе градом сыпались Сэму на голову. Сэм уже подумывал о том, что неплохо бы врезать этому наглецу хороший хук левой, как вдруг сзади его схватили за руки, кто-то огрел его по голове, и он потерял сознание.

— А теперь, когда вам стало лучше, — говорил полицейский инспектор, — попробуем начать сначала. Только, пожалуйста, без глупостей насчет всяких принцесс и драконов. Ваша фамилия?

— Альгрим, — сказал Сэм. На столе перед ним стояла чашка чаю. Видимо, в этот час в полицейском участке разносили чай — перед каждым полисменом тоже стояла чашка, — М. Альгрим.

Он отхлебнул от чашки.

— Пожалуйста, полностью. Что означает М.?

— Морис.

— Так. Морис Альгрим. Адрес?

— Северо-Запад, 9, Мелиот-террас, 10, — ответил Сэм без запинки.

— Где работаете?

— Я наладчик электронных вычислительных машин. Это очень ответственная работа. Машины иногда делают грубые ошибки, даже если хорошо налажены, а если не налажены, то они вытворяют бог знает что.

— Так же как и вы, мистер Альгрим, — сурово сказал инспектор. У него было длинное худое лицо, а глаза сидели так близко к носу, что он походил на огромное насекомое или на существо с другой планеты. — А еще такой солидный человек. Что вы делали в этом костюме на выставке и зачем затеяли скандал?

— Это долгая история, — сказал Сэм, лихорадочно придумывая, что бы такое сказать, — боюсь, вам будет неинтересно.

— Ничего, когда надоест, я сам скажу.

Инспектор поглядел на своих подчиненных, ожидая, что они оценят его остроумие, и два молодых констебля хихикнули в свои чашки.

— Я одет так потому, что заменял своего двоюродного брата: он работает на выставке в павильоне консервированного горошка. Их в этом году одели в маскарадные костюмы. А на конкурс тортов я пошел, потому что в нем участвовала одна моя знакомая. Я увидел ее издали, и мне показалось, что ей дурно. Тогда я попробовал протиснуться поближе и крикнул, что я здесь. Вы ведь и сами на моем месте поступили бы так же, правда?

— Нет, — сказал инспектор. — Ну-с, а как началась драка?

— Я пробирался мимо павильона замороженного филе Фергюсона, а этот тип нагло схватил меня и спрашивает, куда меня несет, ну, мы с ним и сцепились. Но, заметьте, меня схватили за руки — меня, а не его! — и бацнули чем-то сзади, наверно мороженой треской, до сих пор голова гудит. Словом, насколько мне известно, только я один и пострадал.

— Да, насколько вам известно, — с расстановкой сказал инспектор. Судя по его тону, после

этого побоища скончалось не менее полудюжины человек, в том числе женщины и дети. — Но ведь могут быть вещи, которые вам не известны, не так ли, мистер Альгрим? Однако на этот раз вы правы. Поскольку возмещения убытков с вас не требуют и служащие Фергюсона вообще нас не вызывали, а этот малый ничего толком объяснить не может, я вас отпускаю. Но смотрите, больше не впутывайтесь ни в какие истории, особенно когда на вас эти панталоны. До свидания, мистер Альгрим.

Когда Сэм вышел, его противник, похожий на рыбака с траулера, стоял на мостовой возле огромного лимузина. Внутри сидели еще двое мужчин, тоже похожие на рыбаков, и три толстые женщины. Все они громко орали и визгливо хохотали, предвкушая ночную пирушку.

— Рад, что тебя выпустили, дружище, — сказал противник Сэма, протягивая ему руку. — Надеюсь, ты не сердишься? Ну и хорошо, это в старом добром английском духе. Вот окажись у тебя нож, я бы сейчас глядел на тебя по-иному.

— А я бы глядел на тебя по-иному, если б врезал тебе хук левой, — сказал Сэм. — Но меня схватили за руки.

— Хука я ждал и был наготове. А их я не просил

вмешиваться, ясно? Ну да ладно, все обошлось.

— А как филе?

— Да это все муляжи. Дай я еще разок пожму твою руку, дружище. Тебе случайно не в Гримсби?

— Нет, спасибо. Ей-богу, в первый раз вижу человека, которому в Гримсби.

— Ну, так мы поехали. Счастливо, дружище.

Сэм видел, как он сел в машину к своим развеселым друзьям. Он подождал, пока лимузин скрылся из виду, а потом побрел, сам не зная куда. Было далеко за полночь, и во всем Лондоне окна были закрыты ставнями так плотно, что казалось, они не откроются уже никогда. Накрапывало, в любую минуту мог хлынуть проливной дождь. Сэм чувствовал себя очень несчастным.

Вскоре ему стало совсем скверно. Перед ним тянулась Кромвел-роуд, бесконечная, словно жизнь, в конце которой тебя ждет либо пенсия и тоскливые поездки в Борнемут[5], либо смерть. У Сэма разламывалась от боли голова, и вдруг у него мелькнула ужасная мысль, что вовсе он не явился сюда из Перадора, чтобы найти Мелисенту, что никакой Мелисенты вообще нет

---

[5] Примечания: 5
Морской курорт на юге Англии.

и Перадора нет тоже, что все это ему только приснилось, померещилось с перепоя после слишком бурной ночи в «Вороном коне» или в Артистическом клубе в Челси. Должно быть, он просто-напросто слишком долго фантазировал над этим эскизом для «Чулка прекрасной дамы» — вот и все. Король Мелиот и оба волшебника, турнир на залитом солнцем поле и дракон на тенистой лесной поляне, даже сама Мелисента — все быстро побледнело в его памяти. Реальна была лишь эта тьма, этот дождь, эта бесконечная, унылая Кромвел-роуд. Он готов был заплакать.

Показалось такси. Соображая, наскребет ли он мелочи, Сэм хотел сунуть руку в карман штанов. Но рука лишь скользнула по мокрой штанине. Ах да, камзол и штаны в обтяжку! Что ж это все-таки значит? Ведь он уже не в первый раз обнаруживает на себе маскарадный костюм. Прежде чем он успел решить эту загадку, такси остановилось.

— Да ведь вы заняты, — разочарованно протянул Сэм.

— Пассажирка возражать не будет, — сказал шофер. — Хи-хи-хи!

— Марлаграм?

— Ах, милый, ну садись же скорей! — воскликнула Мелисента. — Боже, да ты весь промок.

— Но как… что… где… почему?..

— Куда прикажете, сэр? — спросил Марлаграм, чересчур усердно играя свою роль таксиста.

— Два раза вокруг парка, а потом прямиком в Перадор, — радостно сказал Сэм.

— Вокруг какого парка?

— Все равно.

Около Риджент-парка их остановил полисмен.

— Предъявите водительское удостоверение, — сказал он Марлаграму.

— Пожалуйста, хи-хи-хи! Но почему только одно? Вот вам пятьсот штук, приятель! А вы, влюбленные голубки, готовы отправиться в Перадор?

— И тут, — рассказывал потом полисмен сержанту, заглядывая в свой блокнот, — шофер швырнул мне целую кучу бумажек и исчез вместе с двумя пассажирами, а около меня осталась пустая машина, так что не было никакой возможности установить, кто ее вел и кто в ней ехал. Я говорю сущую правду, сержант, это так же верно, как то, что я сейчас стою перед вами. Ах да, чуть не забыл. Мне кажется, он сказал, что все они отправляются в Перадор.

— А теперь я скажу тебе, куда ты отправишься, малый, если будешь таким ротозеем… — начал

сержант.

Но какое нам до них дело? Давайте-ка лучше и мы отправимся в Перадор.

Глава шестнадцатая. Сделка с волшебниками

В домике, где жили Марлаграм и Мальгрим, наступил час завтрака. Марлаграм вошел в маленькую столовую, сел и, как бы обращаясь к невидимому официанту, сказал:

— Тарелку овсянки, да поживей!

Тарелка — и довольно большая — мигом появилась на столе, и Марлаграм принялся есть, противно чавкая и роняя кашу себе на бороду. Его племянник Мальгрим пришел чуть попозже и, садясь за стол, с презрением взглянул на неопрятного старика.

Это нисколько не смутило Марлаграма.

— Съешь и ты тарелку овсянки, племянник, — сказал он.

— Ну нет, клянусь великим Вельзевулом! — Мальгрима передернуло. — Стану я есть эту пакость! — Он устремил пристальный, сосредоточенный взгляд в пустоту над столом. — Утку с зеленым горошком, — резко приказал он. — И бутылку бордо, — Он подождал несколько минут, но безрезультатно. — Ты что, не слышал меня? Я

хочу утку с зеленым горошком и бутылку бордо.

— Хи-хи-хи! — Марлаграм поднял ложку. — Тарелку овсянки, да поживей!

Перед Мальгримом тотчас появилась овсянка. Он вскочил и сказал сердито:

— Ну, дядюшка, это уж слишком! Мы ведь уговорились раз и навсегда: какие бы профессиональные приемы мы ни пускали в ход друг против друга, домашних дел это не должно касаться. Вы нарушили договор.

— А кто первый начал нарушать договоры? Ты, племянничек.

— Вы бы хоть кашу вытерли с бороды.

— Ну нет, не увиливай. Вчера вечером, когда король Мелиот назначил помолвку, ты проиграл, а я выиграл. Ты думал, племянник, у тебя преимущество в целый ход, хи-хи-хи! Примчался сюда, превратил одного из этих олухов в Красного рыцаря, другого — в дракона, а сам все время работал на меня и даже не подозревал об этом. Ведь верно?

— Да, признаться, тут вы все ловко устроили, — буркнул Мальгрим. — Видно, я недооценил вас. Но…

— Постой, племянник, я еще не кончил. И потом, ты — против всех правил — расстроил

сговор, хитростью заманив бедняжку Мелисенту в другой мир. И только я подумал, что наконец-то можно немного передохнуть — приходится опять лететь сломя голову и выбиваться из сил. Я даже прикинулся погонялой в повозке без лошади — уверен, тебе такое и не снилось. Ты играл нечестно и сам это знаешь. Чем же ты лучше какой-нибудь из подручных феи Морганы, этих мерзопакостных ведьм, они тоже играют без правил! Мне стыдно за тебя, племянничек. Так что или ты съешь овсянку — кстати, она тебе совсем не повредит, — или останешься без завтрака.

— Ну и прекрасно, я не голоден.

— И вот еще что, племянник. Как ты думаешь, куда запропастилась эта твоя Нинет, а? Хи-хи-хи! Ты, кажется, искал ее сегодня все утро?

— Так это вы, дядя… — сердито начал Мальгрим.

— Видел большое стадо гусей возле замка? — прервал его Марлаграм. — Хи-хи-хи! Ищи ее там.

Мальгрим снова вскочил со стула.

— Ах вы, бессовестный старый…

— Сядь, племянник. Там этих гусей сотни две или три — до ночи с ними провозишься. Я расколдую ее, как только мы покончим с делом. И конечно, если ты мне поможешь расколдовать

Диммока.

— Ха-ха! Так вы про него не забыли? Положение не из легких, а?

— Все было бы в порядке, племянник, не вмешайся ты снова вчера вечером. Из-за того, что Мелисенты вчера вечером не оказалось на месте, король Мелиот теперь гневается: нет, говорит, доказательств, что Сэм действительно убил дракона. А все из-за тебя. Словом, придется нам теперь заняться Диммоком, иначе дело не пойдет. Сюда как раз идут Сэм и капитан Планкет.

— Неужели? А вы откуда знаете?

— Как откуда? В конце концов, волшебник я или нет? Да и вообще тебе до меня далеко. Но зато, если у тебя будет сын или племянник, им будет далеко до тебя. Наша профессия — не для дураков, запомни это. Вот почему в ней наблюдается регресс вместо прогресса. А стало быть, чем старше волшебник, тем выше он среди своих собратьев. Иначе и быть не может.

— Но вы понимаете, что это значит? — серьезно сказал Мальгрим. — Да ведь этак при неуклонном регрессе через несколько сот лет…

— …волшебники измельчают и превратятся в жалких дилетантов! — подхватил Марлаграм. — Да, к тому времени люди и верить перестанут

в наше былое могущество. Но тут уж ничего не поделаешь. Регресс есть регресс. Входите, входите! — воскликнул он. Вошли Сэм и Планкет. — Садитесь, пожалуйста. Чего бы вы хотели выпить?

— Две двойные мальвазии, — сказал Планкет.

Марлаграм уставился в пустоту над столом.

— Две большие чаши мальвазии, живо!

Вино тотчас появилось.

— Вот это сервис, — сказал Планкет с восхищением. — А не могли бы вы раздобыть мне сигару, старик?

— Только не здесь, — сказал Марлаграм. — И не сейчас. Для этого должно пройти еще много сот лет.

— Жаль. Ну что ж, ваше здоровье! — И, выпив чашу почти до дна, он продолжал: — Ну, Сэм, старина, выкладывай.

— Так вот, — сказал Сэм. — Все очень просто. Нужно расколдовать Диммока и сделать так, чтоб король поверил, что я победил дракона. В конце концов, я ведь не знал, что дракон — Диммок, когда вызывал его на бой. Стало быть, не такой уж я обманщик.

— Ясное дело, — сказал Планкет, — кому могло прийти в голову, что эта помесь паровоза с кро-

кодилом — наш приятель Диммок? Ей-ей, Сэм держался молодцом, а раз так, значит, он молодец и есть. Но кто же в это поверит, если дракон болтается по соседству и диктует письма своей секретарше!

— Не тратьте слов понапрасну, — сказал Марлаграм. — Я хочу создать фирму, и мы уже столковались. Стало быть, мне не меньше, чем вам, нужен Диммок, а не дракон. Но все это совсем не так просто…

Он замолчал в нерешительности.

— Джентльмены, — сказал Мальгрим с самой изысканной улыбкой. — Я объясню, почему мой дядя мнется и не решается договорить. Он не может без моей помощи вернуть Диммоку его прежний облик.

— Будь у меня побольше времени — вернул бы.

— Может быть. А может, и нет. Но время не терпит, дорогой дядюшка.

— Это правда, — сказал Сэм. — Дракону давно пора исчезнуть.

— А я помогу вам только в том случае, если вы примете мои условия, — продолжал Мальгрим невозмутимо. — Я хочу войти в правление новой компании. И, кроме того, дядя, вы должны вызво-

лить Нинет из гусиного стада.

— Ах, так вот она где! Ну и поделом ей! — сказал Сэм. — Ох, уж эта Нинет! Да и вы тоже хороши! «Королева Ореховых Тортов тысяча девятьсот шестьдесят первого года!» Что за дурацкая выдумка!

— Да нет, просто шутка, — сказал Мальгрим. — Для разнообразия, чтобы как-то развлечься среди суровой действительности. Но вы слышали мои условия, джентльмены?

Сэм умоляюще поглядел на старого волшебника.

— Магистр Марлаграм, прошу вас…

Но, прежде чем он успел договорить, появилась Мелисента, словно по мановению волшебной палочки.

— Магистр Марлаграм, — сказала она, — вы нам помогали, и мы очень благодарны вам за это, но зачем же теперь все портить!

— Одну минутку, — сказал Марлаграм с тревогой. — Вы как сюда проникли?

— И я как раз хотел спросить то же самое, — сказал Мальгрим. — Вы не могли войти сюда сами.

— И никто не может без нашего позволения. В конце концов, мы ведь волшебники.

— Так кто же вам помог?

Мелисента улыбнулась.

— Ну, если вас это интересует, в замок только что прибыла моя троюродная сестра, а она — ученица феи Морганы.

— Что-о? — Марлаграм с Мальгримом разом подскочили и быстро заговорили, перебивая друг друга:

— Племянник, мы не потерпим здесь молодую колдунью…

— На последней конференции в Авалоне эта территория была отдана нам безраздельно…

— Но ты ведь знаешь женщин, племянник. Слушай, нам надо объясниться. Диммок, дракон, дела компании и все прочее…

— Правильно, дядя. И тогда станет ясно, кто имеет право колдовать на этой территории.

— Извините нас, мы ненадолго. Ну-ка, племянник, раз, два, три…

И они исчезли.

Мелисента засмеялась и села на стул.

— Я так и думала, что мне живо удастся их спровадить. Нет у меня никакой троюродной сестры, которая училась бы у феи Морганы. И вошла я сюда без всяких помех, — наверно, невидимый демон, который следит за домом, чем-нибудь расстроен сегодня. Ну, разве я не умница, Сэм,

милый?

— Да, Мелисента, дорогая, — сказал Сэм, который никак не мог прийти в себя от удивления.

— Понимаешь, старик, надо держать ухо востро, всякая женщина становится колдуньей, когда захочет, — сказал Планкет. — Ну ладно, давайте-ка испытаем этого невидимого демона. — Он пристально уставился в пустоту примерно в трех футах над столом и повелительным тоном сказал: — Хочу еще большую чашу мальвазии.

Целая бутылка вина вылилась ему прямо на голову. Откуда-то сверху раздался демонический хохот. Мелисента тоже прыснула, а Планкет плевался и шипел от злости. Потом Мелисента серьезно поглядела на Сэма.

— Дорогой, как только эта история с драконом будет улажена и отец успокоится, нам придется решать, где будет свадьба, и потом, конечно, какой наряд мне надеть.

— Насчет наряда уж ты сама решай, — сказал ей Сэм.

— Не беспокойся, милый, я так и сделаю.

— А что до свадьбы, — продолжал Сэм, — так я думаю, пусть она будет вроде бы смешанной. Я хочу сказать, два мира так смешались, что на свадьбе должны быть гости из обоих.

— Вот это правильно, старина, — сказал Планкет, который уже успел вытереться. — Кстати, это пойдет на пользу новой компании.

— Какой компании? — спросила Мелисента.

— Это скучные деловые разговоры, дорогая. Дела предоставь нам.

На миг в комнате стало темно, все вокруг закачалось, и появились оба волшебника; они тяжело дышали, но улыбались.

— Чистая работка. Хи-хи-хи! Диммок сейчас будет здесь. Мы оставили на поляне драконову голову, чтобы король Мелиот мог на нее полюбоваться. Он туда пойдет, Сэм. Это мы тоже устроили. Хи-хи-хи!

— А теперь я могу открыть вам, — сказала Мелисента, — что никакой колдуньи в замке нет. Я просто подшутила над вами. Но в чем дело? Отчего вы глядите на меня так, будто у меня нос блестит?

Марлаграм рассмеялся.

— Вы ошиблись всего на один день, принцесса. Молодая колдунья прибывает завтра.

— Она увидела Сэма в волшебном зеркале, — сказал Мальгрим многозначительно.

— Как? — Мелисента пришла в ужас. Она крепко схватила Сэма за руку. — В таком случае его

она здесь не увидит. Но зато увидит меня, и если она вообразила, что может явиться сюда и…

Тут вошел Диммок, запыхавшийся, красный и взволнованный.

— Прошу прощения… принцесса Мелисента… джентльмены… Но знаете ли, когда вдруг перестаешь быть драконом и пулей вылетаешь из леса, это, скажу я вам…

— Пойдем, Сэм, милый, — сказала Мелисента. — Тебе нужно поговорить с папой, а потом мы решим насчет свадьбы.

И она увела его.

— Ну-с, джентльмены, — сказал Диммок, садясь. — Прежде чем перейти к делам, я бы не прочь выпить.

— Непременно, — сказал Марлаграм. — Ну-ка…

— Обождите, — запротестовал Планкет, — лучше обойдемся без услуг невидимого демона. Он нечисто работает. Нет ли другого способа?

— Отчего же нет? — сказал Мальгрим. Он хлопнул в ладоши.

— Да, сэр? — сказала буфетчица, входя. — Что вам подать?

— Вот так-то лучше, — сказал Планкет. — Два двойных шотландских, Куини. А погодка-то опять разгулялась, правда?

— При всем своем уважении к волшебникам, — сказал Планкет, когда буфетчица вышла, — я считаю, что и в колдовстве нужно знать меру. Я говорю — уберите своего невидимого домашнего демона. Я предлагаю — никакого колдовства в неурочное время. Куини нас вполне устраивает.

— Но ведь это тоже колдовство, — сказал Мальгрим небрежно. — Она уверена, что сидит в «Вороном коне», ждет, пока придет время открывать бар, и фантазирует. А может, она и впрямь фантазерка.

— Может, все мы фантазируем, — сказал Планкет. — Поневоле призадумаешься, верно?

— Пустяки, — сказал Марлаграм. — Поставьте бокалы на стол и ступайте, — обратился он к буфетчице, которая принесла виски.

Как только она вышла, Диммок спросил:

— Ну, кто будет председательствовать?

— Я, — сказал Марлаграм, — хи-хи-хи! Ведь я старше вас всех.

— Превосходно, — сказал Мальгрим, — Так вот, господин председатель, мои предложения. Господа Марлаграм и Мальгрим входят в правление новой компании, в которую преобразуется фирма «Уоллеби, Диммок, Пейли и Тукс». Уоллеби и Тукс выводятся из правления, и учредительские

акции передаются Марлаграму и Мальгриму. Новая фирма будет именоваться «Марлаграм, Мальгрим, Диммок и Пейли»…

— Ну нет, господин председатель, — сказал Диммок с некоторым раздражением. — Я готов признать ваше старшинство, но меня слишком хорошо знают в рекламном мире, чтобы — при всех исключительных способностях мистера Мальгрима — мое имя стояло после его имени. Предлагаю, чтобы новое агентство именовалось «Марлаграм, Диммок, Мальгрим и Пейли».

— Согласен, — сказал Марлаграм. — Так что, я думаю, нечего и голосовать. Хи-хи-хи! И давайте назначим капитана Планкета главным управляющим нашего филиала — туристского агентства, которое будет именоваться «Марлаграм, Мальгрим и Диммок», идет?

— Идет, — сказал Диммок. — Но как вы пронюхали об этой идее?

— Ведь мы же все-таки волшебники, — сказал Мальгрим.

— Да, — сказал Планкет, — и с вами, ребята, мудрено будет запутать счета.

— И вот еще что, господа, — старый Марлаграм оживился, — все, что дадут Англия и Перадор, мы делим поровну. Но из прибылей с Шотландии и

Оркнейских островов я претендую на семьдесят пять процентов. У меня там большие связи.

Мальгрим тоже оживился.

— А я не соглашусь меньше чем на шестьдесят пять процентов прибылей, которые даст Уэльс и еще Лайонесс.

— Но ведь такого места нет, — возразил Диммок.

— Нет, в этом мире есть.

— Нам будет нелегко его рекламировать в нашем мире.

— Напротив, — сказал Мальгрим. — Побывать в краю, которого больше нет, — что может быть заманчивее.

— Правильно, — сказал Планкет. — Трехдневное путешествие в Лайонесс, полный пансион и осмотр всех достопримечательностей. Блеск!

— К порядку, к порядку, джентльмены! — воскликнул Марлаграм. — Так на чем мы остановились? Какой следующий вопрос на повестке дня?

— Господин председатель, — сказал Диммок. — Скажу вам прямо, я не могу плодотворно работать без сигары.

— Не выйдет, старик, — сказал Планкет. — Я уже пробовал, еще много сот лет…

— Никогда не поверю, чтобы два первокласс-

ных волшебника не смогли раздобыть нам парочку сигар.

И Диммок взглянул на волшебников.

— Что ж, попробуем, — милостиво согласился Марлаграм. — Ты готов, племянник? Тихо, друзья.

Волшебники закрыли глаза и что-то забормотали. Через несколько секунд на стол упали две небольшие черные сигары.

— Бразильские, — сказал Планкет, осматривая сигару. — Что ж, видел я сигары получше, видел и похуже. Дай-ка огоньку, старик.

Скоро в комнате было полным-полно дыма, и дело пошло на лад.

Глава семнадцатая. Свадебный пир

Свадьба Сэма и Мелисенты была, пожалуй, самой трудной задачей, какую спокон веку доводилось решать волшебникам: все оказалось таким трудным, что Марлаграму с Мальгримом, хоть они и действовали заодно, пришлось просить помощи у феи Морганы. Нужно было по крайней мере на три часа соединить оба мира от кабинета Диммока до банкетной залы в замке короля Мелиота. Волшебники составили невиданно длинный стол, который протянулся из одного мира в другой. Современный его конец был сервирован довольно строго и небогато, гости, официанты и официантки — все только в черном и белом, а угощение скудное; зато перадорский конец стола буквально ломился от кабаньих голов, жареных павлинов и лебедей, окороков, целых замков из миндаля в меду, кувшинов и чаш, причем платье гостей и даже слуг поражало своей пышностью и великолепием. Румяные перадорские слуги разливали по чашам целые галлоны вина и пива, весело смеялись

всякой шутке, а на современном конце меланхоличный официант и усталая, насупленная официантка с нескрываемым отвращением наливали что-то бесцветное в маленькие рюмочки. Капитан Планкет, старый шкипер, предвидя столь существенную разницу, исхлопотал для себя и для Энн Датон-Свифт приглашение сидеть на перадорском конце стола. Невеста в белом парчовом наряде была прекрасна, как принцесса из волшебной сказки, что, кстати, нисколько не противоречило истине. У Сэма был удивленный вид, словно он все еще не мог понять, что же все-таки происходит. Король Мелиот был пьян, но милостиво и ласково улыбался незнакомым людям, одетым черт знает как.

Диммок, сжимая в руке толстую пачку исписанных на машинке листков, вот уже двадцать минут силился провозгласить тост за Перадор. Нелегко соединить трагический надрыв с бессвязным бормотанием, но Диммок, провозглашая тост, преуспел и в том и в другом, отчасти потому, что страницы были перепутаны, отчасти же из-за пневматических дрелей, которые все время прерывали его своим грохотом.

— И… э-э-э-э… заканчивая это краткое приветственное слово… поскольку я, конечно, никак

не предполагал, что мне… э-э… выпадет счастье поднять этот тост… в заключение я… э-э… хочу заверить всех наших перадорских друзей… — Тут Диммок снова зашелестел своими страничками, — …что если когда-нибудь они захотят побывать у нас… мы, со своей стороны, будем счастливы… э-э… показать им все, что у нас есть… и объяснить как можно понятнее сущность всех этих… э-э… поразительных достижений, которые свидетельствуют… э-э… о прогрессе и торжестве великой современной цивилизации. Позвольте же мне…

Но тут пневматические дрели, видимо собравшись с силами, загрохотали снова. Диммок в бешенстве отшвырнул свои листки и опустился на стул. Дрели тотчас смолкли. Тогда он схватил листки и встал, но дрели опять загрохотали. Он сел, не в силах больше бороться, и дрели смолкли.

— От имени Перадора ответный тост произнесет магистр Марлаграм, — объявил король Мелиот.

Старый волшебник выскочил откуда-то снизу, словно чертик из шкатулки.

— Ваше величество, леди и джентльмены, хи-хи-хи! Выслушав получасовую речь нашего друга

мистера Диммока, я буду очень краток. Если он или другие наши друзья в его мире устанут от своего прогресса — хи-хи-хи! — и достижений цивилизации, если они захотят покоя и тишины, хорошей еды и вина, чистого воздуха, спокойной беседы, крепкого сна, захотят отдохнуть от радиации, которая пожирает мозг в их костях, мы, со своей стороны, сделаем все, что в наших слабых силах, чтобы они у нас не скучали. Бла-го-да-рю за вни-ма-ни-е, хи-хи-хи!

Марлаграм сел, все еще хихикая, и все зааплодировали, только Мальгрим поглядел на него неодобрительно.

— У вас на бороде желток и крошки пирога, — сказал он сурово. — И речь ваша никуда не годится — содержание убогое, да и стиль хромает. Увы, я разочарован. Ни одного каламбура!

— Тише, дорогой, — сказала Нинет. — Видите — король встал!

— Тост за здоровье невесты и жениха провозгласит капитан Планкет, если только он еще не упился вконец, — объявил король Мелиот.

Старый шкипер с помощью Энн Датон-Свифт неуверенно поднялся, уставился на нетронутую кабанью голову, потом, выпучив глаза, оглядел собравшихся и громко откашлялся.

— Ваше величество, принцесса Мелисента, сэр Сэм, друзья, — начал он. — Я буду краток, так как кое-кто здесь, мне кажется, явно хватил лишку.

— Нет, что вы! — воскликнула буфетчица. — Что вы, ик-ик… ах, простите!

Эта заминка, каковой он не преминул воспользоваться, дала Планкету возможность слегка подкрепиться. Затем он устремил мутный взгляд в сторону невесты и жениха.

— Принцесса и Сэм говорят, что будут жить в обоих мирах. Что правда, то правда. Ловко придумано. Я сказал — ловко придумано, — повторил он, повысив голос, словно кто-то ему возражал, и сверкнул глазами, ни на кого не глядя. — Я тоже буду жить и тут и там. Я сказал: я тоже. Помню, сколько было болтовни о том, что есть, мол, только один мир. Нет. Нет, нет и нет! — Он погрозил кулаком Диммоку, Герберту Пейли, миссис Диммок, миссис Пейли, Филипу Спенсеру Смиту и его знакомой по имени Пенелопа Дилл, которая прыснула со смеху. — Ничего смешного! Дело серьезное. Я говорю — есть два мира. И принцесса с Сэмом говорят то же. Есть, конечно, разница в один день. На этом конце стола — среда, а на том — вторник. Ну и что из этого? Кого это волнует? Подумаешь — пусть даже будет две субботы на

неделе и ни одного понедельника. Однажды в Коста-Рике я чуть не две недели кряду думал, что на дворе четверг — отрастил бороду и почти что выучился играть на мандолине. Ладно, расскажу вам об этом как-нибудь в другой раз. — Он взял со стола кувшин и опорожнил его с громким бульканьем. — Ну вот, кажется, и все. Тост? Правильно!.. — Он нахмурился, с трудом ворочая языком. — А теперь пускай счастливая парочка пожелает счастья и всяческих благ всем нам. Итак — за наше здоровье!

Гости встали и выпили за новобрачных. Все аплодировали и кричали «ура», только Пенелопа Дилл все хихикала.

— К сожалению, я не привыкла говорить речи, — спокойно сказала Мелисента. — Поэтому, выражая вам обоим свою признательность и за любезный тост, и за то, как он был встречен, я попрошу ответить моего супруга.

— Благодарю, благодарю вас всех, — сказал Сэм, взглянув сначала на один, а потом на другой конец стола. — Я лучше всех сознаю, что не достоин руки и сердца прекрасной принцессы. Я не так уж умен. И не так уж храбр. Просто мне повезло. О себе могу сказать только одно: когда великий день настал, я сразу понял, хоть мне никто об этом и

не говорил, что наконец-то наступило тридцать первое — славное тридцать первое июня.

Король Мелиот подождал, пока стихнет шум.

— А теперь, — сказал он с сомнением в голосе, — мистер Лэмисон споет нам под аккомпанемент лютни песню «Черный рыцарь взял мое сердце в полон».

Ну что ж, простимся, читатель.